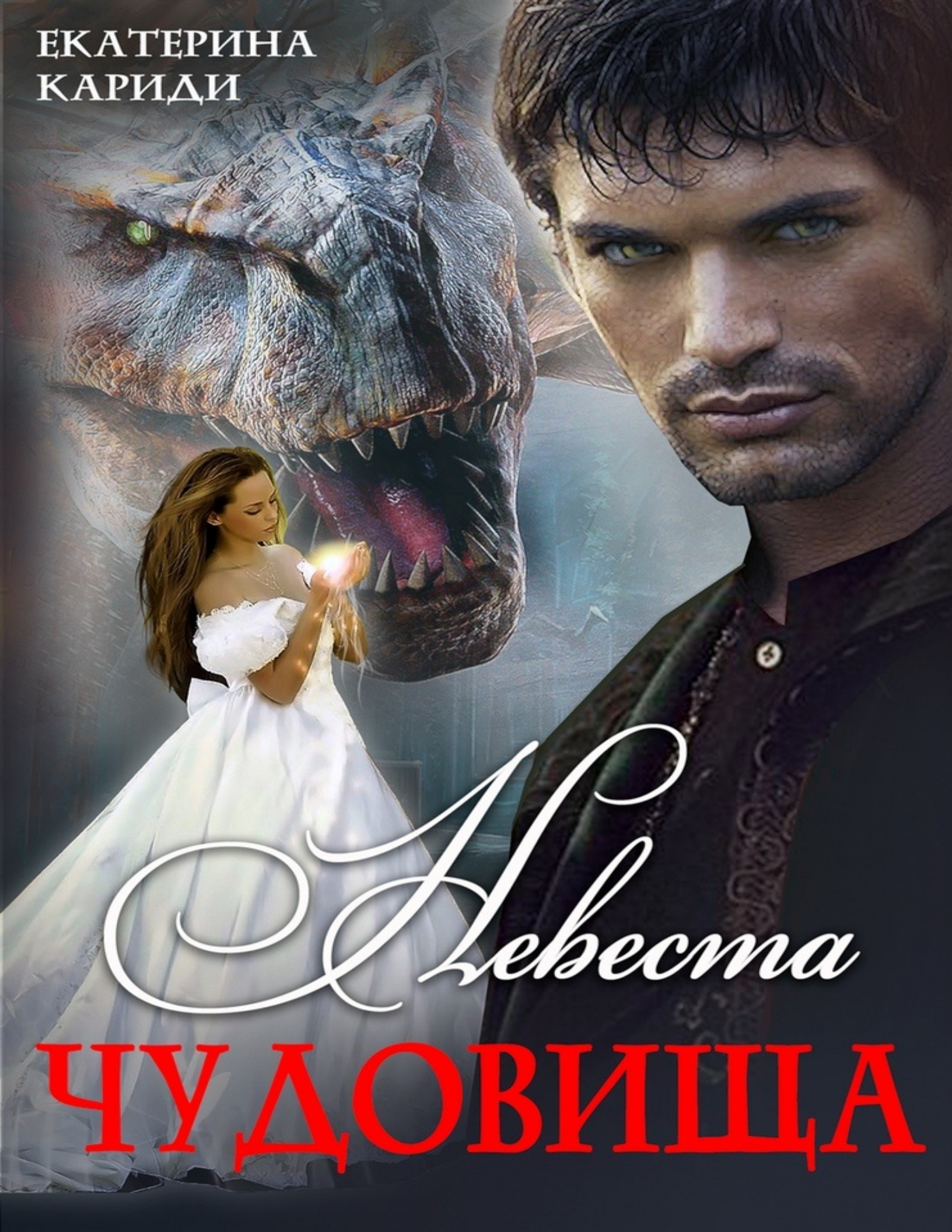

ЕКАТЕРИНА
КАРИДИ

The Bride of the Dragon

ЧУДОВИЩА

Annotation

Каждый год царство платит дань жестокому завоевателю - семь смертников для чудовища. А в этот раз он потребовал еще одного данника - царскую дочь. Но в невесты чудовищному оборотню отдадут не царевну, а незаконную дочь царя Гесту.

Что ожидает девушку, страшная смерть, или судьба сулит ей любовь? И кто на самом деле чудовище? Она не узнает этого, пока не отправится... в Лабиринт.

По мотивам легенды о Минотавре, сказок "Красавица и чудовище", "Золушка", "Дракон и сокровище" и других.

Однотомник.

- [пролог](#)
- [глава 1](#)
- [глава 2](#)
- [глава 3](#)
- [глава 4](#)
- [глава 5](#)
- [глава 6](#)
- [глава 7](#)
- [глава 8](#)
- [глава 9](#)
- [глава 10](#)
- [глава 11](#)
- [глава 12](#)
- [глава 13](#)
- [глава 14](#)
- [глава 15](#)
- [глава 16](#)
- [глава 17](#)
- [глава 18](#)
- [глава 19](#)
- [глава 20](#)
- [глава 21](#)
- [глава 22](#)
- [глава 23](#)

- [глава 24](#)
 - [глава 25](#)
 - [глава 26](#)
 - [глава 27](#)
 - [глава 28](#)
 - [глава 29](#)
 - [глава 30](#)
 - [глава 31](#)
 - [глава 32](#)
 - [глава 33](#)
 - [глава 34](#)
 - [глава 35](#)
 - [глава 36](#)
 - [глава 37](#)
 - [глава 38](#)
 - [глава 39](#)
 - [глава 40](#)
 - [глава 41](#)
 - [глава 42](#)
 - [глава 43](#)
 - [глава 44](#)
 - [глава 45](#)
 - [глава 46](#)
 - [глава 47](#)
 - [глава 48](#)
 - [глава 49](#)
 - [глава 50](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
-

пролог

С дозорной башни подали сигнал.

- Едут!

Едут забирать невесту и ежегодную дань.

Пыль клубами из под копыт, ветер треплет плащи, длинными красными змеями вьются семь хвостов штандарта. Толпа на городской стене притихла, слышно, как муха пролетит.

Вокруг девушки в платье невесты сама собой образовалась пустота. Словно она и еще семь юношей, стоявших рядом, уже не часть этого народа. Только пустота, звенящая тишина и мысль, крутящаяся в сознании:

«Мне осталось еще пятнадцать минут».

А потом те всадники на подъездной дороге доберутся до городских ворот, и ее жизнь закончится. Так же, как и жизни семерых парней в темных одеждах.

Они - цена еще одного года мира для царства. Смертники.

Каждый год властитель Гелсарт забирал дань. Семь юношей в жертву чудовищу. А в этот раз он потребовал у царя еще одного данника - девушку царского рода.

Но вместо царевны чудовищу в невесты отдадут ее, незаконную дочь царя Гесту. Насмешка судьбы. Хотя... Формально требование соблюдено, и царевны останутся целы, и Гелсарт получит, что хотел - девушку царского рода.

Слишком быстро приближаются всадники. А время словно замерло, секунды как годы, и перед глазами вся прошлая жизнь.

Геста закрыла глаза.

- Не бойся, мы сможем сбежать, - движение по правую руку, еле слышный шепот.

Тигард, ее молочный брат, один из семи. Геста не ответила. Дань людьми Гелсарту платили уже слишком много лет. Ни один из данников не вернулся назад, никто не слышал потом их имен, и неизвестно, что с ними стало. Стражник оглянулся на них, призывая к порядку, звякнуло оружие. Слишком громко в тишине.

Слишком быстро... Вот и все.

Всадники Гелсарта въехали в городские ворота. Кони гарцуют, перебирают копытами. Воины все как на подбор, мощные и рослые, лица

закрыты платками, из-под головных уборов видны одни глаза. Страшно. Не смотреть на них, не оглядываться назад, не слышать за спиной сдавленный плач чужих матерей.

Словно со стороны Геста смотрела, как семерых данников по одному уводила стража. Передавала воинам Гелсарта, а те бегло осматривали каждого, убедиться, что жертва без изъяна. И только после этого усаживали позади себя на коней.

Последним увели ее молочного брата Ти, следующей будет она. На какой-то миг у Гесты все поплыло перед глазами, ладони взмокли, казалось, она сейчас задохнется. Звуки смешались: звон, топот, плач, гортанная речь...

Командиру отряда подвели лошадь в богатой сбруе. Расшитая попона с цветными кистями. Геста судорожно сглотнула. Для нее.

- Ты помнишь, чему я тебя учил?

Тихий голос наставника Лесарта прозвучал неожиданно и отрезвил, как ушат холодной воды, заставляя встряхнуться и собрать силы. Бой даже еще не начинался, а она уже готова сдаться. Нет, не будет этого. У нее есть цель.

- Да, наставник, - ответила девушка, медленно втягивая воздух.

- Хорошо, - тихо проговорил наставник. - Я верю в тебя. А теперь иди, пора.

И едва заметно кивнул, переводя взгляд на возвышение, туда, где под навесом собралась вся царская семья. Ни малейшего желания не было у нее смотреть в ту сторону, но, раз уж она теперь царская дочь, соблюсти этикет придется. Произнести заученные слова, стараясь не смотреть в полные ядовитой радости глаза царицы. Царевны, сводные сестры. Царевич Солгар подался было к ней, но царица не погнушалась опуститься до того, чтобы самолично одернуть брата.

Отец. Бледный, застывший изваянием, на котором только глаза живы.

Поклон всем.

Пора, командир отряда Гелсартовых воинов начал проявлять нетерпение. Надо поторопиться. Главное, не думать сейчас ни о чем. У нее есть цель.

Девушка в платье невесты на секунду прикрыла глаза, выпрямилась и сделала первый шаг навстречу судьбе.

глава 1

Беглый взгляд в окно, и царица задержалась, пытаясь понять, что жтамбыло так раздражающе неправильно.

Перед малым господским крыльцом худенькая дворовая девчонка, ловко управляясь вилами, разбрасывала по двору свежую солому. Это раздражало, но казалось правильным, девчонке надо работать, много работать. К тому же, с утра был заморозок, скользко. А вот то, что брат государыни как бы случайно прошелся по двору и теперь, прежде чем подняться на крыльцо, оглянулся на дворовую девку, было совсем не правильно.

Эта поганая девчонка сидела у нее в печенках. Царица зло выдохнула и бросила, отходя к столу:

- Приведи.

Слуга, привыкший понимать все без слов, может и удивился, но виду не подал. Он молча поклонился и исчез исполнять приказание. Через несколько минут солому по двору уже разбрасывал молодой конюх, а девушку, одетую в простую одежду из грубого полотна, привели в богато обставленный личный кабинет государыни. Контраст был разительный, ее величество Фелиса поморщилась, скользнув взглядом по выпачканному подолу служанки, и протянула руку к кубку со сладким вином.

Однако. Девчонка смела не опускать глаза, как будто они ровня. Это всегда страшно бесило царицу.

- Геста, - проговорила она, отпивая из кубка. - Посмеешь вертеть хвостом перед моим братом, и я отправлю тебя на мыловарню.

- Госпожа, как я могу. Мы с вашим братом никогда и не встречаемся.

Девушка поклонилась, и замерла, глядя перед собой.

- Ты меня поняла, - Фелиса отпила еще глоток. - А теперь иди, воняешь навозом.

Геста еще раз поклонилась и постаралась побыстрее убраться с глаз долой, пока царица не придумала чего-нибудь похуже. И делать это надо было, не поворачиваясь к госпоже спиной. И за лицом следить, чтоб ненароком на выдать своих мыслей.

Уже оказавшись за дверью, она возмущенно закатила глаза, вспоминая

молодого царевича Солгара. Спрашивается, кем же ее царское величество считает своего младшего брата, если он способен прельститься вечно грязной тощей замухрышкой, от которой к тому же воняет навозом?! Да и как она вообще могла вертеть хвостом перед кем-то, когда ей голову поднять некогда?

Впрочем, она знала, откуда проистекает ненависть царицы. Всегда знала, даже когда была маленькой девочкой. Все очень просто. Геста была незаконной дочерью царя от чужеземной пленницы-рабыни. Еще и унаследовала от матери необычную внешность. Вроде и посмотреть не на что, а на общем фоне слишком заметно,

Вернувшись во двор, девушка тут же схватила вторые вилы и с удвоенной энергией принялась раскидывать солому.

- Эй, чего хотела госпожа? - тихо спросил молодой конюх, ее молочный брат.

- А, - Геста махнула рукой, поправляя сползший на лоб платок. - Сказала, работать надо усерднее.

- Ну да, ну да, - закивал парень. - Тут пока тебя не было, приходил наставник Лесарт, велел зайти.

Геста так и не услышала окончание фразы, потому что в этот момент случайно глянула на крыльцо с каменными львами. Там стоял молодой господин Солгар и как-то странно на нее смотрел, а затем медленно спустился по ступеням и пошел в сторону конюшни. Геста невольно застыла, глядя вслед. Его глаза...

Сразу на память пришли слова царицы, девушка опомнилась и отвела взгляд.

- Что ты сказал, Ти?

Тот тихо фыркнул, качая головой.

- Наставник Лесарт велел зайти к нему, - повторил вполголоса. Потом оглянулся, не смотрит ли кто, и добавил, отбирая у нее вилы, - Ты иди давай, я тут сам управлюсь.

Геста на секунду замешкалась, вертя головой по сторонам, а потом выпалила скороговоркой:

- Спасибо, Ти! - и умчалась.

И не заметила, как дернулась занавеска в окне личного кабинета царицы.

Второй раз за утро одна и та же раздражающая картина. С точки зрения царицы это было слишком. Государыня Фелиса перевела взгляд на

стольника из своей личной свиты, который на деле являл собой нечто среднее между доверенным лицом, личным секретарем и наемным убийцей, и прищурилась:

- Винго.

Стольникцарицы знал, когда у ее величества такое выражение, значит у нее что-то на уме. Так и есть.

- Проследить.

- Да, ваше величество. Вы хотите, чтобы я проследил лично?

- Я хочу, чтобы это было сделано хорошо. И мне не нужны сюрпризы.

- Я понял, моя, госпожа. Прикажете исполнять?

- Да, иди, - кивнула царица. - И, Винго. Этот конюх. Надо, чтобы на него обязательно выпал жребий в этом году.

По лицу стольника мелькнуло нечитаемое выражение, он поклонился и пошел к выходу, но когда он был уже в дверях, царица его остановила.

- Как только вернется с охоты мой брат, доложить.

Царица осталась одна. Откинулась в кресле, сжимая пальцами подлокотники кресла, и опустила веки, глядя сквозь ресницы на свет. Проследить - это хорошо. Но этого мало. Нужно что-то делать с девчонкой. Фелисе совсем не нравилось, как младший брат смотрел на эту тварь, совсем как...

Пальцы резко сжались, а потом она с силой хлопнула ладонями по подлокотникам. Не будет этого, она не допустит! Царица позвонила в колокольчик, прибежал слуга.

- Где муж мой, государь Мелиар?

- У себя, моя госпожа, - человек склонился в поклоне.

- Передай, что я жду его.

Слуга ушел, а царица поднялась из кресла и пошла к зеркалу, оглядывая себя, пощипала щеки и покусала губы, чтобы казались ярче и пухлее. Разговор предстоял непростой, надо привлекательно выглядеть.

Ждать долго не пришлось, не прошло и четверти часа, как дверь кабинета открылась, пропуская внутрь мужчину. Фелиса вздохнула, невольно поддаваясь его грубоватому мужскому очарованию.

- Дорогая, ты меня звала? - спросил с порога, подошел, коснулся ее щеки большим пальцем.

Царь был немолод, но по своему красив. Знал, как на нее действует, и нередко этим пользовался. Однако и у царицы было чем на него надавить. Основательно надавить, пригнуть просто. Но увы, не в этом вопросе. Потому она улыбнулась и начала издали:

- Я сегодня вызывала к себе Гесту.

И бросила на него взгляд из-под ресниц. Но если Фелиса хотела увидеть реакцию, то ждала она зря. Лицо мужа сделалось непроницаемым, он просто молча смотрел и ждал, что она скажет дальше. Поняв, что тянуть паузу бессмысленно, царица проговорила:

- Девочка выросла. Я хочу выдать ее замуж.

Все то же нечитаемое выражение, только огоньки зажглись где-то в глубине глаз. И ни слова в ответ. Фелиса выдохнула, игра оказалась даже сложнее, чем она ожидала. Что ж пора открывать карты.

- Я думаю отдать Гесту замуж за плотника Бекета.

- Нет, - коротко отрезал царь.

- Но... - только Фелиса отрыла рот, не в силах скрыть досаду, как он склонился близко к ее лицу и проговорил, глядя прямо в глаза:

- Замужеством Гесты я займусь сам, когда сочту нужным. А ты не забивай этим свою хорошенькую головку. Лучше давай подумаем над тем, как бы нам зачать сына. М?

И ушел.

Черт бы его побрал! Он всегда сводил все к этому! Уже потом, оставшись одна царица зло уставилась в пустоту. Ей хорошо были понятны его тайные планы - любым путем сделать так, что трон перешел его детям.

Мелиар, женившись на царице Фелисе, носил титул царя, как муж, а фактическая власть принадлежала ей. И за все почти двадцать лет брака у них так и не получилось совместных детей. У Фелисы от первого брака было две дочери, поэтому ее младший брат царевич Солгар в настоящий момент и являлся наследником.

Наверняка Мелиар уже все просчитал, и если она не родит ему сына, что уже весьма маловероятно, он постарается подсунуть Солгару свою дочь. Этого Фелиса боялась больше всего. А Солгар уже начал на нее заглядываться! Никак нельзя допустить.

Царица задумалась, выход должен быть. Должен...

- Государыня, позвольте?

Она очнулась, махнула рукой, подзывая стольника Винго. Тот поклонился и вошел, притворив за собой дверь.

- Ну? - нетерпеливо спросила Фелиса.

Тот вскинул руки и начал:

- Моя госпожа, они не встречались.

Немного отлегло от сердца, но вид у Винго был такой, как будто он еще не все сказал.

- Говори, не тяни.

- Девушка опять бегала к Лесарту. Он занимается с ней, учит магии и

еще... - доверенный царицы выдержал многозначительную паузу и шепнул.
- Он сказал, быть ей владычицей.

Ее подозрения относительно планов мужа были верны. Царица застыла, глядя на своего доверенного, аж губы побелели.

В это время Геста уже возвращалась из кельи наставника, надо было бежать скорее, пока ее не хватились, а из головы все не шли его диковинные слова.

Занятия магией Лесарт отложил. Сказал, что ему понадобится от нее полная концентрация, а сейчас мозги не тем заняты. Прошелся и по больной теме, что она, де, глазеет на брата государыни. Гесте почему-то стало стыдно и горько, она покраснела, вспоминая обидные слова царицы.

- Наставник, и вы туда же! Ну что может быть общего между наследником и мной? Я - рабыня.

Чуть слезы не брызнули от несправедливости обвинений и осознания собственной беспомощности.

- Ты дочь царя. Геста, - отдельно и тихо произнес наставник.

Как громом отозвалось в ушах это запретное, о чем она не хотела думать. Она невольно взглянула в сторону открытой двери кельи наставника, и ей вдруг померещилась тень. Геста моргнула, тень исчезла, но неприятный осадок остался. Девушка вздрогнула, отгоняя липкое ощущение чужого глаза, приложила руки к груди и тихо усмехнулась:

- Я дочь чужеземной пленницы, рожденная в рабстве. Боюсь, если до государыни Фелисы дойдет нечто подобное, она точно исполнит свое обещание отправить меня на мыловарню. И неизвестно еще, в каком качестве.

Наставник смерил худенькую фигурку Гесты оценивающим взглядом и весело цыкнул:

- Наважное из тебя мыло выйдет, девочка. Совсем никакого жира.

- Дегтярное, - отшутилась она, намекая на золотисто-смуглую кожу, доставшуюся ей от чужеземки матери. А в глазах мелькнула тоска и затаенный страх, что однажды госпоже надоест, и она таки сживет ее со света.

Наставник, внимательно наблюдавший за девушкой, поднял указательный палец и сказал:

- Страх - это оружие. Великое и сильное.

И Геста застыла, вслушиваясь в его слова. Поражалась тому, как наставник выбирал нужный момент, чтобы начать урок. Как выводил ученика на эмоции, чтобы сказанное запало в душу и укоренилось там.

- Научись владеть этим оружием и будешь владеть миром.

- Миром? - недоверчиво хмыкнула Геста.

- Овладев своим страхом, ты сможешь владеть собой в любой ситуации. Овладев страхом других, станешь владычицей.

Владычицей... сомнением отдалось в ушах непривычное слово. Лесарт смотрел ей прямо в глаза, и Гесте даже показалось, что зрачки учителя светились, будто прожигали эту информацию в ее душе. С минуту девушка молчала, потом сглотнула и, отводя взгляд, пробормотала:

- В любом случае, мне это не грозит.

Наставник странно взглянул на нее и произнес:

- Никто не знает, что сулит ему завтрашний день. Выбор, единственное, что всегда остается за нами. А теперь беги, не то молодой господин вернется с охоты, а тебя не будет на конюшне...

И беззвучно расхохотался, глядя, как глаза девчонки загораются возмущением.

- Шучу. Беги, придешь вечером. И чтобы голова не была забита ерундой, как сейчас.

Убежала. А наставник еще какое-то время сидел, прикрыв глаза, погруженный во внутреннеощущения. Сегодня их разговор подслушали. Это означало только одно, за девушкой надо приглядывать получше.

глава 2

Чужеземец Лесарт появился в городе Белоре одновременно с Мелиаром.

Маг, обладавший обширными знаниями, целитель, мастер меча и единоборств, да и вообще, очень много чего мастер. Он так и не стал придворным, но остался при дворе наставником. И обучал всех:воинов, юношей и девушек, детей. Но учеников себе выбирал только по своему желанию. Может, кого-то и бесил этот сухощавый седой мужчина, выглядевший всегда в одной поре, но ценность его для царства была настолько велика, что Лесарту прощались любые странности.

С царем его связывала странная дружба, похожая скорее на взаимное отрицание. Непонятно, кто из них чем был кому должен, однако держались они друг друга уже больше двадцати пяти лет. И разумеется, Лесарт, как маг, сопровождал царя во всех походах, Кому, как не ему, было знать историю появления на свет Гесты.

А родилась она от чужеземной пленницы Ивы, которую, как это сплошь и рядом бывало на войне, Мелиар изнасиловал после боя. Кто их помнил, кто их считал, этих несчастных? Таких как Ива были сотни.

Но пленница, доставшаяся царю среди прочей добычи, оказалась девственницей, к тому же выглядела необычно на фоне привычных ему белотелых женщин. Смуглая, с золотистой кожей, с густой копной отливающих темным золотом каштановых волос. слишком тонкая телом, глаза какие-то странные, зеленовато-голубые, яркие. пронзительные. Те, кто видел Иву, говорили, издали казалось, что глаза у нее вообще без белка. Возможно, необычная внешность и решила ее судьбу. Вместо того, чтобы насытившись, выбросить и забыть, царь забрал пленницу собой.

Да только лучше б выбросил. Царица сразу заприметила новую рабыню, которую Мелиар притащил с собой в обозе, и взяла ее в оборот, ясно дав понять мужу-консорту, что выбирать ему придется между рабыней и разводом. Мелиар сделал правильный выбор.

Зачем рисковать положением ради рабыни, пусть и необычной, и даже желанной? Никакая рабыня не стоит царства. В конце концов, это всего лишь женщина, а женщин на свете много.

Для царянашлись дела поважнее. Обогащение, набеги, мелкие войны с соседями. Постоянные дипломатические экивоки на цыпочках с грозным

соседом Гелсартом, которому они хочешь - не хочешь, платили ежегодную дань людьми.

К тому же, Мелиар был тогда молод. А в молодости честолюбивые амбиции перекрывают все.

Так новая рабыня попала на конюшню. Кем бы она ни была до того, как попасть в рабство, Ива быстро привыкла. Жизнь на конюшне была нелегкой, но вполне сносной. Там можно было чувствовать себя в относительной безопасности. Все знали, кому она негласно принадлежит, и ее никто не домогался.

И все бы ничего, если бы не выяснилось, что Ива беременна.

Ей долго удавалось прятаться от глаз царицы, однако в один прекрасный день правда выплыла наружу. Фелиса заметила ее, а та была уже на сносях. Сложить два и два не составило труда.

А потом Иву как бы случайно затоптали вырвавшиеся из стойла кони. Несчастливая умерла, но по странной прихоти судьбы, успела-таки родить дочь.

Мелиар в тот момент отсутствовал, небольшой набег на северных соседей. Когда царь вернулся с добычей, новость до него довела сама царица. Фелиса рассказала ему печальную историю, глядя прямо в глаза и ожидая реакции. Он и в этот раз сделал правильный выбор.

И новорожденную Гесту с безмолвного согласия царя взяла к себе жена старшего конюха. Сначала Фелиса, конечно, хотела расправиться и с ребенком, но, узнав, что рабыня родила девочку, оставила ее в покое.

Но только на время.

Девочка подросла, стала похожа на мать, те же необычные глаза, тонкое стройное тело. И так уж вышло, что царю Мелиару, имевшему за свою жизнь многих женщин, Бог не дал других детей, кроме нее.

Одного этого было уже достаточно, чтобы царица снова взглянула на Гесту внимательным оком.

Молодой господин действительно вернулся с охоты. Можно подумать, Лесарт заранее знал, что так будет. Но изумляться и додумывать Гесте не пришлось, потому что именно она и оказалась в тот момент у ворот конюшни, а только что подскакавший царевич спешил и бросил ей поводья.

Да сразу не ушел, как делал обычно. Несколько секунд смотрел ей

вслед, пока она уводила его белогривого красавца. А потом крикнул:

- Эй, его надо хорошенько обтереть!

Поняв, что он обращается к ней, Геста застыла, не смея шелохнуться. Потом все же обернулась, понимая, что стоять спиной, когда с тобой разговаривает будущий царь, нельзя. Поклонилась и, не поднимая глаз, выдавила:

- Да, господин, все будет исполнено.

Она хотела поскорее увести коня и скрыться с спасительной полутьме конюшни, тем более что ко входу уже спешил старший конюх, но молодой господин решил иначе. Немного потоптавшись на месте, он вдруг заявил:

- Подожди, я сам должен видеть, как ты это сделаешь! - и вошел в проход за Гестой следом.

Конюх застыл, провожая царевича недоуменным взглядом, а Гесте ничего другого не оставалось.

- Как будет угодно господину. - сказала она и взмолилась про себя, чтобы это не дошло до ушей царицы.

Молодой царевич нагнал ее и пошел рядом. Близко, если руку протянуть, можно его коснуться. Геста старалась не смотреть в его сторону, но ей было волнительно находиться рядом. Она и сама не понимала, почему холодное томление разливается где-то в груди, когда он вот так, совсем близко.

Стараясь не показывать волнения, расседлала и завела белогривого красавца в стойло. И только хотела начать его обтирать и чистить, как Солгар внезапно шагнул внутрь.

- Подожди, Геста.

- ...? - девушка чуть не выронила пучок травы и скребницу.

Он подошел ближе и спросил негромко:

- Тебя ведь зовут Геста?

Это было совсем уж неожиданно. Геста глядела на молодого мужчину осознавая, что он не должен был подходить. Не должен стоять так близко и ТАК на нее смотреть. Потому что это неправильно!

Неправильно! Заколотилось сердце, странное холодное томление опять стало разливаться под кожей, а воздух почему-то сгустился и стал плотным, застревая в легких. Девушка кивнула и отступила к перегородке.

- Геста, - тихо повторил он, подходя еще ближе, и протянул руку.

В этот момент из прохода резко прозвучал голос стольника царицы Винго:

- Господин Солгар, ваше высочество, вас ждет к себе государыня!

- Иду, - ответил Солгар и сразу вышел.

А Геста от волнения как стояла, так и сползла по стенке вниз.
Сегодняшнего царица ей точно не простит. Навернулись слезы.

За что ей такое, Господи... Чем она хуже остальных людей, почему ее нельзя оставить в покое, дать просто жить? Тихо и незаметно. Никому не мешать.

Геста тоненько всхлипнула, закрывая рот тыльной стороной ладони. По щеке сползла слезинка. Белогривый конь царевича ткнулся ей в руку бархатными губами и фыркнул, напоминая о себе.

- Геста, девочка, что случилось? - в стойло заглянул обеспокоенный старший конюх. - Почему ты плачешь?

- Ничего, папа Ким, все нормально, - Геста подскочила, понимая, что надо прекращать жалеть себя. - Вот, палец занозила. Больно.

- Давай тогда я займусь белогривым, а ты сходи к целителю.

- Ничего, так пройдет, - пробормотала и взялась протирать пучком травы шелковистую конскую шкуру.

- Геста...

По взгляду старого конюха, ее приемного отца при живом, было понятно, что ничего он ей не поверил.

- Ладно, - проговорил он. - Пришлю к тебе Тигарда.

И ушел.

Она уткнулась в бок коню и затихла. Постояла так, дождалась, пока немного схлынет горечь и страх, и принялась за работу. Когда через несколько минут подоспел Ти, она уже была более или менее в порядке.

- Эй!

Тигард быстро влетел в стойло. Белогривый дернулся, переступая копытами, заржал и покосился на него.

- Тихо ты, - шикнул на него парень, отобрал у Гесты сребок и молча на нее уставился.

- Плохи мои дела, Ти, - она уселась на солому в углу и вертела палочку в руках. - Надо уходить отсюда. Не дадут они мне жизни.

Парень с минуту энергично тер лоснящийся конский бок, потом выдал:

- Мы уйдем вместе. Сбежим.

Геста вскинула голову.

- Но Ти... - Кольнуло сердце, ей стало страшно, не за себя, за него.

- Вот что, - продолжал он, понизив голос. - Откладывать нечего. Сбежим сегодня же ночью. Я соберу кой-чего в дорогу, незаметно снесу и спрячу поближе к городским воротам. А ты, как закончишь, иди к наставнику. Он поможет.

Сбежать, вырваться на свободу... Несбыточно, слишком хорошо, чтобы быть правдой.

- А рабочие руки везде нужны, не пропадем! - хмыкнул Тигард, хлопая коня по золотистому крупу.

Словно в ответ на его слова темно-игрневый* конь царевича фыркнул, кивая лобастой головой,

- Вот видишь, даже белогрив согласен.

Она улыбнулась, глядя на них, на душе потеплело, отпустило чувство безысходности и одиночества.

- Спасибо тебе, Ти. Давай, я сама почищу этого красавца. Иди. Со мной все будет в порядке.

Тигард ушел. Оставшись одна, девушка подумала, что помощь брата будет кстати, но бежать ей надо одной, не хотелось, чтобы кто-то пострадал из-за нее. От ощущения, что выход из тупика, в котором она застряла с самого детства, близко, Гесту захлестнуло самыми разными предчувствиями.

Но ничему из того, о чем она сейчас думала, не суждено было сбыться.

Примечание

Игрневаямасть* - рыжая или бурая с белыми или дымчатыми (с примесью серых волос) гривой и хвостом.

глава 3

Три дня назад, незадолго до того, как забирать с Белора дань, к грозному властителю Гелсарту пожаловал гость.

В первый раз он приходил много лет назад, когда у Гелсарта родился более чем странный сын. Младенец был покрыт чешуей, когда его показали отцу, тот приказал немедленно умертвить жену, посчитав, что та переспала со змеем. Только что родившую женщину рассекли на части и бросили в стоявшую тут же огромную жаровню. Ребенка он хотел уничтожить вместе с матерью.

Однако, когда Гелсарт уже собирался бросить уродца в огонь, его остановил странствующий жрец. Посланник Салимского Оракула явился объявить предсказание и волю Божью. Жрец сказал, что чешуйчатый уродец его сын, а родилось дитя таким из-за проклятия. Гелсарта прокляла обычная деревенская женщина. Мать, у которой убили дитя его воины, прокляла его за жестокость.

Первой мыслью грозного властителя было расправиться с мерзавкой, но жрец, посланный Оракулом, сказал, что женщина мертва, а предсмертное проклятие снять невозможно. А еще жрец предсказал, вытянув к нему руку:

- У тебя больше не будет детей. В наказание за...

Кто и за что его наказал, Гелсарт не желал знать, поэтому снес жрецу голову. Никто не смеет его судить! Однако меч разрубил только воздух, жрец исчез, словно его и не бывало. А с ребенком прямо на глазах произошли странные изменения, чешуя покрывавшая его тело втянулась внутрь и исчезла, словно ее никогда не было. Вместо нее появилась обычная розовая младенческая кожа.

Безбожник по натуре, Гелсарт сам был магом и практиковал немислимо грязные запрещенные ритуалы, однако магия произошедшего была ему непонятна и неподвластна. И в тот момент вызвала суеверный ужас. Гелсарт принял сына, назвал его Зэйн. И, раз уж других детей не будет, стал воспитывать из него будущего правителя по своему образу и подобию. Мальчик и рос маленьким чудовищем, радуя своими выходками жестокого отца.

Однако Гелсарт все еще плохо представлял, кого породил на свет. В одиннадцать лет, когда к нему привели первую наложницу, Зэйн впервые

обратился огромным ящером и уничтожил половину дворца.

Тогда к властителю второй раз приходил посланник от Салимского Оракула. Тот самый странствующий жрец. Посланный сказал, что мальчик не останется таким навсегда, но Гелсарт должен выстроить для сына специальный дворец, и держать там порожденное им чудовище, пока...

Больше он ничего не успел разобрать - чудовище набросилось на жреца и тот исчез.

Но жрец не солгал, мальчик вскоре вернул себе человеческий облик. Казалось, теперь можно было спокойно выдохнуть и жить как прежде, но Зэйн обращался снова, и снова. Каждый раз, когда ему приводили наложниц. Гелсарт понял, дольше ждать нельзя, выстроил огромный подземный дворец и заточил в него сына.

Тем временем кошмарная слава о чудовище распространилась по окрестным царствам, наводя на всех ужас. Была в этом и определенная польза - с тех пор Гелсарту даже не приходилось ни с кем воевать. Ради того, чтобы сохранить свои царства, правители готовы были платить любую дань.

А Зэйн вырос и превратился в мужчину. Красивого, циничного, избалованного вседозволенностью и озлобленного вечным заточением. Мужчину с извращенным сознанием зверя и чудовищными наклонностями, которому требовалось живое мясо для охоты и женщины. Но теперь, став опытным, он оборачивался по желанию и научился не убивать, а играть со своей добычей. В этом и состояло его удовольствие.

И вот, по прошествии многих лет посланник Салимского Оракула посетил властителя Гелсарта снова.

Наверху открылась дверь из чистейшего заговоренного серебра. Шлейф кровной магии - отец. Зэйн поднял голову, на красивом порочном лице обозначилась улыбка. Он любил эти посещения, отец приносил с собой новости и соленые шуточки. Остроумные рассказы Гелсарта понемногу обо всем позволяли Зэйну, даже находясь в заточении, знать, что творится за пределами его тюрьмы.

Однако в этот раз отец выглядел странно взволнованным. Зэйн выгнул бровь.

- Что-то случилось? - скептически спросил он, оглядывая отца.

- Случилось, - кивнул тот.

И умолк. Пауза затянулась. Зэйн не вытерпел первым.

- Ну, говори то, зачем пришел.

Гелсарт взглянул на сына исподлобья, набрал полную грудь воздуха и наконец выдал:

- У меня был Оракул.

- Да? Что на этот раз? - Зэйн с явной скукой разглядывал ногти.

- Он сказал, чтобы я привел тебе невесту. Это будет девушка царского рода...

Красивый темноволосый мужчина зашелся хохотом.

- А чем девушка царского рода лучше тех шлюх, что ты присылаешь мне раз в неделю? У нее что, поперек?

- Ты не понимаешь! - оборвал его Гелсарт. - Оракул сказал, она принесет потомство.

- Какое потомство?! Очнись! - разозлился Зэйн.

- Оракул не лжет. Мне нужно это потомство.

- Вот, значит как, - протянул Зэйн, осознавая, что его хотят использовать как производителя.

Его!?

Это было унижительно, и это злило, вызывая глубинный протест. Однако отец имел над ним родовую власть, усиленную магией крови.

- Она не выживет, так же, как и остальные, - отрывисто бросил он.

- А ты постарайся, чтобы выжила, - упрямо повторил Гелсарт, с жестокой усмешкой глядя сыну в глаза. - Просто трахни ее и все. Я заберу женщину, а ты снова получишь свои игрушки. Столько, сколько захочешь.

Зэйн ничего не ответил, только желваки заходили по скулам.

- Я уже отправил гонцов. Через месяц она будет здесь. - жестко сказал Гелсарт и ушел.

Вслед ему смотрело чудовище.

глава 4

Геста закончила чистить и обихаживать жеребца, а все не уходила. Вроде и надо, пока ее царица не хватилась, а ноги не идут. Застыла, глядя невидящим взглядом в пространство. А в голове тоненькой трелью звенит тревога. И не уйти, почему-то.

Белогривый фыркнул, слегка подтолкнув ее головой, подлез носом под руку. Словно хотел попрощаться. Такое ощущение, будто неведомое что-то вытягивает из нее душу. Погладила золотистую морду, прижалась губами, шепнула:

- Прощай.

И только собралась выходить, как из прохода в стойло бегом влетел запыхавший Тигард.

- Там! Всадники Гелсарта на дороге!

- Что...? - опешила Геста, потрясенно на него глядя.

Потом спохватилась:

- Как?! Дань же через месяц забирать будут!

- Не знаю, - мотнул головой молочный брат. - Айда на стену, все сейчас там!

Тысяча разных мыслей пронеслась в голове у девушки, сердце сжалось от странного предчувствия. А еще ей пришло в голову, что может быть в общей суматохе удастся незамеченно проскользнуть за ворота. Правда, у нее ничего с собой, но это было уже не важно.

- Пошли! - она сама схватила Тигарда за руку и потащила в проход.

Пока добежали по улицам города к стене, там уже успело собраться чуть не полгорода. Все молча смотрели на подъездную дорогу. А отряд проскакал мимо дубов и вышел на прямую. Когда всадники приблизились, стало понятно, что их меньше обычного. Значит, гонцы.

Оставалось только гадать, что за вести несут эти гонцы. Люди столпились на стене, глядя, как десятка воинов Гелсарта подъезжает к городским воротам. Красный, будто кровавый штандарт с семью хвостами внушал какой-то суеверный ужас. Но... Но!

- Ти... - Геста перевела на брата взгляд.

Парень понял без слов.

- Жди меня здесь. Поняла? Я сейчас вернусь, - зашептал он, озираясь. - Спрячешься где-нибудь в укромном уголке. Я найду тебя. Поняла?!

Девушки кивнула, глядя в его сумасшедшие глаза, и судорожно сглотнула. Горло свело, слова не вымолвить. А потом смотрела, как он исчезает в толпе.

Спрятаться... Спрятаться. Надо спрятаться!

Но ей вдруг мучительно захотелось вернуться и взять с собой единственное, что осталось от матери - плетеный кожаный браслет. Старый, потертый, с бирюзовыми бусинками и странными рунами. Она хранила его в маленьком тайничке в конюшне. Геста подумала, если бегом, она успеет. В конце концов, Ти все равно будет ее искать, а на это уйдет какое-то время. Он, конечно, рассердится, но ничего, посердится и перестанет.

Пулей влетела в конюшню, по счастью, не попала на глаза никому, метнулась к своему тайнику, вытащила драгоценный браслет и обратно. Уже на полпути услышала за спиной грохот копыт, шарахнулась к стене, прижалась, стараясь распластаться. Мимо во весь опор проскакали всадники Гелсарта.

Секунду Геста стояла, глядя им вслед. У нее чуть сердце не выскочило от неожиданности. А потом, не тратя времени даром, побежала к стене. Когда она добралась, ворота уже закрывали. Но вокруг все еще толпились люди. Геста оглянулась по сторонам, нервно сглатывая от волнения, и стала искать глазами укромный уголок, чтобы там дожидаться Тигарда.

И в этот момент ее неожиданно окликнул стольник царицы Винго:

- Геста! Где ты шляешься?! Иди со мной, ты нужна царице!

У нее упало сердце. Подпрыгнуло к горлу и упало снова. Особенно, когда краем глаза заметила мелькнувшего в толпе Ти.

- Да... Я здесь... э...эт-т-то... - сипло выдавила она.

- Пошли! - приказал Винго и потащил ее за собой.

Пришли. Второй раз за сегодня Геста оказалась во дворце.

Пока тащилась чуть не вприпрыжку за поспешно двигавшимся сквозь толпу стольником царицы, чего только не передумала. А сколько страху натерпелась, ибо главный страх - неизвестность. А как оказались перед дверью большого зала, как будто разом успокоилась. В душе наступила пустота. Пусть что хотят с ней делают, главное, чтобы не узнали про Ти, он-то ни в чем не виноват.

Странно показалось, что Винго не втокнул ее, как он обычно это делал, а посторонившись указал рукой на дверь, предлагая войти. У Гесты похолодело в груди, захотелось позорно сбежать. Однако выбора нет, ей все

равно придется через это пройти. Вдохнула поглубже, стараясь не смотреть на стражников, отрешенно замерших у входа, и вошла в зал.

Высокие двери закрылись, отрезая путь к бегству. Все, теперь деваться некуда. Геста поклонилась и замерла в ожидании, пряча влажные от волнения ладони в складках платья, и уставилась на царицу, восседавшую на возвышении. Выглядела государыня Фелиса задумчиво и сумрачно, и на Гесту взглянула с таким нечитаемым выражением, что девушке снова пришел на ум утренний разговор.

Ну вот, теперь ей точно несдобровать, подумала Геста, и даже мыловарня уже казалась не таким страшным местом, но тут она заметила в огромном пустом зале еще одного человека и вздрогнула от неожиданности. У окна спиной к ним стоял царь, ее отец. Девушка так с открытым ртом и застыла.

- Геста, - раздался голос царицы, в котором угадывалась странная смесь досады и затаенного торжества.

Мгновенное отрезвление.

- Да, госпожа, - ответила Геста, стараясь смотреть прямо перед собой.

Неожиданно на лице государыни обозначилась улыбка.

- Мы решили, - она оглянулась на спину царя, стоявшего у окна. - Взять тебя во дворец и воспитывать вместе с нашими дочерьми.

У Гесты был шок, упавши сейчас на нее большая парадная люстра, не вызвало бы такого удивления.

- Э...?

После того, что случилось сегодня?! Геста просто онемела. Чего угодно ждала, только не этого. Слова застряли в горле, а взгляд метнулся к мужчине у окна. К отцу. Тот не шелохнулся, словно не слышал, все так же стоял, сцепив руки за спиной. А царица сухо продолжала:

- С этой минуты ты переходишь жить во дворец. Комнату и одежду тебе подготовят, но сначала ты приведешь себя в порядок и отмоешься. А с завтрашнего дня начнется усиленное обучение этикету, танцам и всему, что должна знать царская дочь.

- Простите, государыня, - не выдержала ошарашенная Геста. - Но зачем все это?!

И обвела глазами зал, не в силах сформулировать свою мысль. Как ни странно, такая вопиющая дерзость не рассердила государыню Фелису, наоборот. Она бросила быстрый взгляд на мужа и многозначительно усмехнулась:

- Как зачем? В тебе ведь течет царская кровь, значит, ты девушка царского рода. И, можешь радоваться, тебя просватали.

глава 5

До этого мгновения Геста думала, что больше ее удивить невозможно.

А теперь она снова застыла, потрясенно осмысливая услышанное. Замуж? Она вообще замуж не собиралась, ни о чем таком и не помышляла. И вдруг ее как вещь, отдают кому-то? Какому-то неведомому мужчине? Вот ЭТО был шок ...

Сердце сжалось от нехорошего предчувствия. Слова царицы как будто отскакивали от сознания, не желая укладываться в голове, а в душу сквозь недоумение медленно но верно просачивался настоящий страх.

- Как... просватали? - с трудом выговорила она. - Могу я узнать за кого?

И запнулась, глядя на отца в надежде, что тот сейчас обернется, скажет, что это такая шутка, и велит ей идти на конюшню. Но ничего подобного не происходило, а действительность неумолимо наваливалась, давила каменной плитой.

- Можешь, - ответила царица, склоняя голову к плечу. - За сына властителя Гелсарта. Скоро его посланные приедут за данью, они заберут тебя с собой и доставят к жениху.

Третий удар был посильнее двух предыдущих. Но он как бы поставил точку, добавил то недостающее звено, сделавшее картину целой. Ее отдадут чудовищу.

Так вот зачем приезжали Гелсартовы послы.

У Гесты мелькнула мысль, что она оказалась права, и мыловарня далеко не самое плохое, что могло случиться в ее жизни. Это неожиданно отрезвило и успокоило, придало силы. Когда некуда отступить, остается только принять бой.

Девушка задумалась на пару секунд. Было в словах царицы нечто, казавшееся ей совершенно бессмысленным. К чему эта суета, зачем селить ее во дворец, и чему такому можно научить за оставшийся месяц? Да и кому оно нужно? Чудовищу? Гесте вдруг стало смешно от этих мыслей.

Она выпрямилась, подняв голову, и проговорила:

- Государыня, благодарю за вашу щедрость и доброе ко мне отношение, но мне бы хотелось последний месяц провести со своей семьей.

Спина человека, стоявшего у окна странно напряглась, а царица

просто взорвалась криком:

- Нет! И это не обсуждается!

А потом, спокойно разгладив складки на платье, добавила:

- Чтобы ты смогла сбежать со своим конюхом?

Геста вскинула голову, понимая, что царица каким-то образом узнала о неудавшемся побеге. Стало страшно за Ти, что теперь с ним сделают?

- Мы дали слово и должны предоставить для сына властителя Гелсарта девственную невесту, - продолжала царица. - Это огромная честь для тебя!

Хотелось выкрикнуть в холеное лицо Фелисы, если это честь, отдала бы Гелсарту одну из своих дочерей! Но Геста понимала, кричать и пререкаться с царицей бессмысленно. Все решено, все довольны. Она кивнула, принимая неизбежное. Раз уж будущее предопределено, бояться теперь нечего.

Спросила только:

- Я могу продолжать занятия с наставником?

Говорят, в последней просьбе не отказывают. Фелиса смягчилась и материнским тоном проговорила:

- Можешь.

Девчонку увела прислуга. Отмывать и отскребать, чтобы та не пахла конюшной. В большом зале Фелиса осталась с мужем одна. Прошло уже минут десять, а он все также безмолвно стоял спиной у окна, наконец царица не выдержала, заговорила первой.

- В конце концов, это действительно великая честь нее, - начала она. - Геста войдет в семью самого могущественного из царей. И...

Мелиар резко обернулся и, тяжело ступая, вышел из зала.

Фелиса даже испугалась, в глаза мужа не было ничего человеческого.

К вечеру весть о том, что чудовище, которому каждый год платили дань смертниками, обзаведется невестой, облетела весь Белор. Народ, конечно, всегда знал, чья она дочь, но чтобы вот так, враз признать Гестуцаревной...

Нет, никто не смел осуждать государя Мелиара, но все замерли в каком-то суеверном ужасе, очень уж символично все это было. И по городу поползло странное слово: жертва.

Гесте об этом, разумеется, ничего не было известно, ее жизнь круто изменилась. Теперь весь неполный месяц, оставшийся до приезда

сборщиков дани, ей предстояло провести во дворце, Что само по себе было тяжело, потому что здесь ее, мягко говоря, не любили. К тому же она вся извелась, изнывая от неизвестности, зная, что царица не оставит Тигарда безнаказанным. Единственная радость - вечером должен был прийти наставник Лесарт.

К назначенному часу Гесту, вымытую до скрипа и одетую в длинное платье из зеленого шелка, привели в малый покой для посещений. Она сидела, боясь шелохнуться, подавленная всем: переживаниями, этим непривычным платьем, атмосферой, страхом зацепить что-то и испортить. И еще больше добавляли тоски те узкие туфли, что ей выдали вместо ее растоптанных чувяков.

Но как только дверь отворилась и в проеме показался Лесарт, девушку будто подкинуло с места, она взвизгнула:

- Наставник! - и кинулась ему на шею.

Он немного опешил, застыл, неловко расставив руки, словно боялся ее коснуться, и отшутился:

- Чем это я заслужил, чтобы меня обнимала царская дочь?

- Тем, что вы есть, - шепнула Геста ему в плечо.

- Ну-ну, будет... Ты посмотри лучше, кого я тебе привел, - проговорил он.

Она отстранилась в недоумении. А в следующий миг у нее чуть не выскочило сердце от нежданной радости. За спиной наставника стояли старший конюх Ким с женой Селлой, ее приемные родители. И глаза у них такие взволнованные... Тревога за нее и нерешительное желание заговорить, и страх сделать что-то не так, все-таки она теперь царская дочь. Геста еле сдержалась, чтобы не разрыдаться и кинулась обнимать обоих.

- Мама, папа! А как там Ти? С ним все в порядке?

- Что с ним делается, - Селла махнула рукой, а потом всхлипнула, закрыв рот ладонью, по щекам потекли слезы. - Не уберегла я тебя, девочка моя...

- Ну что ты, мама! Со мной все хорошо...

И вдруг поняла, что приемные родители испуганно застыли, глядя куда-то ей за спину. Геста медленно повернулась, в дверях стоял царь и смотрел на них тяжелым взглядом. Будто морозом среди майского дня повеяло, сразу все хорошее настроение слетело, как лепестки с цветущих вишен. Геста склонилась перед царем, конюх с женой стали молча кланяться и быстро-быстро вышли. Остался одни Лесарт, так и не склонивший перед царем голову. Царь смерил их нечитаемым взглядом и ушел.

С минуту царило мрачное молчание. Потом наставник начал говорить, и как всегда сказал то, что она меньше всего ожидала услышать:

- Тебе, девочка, выпала великая часть.

Геста недоуменно на него воззрившись, потом оглядела свое богатое платье:

- Если вы об этом...

- Я о том, что тебе выпал великий шанс.

- Шанс? Я не понимаю.

- Миссия, - проговорил наставник, поднимая указательный палец левой руки. - Снять с города позорную дань людьми.

С ума сойти... Геста поняла, что он уже начал урок.

- Но как?

Лесарт хмыкнул, шевельнув бровью:

- Помнишь, я говорил тебе про страх? Чудовище - это страх. А тебе, - многозначительная пауза. - Предстоит стать женой чудовища.

И ушел, оставив Гесту осмысливать его откровения. Ей предстоит стать женой страха? Но в голове девушки не укладывалось. Не получалось совместить абстрактное понятие и вполне реальное чудовище. Чего-то не хватало. Чего-то очень важного.

Дверь из заговоренного серебра открылась снова. Уже который раз за это время. Что-то слишком зачастил к нему отец!

Зэйну хотелось сплюнуть, но он только крепче сжал в руке нефритовую чашу с красным вином. Последние три дня его постоянно охватывало бешенство. И эта навязанная ему отцом невеста, и необходимость держать себя в узде. Все бесило!

- Отец! - крикнул он. - Какого черта! Я же просил меня не беспокоить!

Гелсарт, появившийся на нижних ступенях лестницы, скрипуче расхохотался:

- Что я вижу, топишь нетерпение в вине?

Зрачки у Зэйна опасно вытянулись:

- Ты потому так наследил вчера, пришлось от стенок отскрести? - проговорил Гелсарт, игнорируя его недовольство и возмущение.

- Не лезь в мой дом, отец!

- Но здесь надо прибраться. Скоро придёт твоя невеста, а у тебя такая грязь. Вдруг испугается, огорчится? Что тогда? - Он снова расхохотался и так, продолжая смеяться, ушел, оставив его одного.

В этот момент Зэйн ненавидел отца, загнавшего его в ловушку.

Нефритовая чаша полетела в стену, брызнув осколками, вино растеклось потоками, удивительно напоминая кровь.

глава 6

Время для Гесты разделилось на до и какое-то промежуточное после.

В прошлом осталась пусть и тяжелая, но все-таки веселая жизнь с семьей конюха. Их совместные проделки с Ти, когда они сбегали на рыбалку или по ночам залезали в царицын сад, обдирать черешню и скороспелые яблоки, или убегали в поля, охотиться там на кроликов. Это было затянувшееся детство, и оно внезапно закончилось.

Осталось только после - короткая жизнь во дворце, в конце которой неумолимо приближающийся день отъезда к смертельно пугавшему ее жениху. А пока девушка застряла в дворцовой жизни, искренне не понимая, для чего все это притворство. Зачем ее обряжают в день по десять раз, зачем намывают и мажут разными притираниями? Однажды так и спросила:

- Какая разница, будут у меня полированные ногти или нет, если чудовище все равно меня убьет?

- Не говорите так, царевна Геста! - одернула ее приставленная царицей воспитательница. - Что за глупости. Вам предстоит войти в семью могущественнейшего из царей, владыки Гелсарта! Стать его невесткой. Вы должны быть безупречны во всем.

- Да, - пробормотала Геста. - Я должна быть безупречна, иначе мной могут побрезговать.

Хлопнула дверь. Все трое, и Геста, и воспитательница, и служанка, приводившая в порядок ее ногти вздрогнули от неожиданности.

- Кто? - спросила воспитательница.

- Царь, - потупив глаза тихо проговорила служанка.

Воспитательница воззрилась на Гесту и строго произнесла:

- Вы, царевна, должны научиться думать прежде, чем говорите! Особенно в присутствии государя и государыни.

Понимала она все. Что ж тут не понять...

- Я постараюсь, - ответила девушка, глядя в окно, за которым была свобода.

Повисло молчание. Воспитательница коснулась ее руки. Геста резко повернулась, а та сказала, глядя ей глаза, просто и без уловок:

- Дитя, тебе восемнадцать лет. Ты не знаешь, что иногда... - тут она замялась, сглатывая, словно говорить было трудно. - Иногда

незначительная мелочь может погубить, а может и спасти твою жизнь. Поэтому, пусть все будет безупречно.

Это было неожиданно и так по-человечески, что как-то сразу победило внутреннее сопротивление в душе. С этого момента Геста стала учиться дворцовой премудрости всерьез.

Помимо этикета приходилось учиться носить узкие туфли и длинные многослойные платья. Вести приятную беседу, петь, аккомпанируя себе на виуэле*. Но это как раз без проблем, голос у Гесты был высокий и звонкий. И, конечно же, танцы, парадные а также те, что танцуют для улаждения взора в спальне. Последнее заставляло Гесту краснеть. Но все это в совокупности давало какую-то цель в жизни.

По вечерам к ней приходил Лесарт и в основном учил ее магии. У Гесты был дар к светлой магии и целительству, вот его усиленно и развивали. А пока девушка отработывала задания, он заставлял ее в подробностях рассказывать, как проходит дневное обучение. В этом вопросе Лесарт был полностью согласен с воспитательницей.

Но он молчал о главном и странно на нее смотрел.

А девушка никак не могла понять, что же не договаривает учитель.

Так прошла неделя.

Несколько раз за это время с Гестой пытался поговорить царевич Солгар, но стоило ему приблизиться, тут же, словно из-под земли, появлялась государыня Фелиса. Но однажды он все же смог ее выловить наедине.

Геста спешила к наставнику, а Солгар, поняв, что за ним следят, спрятался в коридоре. Когда брат царицы внезапно возник перед ней, девушка опешила.

- Я хочу извиниться. Моя вина...

Он низко опустил голову, собираясь с силами. Геста не ожидала, что тот будет мучиться чувством вины. Ей даже стало его жаль. Но молодой царевичуже не был в ее глазах тем недоступно прекрасным, почти божественным созданием, обрушившаяся на девушку судьба слишком многое переменяла.

- Не вините себя, царевичСолгар, - сказала она. - В жизни все происходит так, как оно должно было произойти. Но мне приятно было с вами познакомиться. Правда-правда.

И улыбнулась.

Он вдруг просветлел взглядом, словно с него спала невероятная

тяжесть, и горячо зашептал:

- Геста, я обязательно попробую тебе помочь!

Но тут в коридоре неизвестно откуда возникла государыня Фелиса, Ее брату ничего не оставалось, как сухо поклониться и уйти в другую сторону. А Геста побежала к наставнику. Разговор с Солгаром оставил у нее в душе светлое чувство.

Лесарт сегодня принес записки. Ей запретили всякое общение с семьей конюха, вот и приходилось ловчиться и хитрить. Девушка взвизгнула от радости и чуть не вырвала их у него из рук. Пара слов, нацарапанные, как курица лапой, от папы Кима и мамы Селлы, и короткое послание от Тигарда.

Геста задохнулась, читая его. Ты писал про побег.

«Все готово, надо только дождаться безлунную ночь. Наставник выведет тебя и доведет до полуразрушенной башни у старых ворот. Я буду ждать там. Ничего не бойся, у нас все получится».

У Гесты мелькнуло в голове, что и царевич Солгар предлагал помощь, может быть, что-то получится... Едва живая от волнения, девушка уставилась на Лесарта. Тот, пока она читала, хранил невозмутимое молчание. Он и сейчас смотрел на нее нечитаемым взглядом.

- Я приду завтра, - проговорил наконец Лесарт.

Ловко забрал из ее негнущихся пальцев записку Тигарда и ушел. А Геста в страшном смятении опустила на стул. Тысячи сомнений. Почему он так смотрел? Что хотел сказать, и главное, почему промолчал? А потом поняла - дальше так не может продолжаться. Если наставник что-то знает, он должен сказать.

Расстроенная и растревоженная всем этим Геста возвращалась к себе. Шла опустив голову и даже не заметила, когда на ее пути выросло препятствие. От неожиданности ойкнула и отскочила. Вскинула взгляд и замерла, не зная, что сказать. Перед ней стоял отец.

Потом опомнилась и склонилась в глубоком поклоне.

Так они и стояли друг против друга молча. Геста не поднимала голову, но ей было видно, как сжимались и разжимались его кулаки. Наконец царь шумно выдохнул, и отошел в темноту. Это было настолько угнетающе, что Геста бегом побежала к себе в комнату и заперлась.

Еще несколько дней прошли в смятении. Лесарт не появлялся, она приходила каждый день, но ждала напрасно, Геста не знала что думать. Ей то становилось страшно, что с ним или с Ти что-то случилось, то казалось, что ее бросили, это так горько и обидно, что слезы наворачивались. Вся жизнь сосредоточилась на бесполезной, зато хоть как-то отвлекающей дневной суете.

Она часто наталкивалась на мрачный взгляд царя, который появлялся в самых неожиданных местах. Иногда видела близняшек, дочерей Фелисы, Лию и Гелию. Дочери царицы сторонились ее, издали поглядывали с суеверным страхом и стыдом, который они пытались скрыть за надменным презрением. Солгара видела два раза, но только издали.

А день отъезда неумолимо приближался. Геста даже завела себе специальную палочку на которой делала зарубки. По одной в день, и постепенно палочка стала ребристой. И вот наконец, когда она вся изошла нервами, появился Лесарт.

Геста бросилась было к нему, а потом вдруг остановилась на полдороги. Теперь она уже и не знала, как с ним вести себя. Наставник сам подошел к ней.

- Что с тобой, девочка?

Она пожала плечами и вздохнула, отводя глаза:

- Я не знаю, ничего не знаю.

Лесарт хмыкнул:

- В самом деле? Значит, время пополнять твои знания.

Девушка только вскинула голову и хотела сказать, что давно пора, потому что она так с ума сойдет от неизвестности, как он заговорил:

- То, что я скажу сейчас, тебе не понравится.

Ей пришлось сглотнуть, потому что от волнения комок подкатил к горлу. Что же может быть такого, чтобы ей не понравилось? Это в ее-то условиях? А он спросил:

- Что ты решила?

Это было понятно без слов. Геста замерла с открытым ртом, задыхаясь от волнения, не в силах ни кивнуть, ни слова вымолвить, потому что он смотрел на нее словно проникал в душу. И говорил:

- Если твое решение да, знай, что все получится.

Получится. Получится. Получится, эхом отдалось в ушах.

- Но, - он поднял указательный палец левой руки, словно начинал урок. - Всех, кого ты называешь семьей, казнят.

Геста затрясла головой, закрывая рот ладонью, чтобы не закричать.

- Нет?
- Нет, - выдавила она.
- Но и это еще не все, девочка, - во взгляде Лесарта промелькнула горечь. - На Те выпал жребий.
- Нет! - голос у Гесты сорвался, потекли слезы. - Нет...
И тут он склонился к ней близко-близко, глядя прямо в глаза:
- Если он поедет с тобой, у тебя будет шанс спасти его. Всех спасти.
- Но как? Как...
Лесарт взял ее за руку, на которой был скрытый под одеждой браслет ее матери, проговорил со странной улыбкой:
- А это ты поймешь на месте.

Примечание:

Виуэла* - струнный щипковый музыкальный инструмент, близкий к лютне, была особенно популярна в аристократических кругах, правила хорошего тона и аристократического воспитания благородных девиц требовали владения искусством игры на виуэле.

глава 7

Месяц прошел. Его было безумно мало, впрочем, сколько времени не давай, перед смертью, говорят, не надышишься. Теперь Геста даже могла шутить по этому поводу. Последнюю неделю она держалась на возбуждении, как будто долг отдавала. В день перед отъездом ее оставили в покое с занятиями и этикетом, бродила по дворцу, поднималась на крышу. Прощалась мысленно с теми, кого ей так и не дали повидать, с местом, где прошли ее детство и юность.

Вечером приходил Лесарт. Был строг и собран, велел не распускаться, обещал позаботиться о ее приемных родителях. И вообще, напутствовал Гесту так, будто знал заранее, что ее там ждет, и чем все закончится. Так она ему и сказала. А он неожиданно улыбнулся, поправил ей прядку волос и сказал:

- Я верю в тебя. И ты должна верить. И с Божьей помощью все у тебя получится.

Геста потом еще долго осмысливала. Верить через не могу, через невозможное. И тогда... что? Что же он имел в виду, и почему так странно на нее смотрел, как будто намекал на то, что она будет там счастлива? Опять все запуталось.

А поздним вечером к ней был нежданный посетитель.

Открыв дверь, Геста не поверила своим глазам. Чтобы вот так, ночью, к ней в комнату пожаловал Солгар? Он оглянулся по сторонам и спросил шепотом:

- Можно войти?

Девушка наконец отмерла.

- Входите, конечно.

- Я пришел... - он запнулся, проведя рукой по волосам, а потом взглянул ей в глаза. - Я пришел просить прощенья.

Она хотела сказать, что он ни в чем не виноват, но царевич не дал. Солгар заметно осунулся и выглядел сейчас каким-то повзрослевшим. Качнул головой.

- За то, что оказался бесполезным. Наставник Лесарт сказал мне. Прости, что жребий выпал на твоего молочного брата. За все.

- Но мне правда не за что тебя прощать, Солгар, - она впервые назвала его по имени. - Ты действительно ничего не мог сделать.

- И это тяжело осознавать, - мрачно произнес молодой мужчина, пожал ей руки и вышел.

Потому что в ее комнату разом набежало чуть не полдворца.

Утром ее обряжали.

Сначала омыли и долго расчесывали ее каштановые волосы, которые теперь блестели, как шелк на солнце, и отливали золотом. Геста смотрела невидящим взглядом в маленькое серебряное зеркало, что, скрепя сердце, вместе с кое-какими украшениями подарила ей царица. У девицы царского рода должно быть хоть какое-то приданое.

Принесли платье. Белое, затканное серебром и красным шелком, и от этого тяжелое. Целый месяц шили царицены белошвейки. Платье вышло красивое, с узким закрытым лифом, с длинными, расширяющимися книзу рукавами и юбкой колоколом. Весь лиф, манжеты и по подолу - в узорах.

Трудно было узнать себя. Тонкий стан Гесты в этом платье казался еще тоньше, а вся она какой-то слишком красивой, нереальной. Потом подали плат - белое покрывало с цветными кистями. Накинули на голову и повели на стену, куда уже к этому времени должны были привести остальных данников.

Так делалось всегда, чтобы воины Гелсарта издали увидели, что дань готова и не повернули назад. И не пришли потом войском с мечом и огнем.

Геста как будто смотрела на себя со стороны, не узнавая ту девушку в белом платье невесты. Ей что-то говорили, она механически выполняла. Как во сне. А процессия, сопровождавшая ее, двигалась вперед по дворцовому коридору.

И вдруг все замерло. Ропот, странный вскрик. Геста очнулась.

Преграждая дорогу, в коридоре с обнаженным мечом стоял царь.

Люди расступились, вскрикивая и бормоча что-то. А он, тяжело ступая, пошел к Гесте. Меч в руке, блики на нем.

- Не пойдешь.

- Здравствуйте, батюшка, - склонилась перед ним Геста.

- Не пойдешь! - Он схватил за руку оказавшуюся к нему ближе всех дворовую девку и рванул на себя. - Ее отдадим. Да хоть кого! Любую переодеть можно.

- Но властителю Гелсарту в невесты для сына нужна девушка царской крови, - спокойно проговорила Геста, глядя на отца в глаза.

Поклонилась и обошла его по той стороне, куда смотрел меч. Подол платья прошелестел по острию. Поздно, не царю теперь решать, куда

отправится царская дочь.

На стене, где уже собралось чуть не третья часть города, она наконец увидела Ти. Он стоял в темных одеждах, один из семи смертников. Обняться им не дали. Геста просто встала поближе. Рядом с ней Лесарт.

Она искала глазами приемных родителей, Лесарт сказал, их здесь сегодня не будет, не надо им на это смотреть. Наверное, правильно, но ей было жаль, что не попрощалась.

- Еще увидите, - тихо проговорил наставник, глядя вдаль.

Ей бы его уверенность! Ей бы хоть немного уверенности и сил.

Еще немного...

Но вот на подъездной дороге показались Гелсартовы всадники.

У нее осталось еще пятнадцать минут, а потом ЭТА ее жизнь закончится. Начнется другая, и неизвестно, что ее в той, другой жизни ждет.

Дальше было сумбурно. Геста плохо воспринимала, почти не запомнила. Только урывками слова Ти, звон, топот, плач, гортанная речь чужаков...

Голос наставника, отпечатавшийся в сознании. Цель.

У нее действительно была цель.

Царица, Солгар...

Отец. Бледный, застывший изваянием. Его глаза.

Поклон всем. Пусть простят, если кого обидела. Не со зла.

А потом командир Гелсартовых воинов подвел ей белого коня в богатой сбруе, попона с кистями, совсем как ее невестин плат. Почтительно помог сесть в седло особое, женское. Выкрикнул команду, воины разом построились и повернули коней. Еще минута...

Отряд с хриплыми гортанными выкриками выехал за ворота и понесся по подъездной дороге прочь от Белора. Геста в полупрострации смотрела, как ветер треплет кроваво-красные хвосты штандарта, и ощущала себя крохотным листочком в бурном потоке, несущимся навстречу судьбе.

К неведомому жениху - Чудовищу.

глава 8

Это действительно была другая жизнь. Раньше Гесте никогда не приходилось уезжать так далеко от города. Все детство и юность девушки прошли в его стенах. А сейчас ее увозили, и увозили стремительно. Еще пара деревень, и Белорское царство останется позади.

Кони неслись во весь опор, Странные же кони у них, быстроногие, неумолимые и выносливые, Геста никогда не видела таких, а она выросла на конюшне.

Когда выезжали из города, на нее накинули большое темное покрывало и дали большой головной платок, тоже темный, чтобы она повязала его поверх своего белого невестинного. Сначала Геста думала, что это вроде знака траура, ей, как жертве. Но потом поняла его смысл и назначение. Темное покрывало и головной платок, закрывающий пол лица, защищали от пыли. Стоило им выйти на большой тракт, пыль вокруг них стояла столбом.

Через пару часов такой скачки девушка стала уставать. Она хоть и была хорошо тренированной и закаленной постоянно работой, но неудобное седло и бешеный темп, который задали Гелсартовы воины, с непривычки оказалось тяжело выдержать. Словно почувствовав ее состояние, командир отряда скомандовал привал.

Ей дали короткий отдых. А заодно и остальным семи данникам позволили спешиться и размять ноги. Тигард хотел к ней подойти, но его тут же отсекли два воина, выросшие перед Гестой, словно из-под земли, а в грудь парнюуперлись острия мечей.

- Нет! - вскинула руку Геста. - Не трогайте его! Это мой брат!

- Брат? - изумился командир отряда, взглянув на Тигарда.

- Молочный брат, - добавила Геста.

Очевидно, этого объяснения воинам Гелсарта хватило. Тигарда оставили в покое, но подойти все равно не разрешили, пришлось общаться издали. Вообще же, отношение к ней со стороны людей властителя Гелсарта было подчеркнуто почтительным. Как к царской дочери, госпоже. Семерым данникам смерти тоже не выказывали пренебрежения, но разница была огромной. Кстати, когда выяснилось, что Тигард молочный брат невесты того, кого они предпочитали никак не называть, его стали выделять из толпы.

Гесте невольно подумалось, что если бы ее собирались просто отдать чудовищу на убой, наверное, не стали бы с ней так носиться? Хотя, конечно, кто их знает, по непроницаемым лицам воинов понять что-либо было невозможно. И все же она почувствовала себя спокойнее, улегся страх и даже проснулось совсем уж неожиданное в подобной ситуации любопытство.

Привал делали еще дважды. А на ночь для Гесты разбили отдельный шатер. Вокруг которого выставили усиленную охрану. Остальных данников держали на ночь в другом шатре и тоже охраняли не меньше. Как Геста и предполагала, о побеге можно было сразу забыть.

Перед сном к ней зашел командир отряда, осведомиться, нет ли у нее каких-то пожеланий. Пожеланий у девушки не было, но раз уж представился такой случай, она решила попробовать получить хоть немного информации. Гесту прежде всего интересовало, что чудовище делает с данниками, почему его боятся как огня и называют чудовищем. И человек ли он, вообще. И зачем ему вдруг понадобилась девица царского рода. Но вместо этого (сказались уроки приятной беседы) она спросила совсем другое.

- Скажите... а сын... властителя Гелсарта молод?

Командир воинов учтиво поклонился и без запинки ответил:

- Господину тридцать шесть лет.

Хмммм... Не юноша, конечно, но далеко еще не стар.

- А, - она слегка замялась, понимая некоторую неловкость вопроса. - У него есть другие... э... Жены?

Воин странно взглянул на нее и проговорил:

- Нет, госпожа. Других жен нет.

Геста отвела взгляд, шевельнув бровями, и подумала про себя, что все это странно, но похоже, Лесарт все-таки был прав. Ей предстоит роль жены... А то, что других жен нет, это хорошо. Наверное. Не хотелось бы быть одной из тысячи. Осознав ход своих мыслей, девушка закатила глаза.

Пока она раздумывала, воин дал знать о своем присутствии легким покашливанием.

- Госпоже еще что-то нужно?

- Нет, - рассеянно покачала головой Геста.

А потом видя, что он собрался уходить, вдруг выпалила:

- А как его зовут?

- Господина зовут Зэйн, - ответил тот, поклонился и как-то слишком поспешно вышел.

Это напоминала бегство. Но имя показалось Гесте необычным. Зэйн.

Чудовище.

Прошедший месяц дался ему тяжело.

Ожидание, неизвестность. Это раздражало, выбивая почву из-под ног и отравляя все привычные удовольствия. Он даже дошел до того, что пытался мысленно представить себе, что там за невеста. Какая она из себя. Представить не получалось, от этого почему-то становилось тревожно.

Зэйн понимал, что его чувства в чем-то сродни страху, и это вызывало дикий протест. Отвратительно! Оставалось ждать каких-то день-два, а неприятное выматывающее ощущение только усилилось.

Отец прислал трех танцовщиц. Связвил:

- Хочу, чтобы ты потренировался.

Сейчас они извивались, блестя намазанными розовым маслом потными телами. Сквозь сладкий аромат благовоний пробивалась истерическая вонь страха, провоцируя в нем зверя. Он не мог смотреть на боявшихся его до одури жалких женщин. Противна была сама мысль, не то что прикасаться, они даже взгляда его не заслуживали.

- Пошли все к черту! - рыкнул, отворачиваясь.

Довели! Взбесили! Танцовщицы, будто только этого и ждали, бросились врассыпную.

- Что, не понравились? Не возбуждают? Пришлю новых. - раздался скрипучий насмешливый голос Гелсарта.

Зэйн зарычал. Слишком часто отец стал появляться в его доме! Слишком!

- Сбрось пар, сынок, тебе полезно проветрить мозги до приезда невесты, - продолжал насмехаться тот.

Это был предел. Красивый темноволосый мужчина обернулся гигантским ящером прямо на глазах.

Властитель еще долго посмеивался, глядя на разгром, учиненный ящером в собственной подземной гостиной. Мальчика умчался, сметая все на своем пути. Гелсарт всегда испытывал затаенную радость от вспышек ярости сына, и в глубине души страшно ему завидовал.

Если бы он мог вот так же, по желанию превращаться в такое чудовище, все вокруг давно познали бы, что такое истинный страх! Страх, дающий власть над миром.

Немного беспокоило властителя то, что с годами становилось все

труднее держать сына в узде. Зэйн становился сильнее и опытнее, лучше владел собой и своей трансформацией. Рано или поздно настанет день, когда его не сдержит ни родовая власть, ни кровная магия.

И все же Гелсарт не переставал его провоцировать, это было все равно что дергать тигра за усы, будоражило кровь, веселило. А жестокого пресыщенного циника уже давно почти ничего не веселило в жизни. Поэтому он ни за что не отказался бы от этого пряного, отдающего страхом и кровью удовольствия.

Но он, конечно же, подстраховался. Гелсарт не был бы самим собой, если бы с самого начала не продумал запасной вариант на случай, если Зэйн выйдет из-под контроля. В подземном Лабиринте еще при строительстве было заложено особое место - закрытая до поры до времени магическая ловушка. Попав в нее, чудовище умрет. Но, разумеется, это был крайний случай.

Однако сейчас властителя смущало другое. Гелсарт все чаще задумывался, с какой такой радости к нему зачастил Оракул? Он не просил предсказания ни разу, а между тем, странствующий жрец появлялся у него уже трижды, и каждый раз говорил то, чего властителю не хотелось слышать!

Сказанное в последний раз возмутило его, но и заставило изумиться и застыть в мгновенном превращении. Ибо жрец говорил почти невозможное.

Гелсарт прикрыл глаза восстанавливая в памяти слова Оракула.

Девушка снимет проклятие и подарит властелина неба. Дитя родится...

Он даже пожалел, что опять по привычке попытался снести болтливому жрецу голову и не дослушал предсказание. Слишком уж это хорошо звучало, чтобы быть правдой. Прожженный циничный интриган Бога не боялся, но чуял подвох.

И потому решил заполучить это самое потомство во что бы то ни стало. А потом, возможно, придется избавиться от Зэйна. Конечно, жаль терять такое развлечение, но если обстоятельства потребуют, Гелсарт готов был идти на жертвы.

глава 9

На Белор опустилась безветренная и по-весеннему теплая ночь, наполненная ароматами цветущих деревьев. А город был погружен в состояние уныния и подавленности. Так бывало всегда после того как воины Гелсарта забирали с царства позорную дань людьми. В семи семьях сейчас оплакивали сыновей.

Но не лучше было на этот раз и во дворце. Еще днем царь напился и буйствовал. Видя что он ведет себя как варвар, царица заперлась в своей спальне, да и у комнат ее дочерей на всякий случай велела выставить усиленную охрану. Солгара тоже никто не видел с того момента, как он ушел с городской площади. В общем, в дворцовой жизни наступил полный раздрай.

Сейчас Мелиар сидел совершенно один в пиршественном зале ипил в компании своего меча. Челядь тенью передвигалась по стеночкам. старалась не попадаться государю на глаза. Однако именно в этот момент к царю явился посетитель.

- А, Лесарт, - поднял тот на мага мрачный взор. - Проходи, садись. Выпей с царем.

И опрокинул в себя еще один стакан. Однако было видно, что вино не берет его, а лишь обостряет все, что тот пытался заглушить. Лесарт подошел к столу. Сел.

- Пропиваешь дочь, государь?

Мелиар кивнул и расхохотался. Горько, неуместно, жутко. Потом проговорил:

- Она сказала, Гелсарту в невесты для сына нужна девушка царской крови. Это... честь! А я обеспечил Гесте царскую кровь... Как никак.

И снова этот жуткий хохот. Царь налил себе еще вина.

Лесарт странно взглянул на него и вдруг спросил:

- Ты знаешь, как звали ее мать?

- Мне ли не знать, как звали мою рабыню? - перекосясь Мелиар, поворачиваясь к нему, выпил залпом, а потом запустил стаканом в стену. - Мне ли не знать?!

- Ее звали Ивалион Бенерис Дианир Катх, - чеканно произнес Лесарт. - А ты что, всерьез думал, что твоя жиденская кровь что-то значит?

Услышав легендарное имя царей исчезнувшего народа, Мелиар

потрясенно уставился на мага. А потом взревел:

- Что? Что...?! Откуда... Почему ты молчал?!

Презрительная улыбка скривила губы мага.

- А что бы это изменило? У нее ведь все равно не было ни власти, ни богатства.

- Я... - Мелиар ушел в себя, разводя руками, пытаясь осмыслить.

- Я молчал, потому что ты ее не стоил.

- Если ты знал, почему дал ей умереть?!

- Потому что умереть родами была ее судьба, - сухо проговорил Лесарт, вставая из-за стола. - Завтра я ухожу, - добавил он.

Но царь его уже не слышал.

У выхода из пиршественного зала Лесарта остановил царевич Солгар.

- Я невольно оказался свидетелем вашего разговора, - начал он, немного волнуясь.

Лесарт молча ждал, что скажет молодой брат царицы.

- Вы уходите завтра?

- Да, - кивнул маг.

- Возьмите меня с собой.

- Давайте мы обсудим это завтра, - проговорил маг. Коротко поклонился и пошел к выходу, саркастически улыбаясь.

Все в этом мире имеет свою цену. И, похоже, царице в ближайшее время придется искать себе нового мужа. А заодно и нового наследника для царства.

На ночлег они остановились в степи. Шатер Гесты хоть и стоял в центре лагеря и не продувался ветром, а все равно свистящие звуки, доносившиеся снаружи не давали покоя. Все казалось, что что-то шипит или шелестит. Как хвост змеи или рептилии. Или скорпиона. Геста вертелась с боку набок, вздрагивая и прислушивалась. И незаметно для себя заснула.

А во сне ей привиделось странное.

Как будто она бродила в полутемном пустом пространстве, освещенном синеватым магическим светом. Вернее, в каком-то огромном пустом зале, или даже галерее залов, перетекавших друг в друга. Глаза различали причудливую каменную кладку, руны на стенах, орнаменты.

Но не это было главное, а переливавшееся странным золотистым

свечением нечто безумное красивое и милое сердцу, что она держала в ладонях. Но только Геста почему-то никак не могла понять, что это.

И звук. Тот самый, шелестящий, показавшийся ей знакомым.

Что-то резко прошелестело прямо за спиной, заставляя вздрогнуть. И ветер, как будто кто-то очень большой пронесся мимо!

Обернулась - и застыла. Огромный призрачный мерцающий золотом глаз в темноте. Глубокий, как будто дышащий, вытянутый в нитку зрачок. Это было так завораживающе красиво...

Она хотела протянуть руку, чтобы коснуться, но вместо глаза возник силуэт. Мужчина. И подался к ней из темноты. Геста смутилась, она не видела его, только силуэт, но почему-то он тоже показался ей красивым. Но все вдруг смазлось, будто вмешался всесильный кто-то и прервал ее сон на самом интересном месте.

Она проснулась и обнаружила, что давно уже наступило утро.

Что командир пытался попасть к ней в шатер несколько раз, а лагерь поднят, и ожидают только ее. Поскольку Геста совсем недавно оказалась в роли царевны, ощущала она себе крайне неловко. Тут же подскочила и стала судорожно собираться.

Быстрый завтрак, и они снова выехали в дорогу.

Кони опять неслись во весь опор, а Геста, приноровившись кое-как к женскому седлу, погрузилась в размышления. Никак не шел из головы сон. И этот мужчина, лицо которого она таки не смогла увидеть. В конце концов, девушка рассердилась на себя.

Какой мужчина?! Что за глупости?

У нее, между прочим, жених - чудовище, а она о каких-то мужчинах из сна думает!

При других обстоятельствах было бы смешно. Наверное. Но сейчас Геста оглянулась на Тигарда, на остальных парней, ехавших за спинами воинов Гелсарта, и подумала, что ее должно заботить в первую очередь, как спасти их жизни и свою. И как найти возможность отменить страшную дань.

Но сон не шел из головы, а вместе с ним и разные крамольные мысли.

За сутки они довольно далеко отъехали к югу. Здесь было жарче, сменилась растительность. Сейчас дорога шла через лес, и скорость пришлось сбавить, Но это было даже хорошо, наконец появилась возможность толком рассмотреть хоть что-то.

Геста только и успевала вертеть головой по сторонам, разглядывая

незнакомые деревья и диковинные яркие цветы. А какие тут были бабочки! Размером с небольшую птичку, пестрые, с огромными глазами на крыльях. Удивительно красивые. Она таких никогда раньше не видела.

И девушка поневоле отвлеклась. Солнечный день, прекрасный мир, жизнь вокруг. Все это притупляло чувство опасности. Не хотелось верить, что завтра, возможно они все умрут.

- Не будет этого, - сказала себе Геста, до которой наконец дошли слова наставника.

«Я верю в тебя. И ты должна верить. И с Божьей помощью все у тебя получится».

А ближе к вечеру они въехали в первый большой город на границе Гелсартова царства. Такой шумный и непохожий на Белор. И Геста опять вертела головой, не успевая рассматривать пестро одетых людей и диковинные белые дома с галереями и большими арочными окнами.

И все удивлялась, как им не холодно жить в домах с такими-то окнами, ведь там же наверное ужасные сквозняки. Потом поняла, здесь просто намного теплее, чем у нее на родине. При мысли о родине защемило сердце.

А вскорости они подъехали к какому-то большому дому, размером с царский дворец в Белоре. Командир отряда сообщил, что ночевать сегодня они будут здесь. Внутри дом и вовсе поражал воображение, такого богатства ей вообще не приходилось видеть.

Именно сейчас Гесте стало понятно, почему Фелиса все твердила, что войти невесткой в семью властителя Гелсарта великая честь. Ведь это просто дом, в котором останавливаются даже не вельможи, а простые сборщики податей, и таких домов у властителя Гелсарта великое множество.

Но это не обрадовало, а скорее вызвало отторжение, стоило ей вспомнить, на чем держится его власть. И в первый раз девушка всерьез задумалась, какой же он, этот Зэйн - чудовище, женой которого ей предстоит стать?

Ее разместили в больших богатых покоях, прислали служанок. Она понимала их гортанную речь, но среди девушек, приставленных к ней для статуса, была одна старуха, она владела языками и переводила. Под ее руководством Гесту вымыли, помогли переодеться и накормили ужином. Платье, кстати забрали почистить, это было хорошо, за два дня пути оно успело изрядно пропылиться.

Перед тем как уйти, оставив Гесту в спальне, старуха отослала всех прислужниц. А когда осталась с ней наедине, низко склонилась и тихо сказала:

- Мы долго ждали тебя, дева Катх. Да благословит тебя Господь.

Это обращение к ней, как к какой-то царице откровенно смутило и вызвало недоумение. Геста попыталась было возразить, что ее зовут иначе. Но старуха только улыбнулась, сложила руки на груди и вышла.

глава 10

Ощущение, что люди вокруг знают что-то, чего не знает она, вызвало у Гесты странный осадок. Вообще, с тех пор, как она сошла с Белорской стены в своем белом невестином платье, было много странного.

Во-первых, почтительное отношение к ней воинов Гелсарта. Перед ней склонялись, с нее прямо пылинки сдували. Это Геста еще могла понять, в конце концов, она невеста сына их властителя, хоть он и чудовище.

Во-вторых, странное имя.

Из рассказов Лесарта она помнила, что-то такое про царей древнего народа, основавших когда-то очень давно Оракул в Салиме. Народа уже нет, исчез, стертый с лица земли дикими племенами варваров - завоевателей. А Салимский храм стоит. Кажется, их звали Катхи.

Геста всегда думала, это нечто вроде эпитета, имя нарицательное. Катх - провидящий истину. А теперь женщина назвала ее этим именем. Так странно. Какую истину могла провидеть она, дочь рабыни, выросшая на конюшне?

Знали бы эти люди, кого им подсунули вместо царевны, интересно, смотрели бы на нее с тем же почтением?

Неловкое чувство, когда обманываешь всех вокруг. Девушка поморщилась, но она же не совсем самозванка, все-таки дочь царя, пусть и от рабыни. Вспомнились глаза отца в последние минуты там, на площади. Наверное, надо было как-то по-человечески попрощаться, сказать ему...

Но это уже в прошлом, а ей надо смотреть вперед. Думать о Ти, об остальных молодых ребятах, жизнь которых, возможно, будет зависеть от ее верных или неверных поступков. Поэтому ошибок допускать нельзя.

Геста вздохнула, узнать бы еще, в чем могут заключаться ошибки.

И попытаться понять, чего же от нее здесь ждут.

С этой мыслью она и заснула. В этот раз сны были сумбурные. Видимо, душевное смятение нашло отражение во сне. Потом Геста не могла толком ничего вспомнить, кроме странного ощущения, что она несетя куда-то, а сердце замирает.

Но, как известно, утро вечера мудренее. Проснувшись утром, девушка решила, что мучить себя загадками незачем, надо просто спросить. Тем более что эта старуха показалась ей доброжелательной.

Однако, как ни хотелось Гесте узнать больше, случая не

представилось.

Стоило ей встать, как в комнату тут же набежала туча народу. Ее снова мыли, умащивали, кормили и обряжали. Прислужницы что-то говорили, что-то делали, и каждая точно знала свою роль в этом хорошо отлаженном спектакле.

А через час с небольшим, когда Геста уже была упакована в свое невестинское платье, явился командир отряда. И ей пришлось проглотить досаду и уйти, так и не переговорив наедине с той старухой.

В большом внутреннем дворе этого дома ждал кортеж. Когда ее подвели к богато изукрашенной закрытой повозке, Геста опешила, невольно ища взглядом коня, которому за эти два дня успела привыкнуть.

- Госпожа, сегодня вечером мы приедем во дворец властителя.

У нее сердце сжалось. А командир поклонился и добавил:

- И вы встретитесь с женихом.

С женихом. С чудовищем. Задышала глубже, словно можно надыхаться впрок. Еще один день.

Чтобы отвлечься спросила:

- А остальные?

- Они тоже. Встретятся, - уклончиво ответил командир отряда, отводя взгляд, и подал ей руку, чтобы помочь подняться в повозку.

Мысли заметались. Как встретятся, что с ними будет? Ти! Вспомнились слова Лесарта, если он поедет с ней, у нее будет шанс.

- Они моя свита, я хочу, чтобы, чтобы они были со мной, - выпалила Геста, не успев даже подумать, что говорит.

Мужчина взглянул на нее немного странно, но склонился:

- Как будет угодно госпоже.

Уже сидя в повозке она откинулась на спинку сидения, обтянутую дорогой ворсистой тканью глубокого синего цвета, и затихла, прикрыв глаза. О том, что будет вечером, не хотелось даже думать, в сознании словно опускалась стена. И снова это знакомое чувство, когда время неумолимо летит, но движется медленно, как во сне.

Еще один день, а потом...

Накануне отец приходил опять. Радостно сообщил, что его невеста пересекла границу и эту ночь будет ночевать в приграничном Ахарде.

- А следующую ночь, она уже будет спать с тобой, сынок, - скрипучий

смех. - Ну что, готов сделать ей ребенка? Или все-таки попробуешь потренироваться?

Унизительные слова. В тот момент у Зэйна было чувство, как будто его смешали с дерьмом. Поэтому и бродил всю ночь по Лабиринту зверем. И оборачиваться человеком не было ни малейшего желания. Стоило вспомнить циничный смех отца, как из пасти вырывалось глухой рык.

Потренироваться?!

Под кого-то подстраиваться? Это его жизнь! Его проклятая жизнь!

И он не собирался в ней ничего менять ни в угоду отцу, ни в угоду какой-то там невесте, которую он даже не мог себе представить.

Потренироваться!

Кто она? Какая?! Такая же отвратительная лживая тварь, как те, кого подсовывал ему отец? Прячущие дикий страх и отвращение за намертво приклеенной фальшивой улыбкой, они приводили его в бешенство, будили зверя. Чем девица царского рода будет лучше их, чтобы ее щадить?

С какой стати ему вообще ее щадить?!

Эта чертова невеста еще не появилась здесь, а уже переворачивала его жизнь, лишая выбора, загоняя в тупик. Осознание вызывало дикий протест, а слова отца только подливали масла в огонь.

И все же, каким бы унизительным оно ни казалось, как бы ни бесило, предвкушение уже поселилось в душе. Странное чувство, как перед охотой.

Ему интересно было ее увидеть.

глава 11

День тянулся медленно, солнце как будто замерло не небе в одной точке. Геста все время поглядывала на него из застекленного окна повозки. Само по себе такое тонкое и прозрачное стекло казалось ей почти чудом.

У них во дворце в Белоре не было таких прозрачных стекол. Все зеленоватые и мутные. Наверное, стоило баснословно дорого. Впрочем, здешнее богатство не чета всему, что она когда-либо видела в жизни, Геста уже поняла это, осталось только привыкнуть ничему не удивляться.

Она смотрела на необычную природу, проплывавшую за окном, на города, деревни и реки. На луга с цветущим разнотравьем. Даже в закрытую повозку ветер приносил запах наступающего лета. Насытить глаза, наполнить душу этой красотой, пока еще возможно.

Городов теперь попадалось все больше. Разных, больших, малых похожих друг на друга и по-своему особенных. Остановок в пути было несколько. Геста старалась запомнить все до мельчайших деталей, каждую мелочь.

Солнце вроде бы стояло в зените, но оно все же двигалось, неумолимо склоняясь к закату. А время утекало, как в часах утекает песок. После последней остановки командир отряда сказал, что впереди одно большое пригородное селение, а потом они въедут в столицу царства, великий город Киремос.

- Скорей бы уж, - пробормотала Геста.

В какой-то момент она просто устала от нервного перенапряжения, и готова была на что угодно, лишь бы это бесконечное ожидание закончилось.

Кортеж въехал в столицу Гелсартова царства, когда солнце уже касалось верхушек деревьев. Таких высоких, со стройными стволами и пышной кроной, ей сказали, они называются пальмы. Город Киремос показался девушке подавляюще огромным, дома в нем, как настоящие дворцы. Многоступенчатые высокие, украшенные каменной резьбой, с колоннадами и фресками, с садами, разбитыми прямо на плоских кровлях.

Впервые в жизни она видела такое.

А дворец властителя Гелсарта был воистину огромен. Семь этажей -

ступеней,сколоннадами. Выкрашенные красной краской стволы колонн с белыми капителями издали напоминали женщин в платьях цвета крови. Яркие фрески на стенах, сады на уровнях кровли. Все незнакомое, такое непривычное.

Но подивиться уже не осталось сил.

Ну вот и все, подумала Геста, где-то здесь обитает ее жених - чудовище. Сейчас ее отведут к нему, и...

Однако она ошиблась.

Сначала ей предстояло официальное представление властителю Гелсарту.

А потом еще ужин с ним.

Казалось бы, приезд царевны из далекого Белора - песчинка в масштабах огромного царства, но к приему готовились так, будто это официальный визит правителя, равного самому властителю по рангу.

Сам Гелсарт ожидал невесту сына с каким-то мальчишеским нетерпением. Это сулило неплохое развлечение уже хотя бы потому что бесило и заставляло дергаться Зэйна. А он наслаждался этими выплесками энергии, словно гурман изысканным блюдом.

Но еще больший интерес незнакомая девушка вызывала тем, что принадлежала Зэйну. Гелсарта давно уже не волновали женщины, он просто пользовался ими. А когда надоедали, отдавал отработанный материал сыну-чудовищу. Не жалко.

А тут новая женщина, неприкосновенная. Девственница, окруженная тайной. Да еще с предсказанием, согласно которому он получит-таки долгожданное потомство! Это будоражило кровь.

Потому, как только ему сообщили, что кортеж невесты прибыл, властитель тут же приказал ее привести. И пока текли минуты ожидания, пытался угадать, как она выглядит. Гелсарт знал северянок, в его гареме их было достаточно.

Он представлял себе плотненькую голубоглазую девицу с сочными грудками и белой кожей. С пухлыми губками и румянцем на глуповатом личике. Ну, может быть, испуганную и слегка бледненькую от волнения. При мысли о том, как девчужке сейчас должно быть страшно, он даже хищно хохотнул, заерзав на троне.

Но тут объявили о ее появлении, и Гелсарт прилип жадным взглядом к дверям.

А увидев эту самую царевну Гесту, в первый момент застыл,

удивленно подавшись вперед и стискивая подлокотники трона. Властитель Гелсарт не верил своим глазам. Но ошибки быть не могло, он вмиг почувствовал ее магию и энергетику сладостью на кончике языка. К тому же эти невероятные глаза... И все признаки налицо...

Неужели его обманули?! Девственница из рода Катхов?! Настоящая?!

Как она могла оказаться в этом медвежьем углу? Откуда?! Впрочем, неважно, его все устраивало.

Ай да Оракул! Он даже мысленно присвистнул от внезапного нахлынувшего удовольствия, как будто по цене обычной кошки приобрел тигра. И сейчас, произнося слова приветствия, просто ел девушку глазами, наблюдая, как она смущается под его взглядом.

Положительно, все становилось значительно интереснее!

Пока Гесту вели в зал приемов, ей казалось, что в этом огромном многоуровневом дворце можно потеряться и бродить, не находя выхода, годами. Богатое убранство просто слепило, а великолепные фрески, украшавшие стены, приковывали взгляд, вызывая восхищение. И вместе с тем все это пугало, заставляя чувствовать себя перед этим величием песчинкой, которую сметут и не заметят.

Девушку невольно передернуло при мысли, если она здесь ощущает себя так, как должно быть тягостно в самом Лабиринте, который, говорят, весь под землей. Она уже успела осведомиться у командира сопровождавшего ее отряда и получила скупые, уклончивые ответы. Этого было достаточно, чтобы добавить красок к представлению о том, что ее тут ждет.

А бесконечные перемещения, к которым она уже притерпелась, внезапно закончились. Еще один подъем по высланной мрамором лестнице мимо ярких, почти живых ибисов на стенах, холл, высокие решетчатые двери, открывающиеся перед ней...

И взгляд.

Пугающий, проникающий в душу, пожирающий. Какой-то до странности знакомый и насмешливый. Властитель Гелсарт.

Геста автоматически склонилась перед тронном, ей даже удалось произнести заученное приветствие без запинки, сказались-таки уроки этикета, не зря воспитательница вдалбливала ей в день по три часа. И голос не дрожал.

А в голове крутилась странная мысль: кого же грозный властитель Гелсарт ей напоминает? В этом крылось странное несоответствие, и мысль

вызывала душевный диссонанс. К тому же этот страшный человек странно на нее смотрел. Как на вкусную еду. Ей даже на миг показалось, что из его рта сейчас высунется раздвоенный змеиный язык и...

Он действительно облизнулся и произнес, удобнее устраиваясь на троне:

- Мы рады видеть тебя, царевна Геста.

По губам Гелсарта скользнула улыбка, а Гесту чуть не затрясло. Девушка постаралась скрыть свою реакцию и уставилась на мраморный пол под ногами. Властитель спрашивал про путешествие, был явно чем-то доволен и склонен к беседе. Геста учтиво отвечала, стараясь не смотреть в его горящие глаза. Но насмешливые нотки в голосе Гелсарта вызывающие странные ассоциации.

Наконец он произнес:

- Очень хорошо, теперь отужинаем, дитя мое. - Встал, хлопнув в ладоши, и направился куда-то, вовсе не заботясь о том, идут за ним или нет.

Гесте оставалось только поспешить следом. Поужинать, а также помыться и переодеться с дороги при других обстоятельствах было бы очень хорошо и приятно. Потому что она устала, а ноги ныли от проклятых туфель. Но сейчас лишнее промедление перед неизбежным ощущалось всего удлиняющей агонию отсрочкой наказания.

Она шла за ним, искоса взглядывая на его высокую сухощавую фигуру и пытаясь понять, кого этот страшный человек ей напоминает. Но додумать ускользающую мысль так и не успела, они вошли в пиршественный зал.

Глядя на стол, Геста невольно сглотнула, подавляя нехорошее подозрение. Накрыто было для двоих. Но по счастью, в пиршественный зал стали входить сановные люди, и у нее отлегло сердца. А когда на узорной скатерти появились свитки пергамента, которые ей предложено было подписать кровью, до Гесты наконец дошло, что это и есть ее свадьба.

Не так она себе все представляла, впрочем, теперь это уже не имело значения.

- А где жених, - единственное, что она спросила, глядя, как сановник уносит пергамент, подписанный ее кровью и теребя проколотый палец.

Властитель Гелсарт взял ее за руку, усаживая за стол, проговорил:

- Скоро ты с ним встретишься, а пока поужинай со мной.

И сделал ужасную вещь - слизнул кровь с ее пальца. Геста чудом сдержалась, чтобы не отшатнуться. Застыла, глядя расширенными от ужаса глазами в его насмешливые глаза и вдруг поняла, кого он ей напоминает.

Наставника Лесарта.

глава 12

Геста тут же подавила эту мысль. Не может быть!

Однако невероятное осознание заставило ее вздрогнуть и покрыться мурашками. Неизвестно, что при этом подумал страшный человек, но он вдруг засмеялся. И сказал, показывая на стол с изысканными яствами:

- Прощу, царица Геста.

Ошарашенная Геста с испугу уткнулась в тарелку, однако он больше не позволял себе провоцирующих выходок. Даже тон сменился на обычный. Оказалось, что этот человек вполне способен поддерживать интересную беседу. Вернее, он поднял тему, которая показалась Гесте интересной.

Гелсарт заговорил о предсказаниях. Геста вскинула на него глаза. Ведь из-за предсказания Салимского Оракула она и оказалась здесь. Невеста чудовища...

- А знаешь ли ты, царица Геста, кто основал древний Оракул в Салиме? - неожиданно спросил Гелсарт, странно на нее поглядывая.

- Кхммм... - Девушка прокашлялась, прикрывая рукой горло, в его словах и взглядах чудилась ей какая-то подоплека. - Я слышала, его основали древние цари из рода Катх.

Глаза Гелсарт вспыхнули на миг и тут же все спряталось.

- Верно. Катхи. Провидящие истину. - Довольный смешок, а после он склонился к ней, заставляя вздрогнуть, и проговорил: - А тебе известно, что этот дар они получили от драконов, потомками которых являлись?

- Нет... - прошептала Геста, завороченная и испуганная его взглядом.

Звучало странно и страшно, вызывая трепет где-то глубоко под кожей. И этот взгляд... Чтобы прервать наваждение, Геста быстро спросила, меняя тему:

- А когда я увижусь с женихом?

Вот теперь Гелсарт расхохотался. Искренне, заливисто, откидывая голову назад.

- Скоро, дитя мое. Тебя подготовят, переоденут, - он оглядел ее закрытое глухое платье и улыбнулся. - В более подходящую одежду. И ты отправишься в дом жениха.

Что-то в его словах было. Или во взгляде. Что-то, от чего Геста почувствовала подвох. Змеиным танцем назвала она про себя эту странную беседу.

- А моя свита?- спросила, внезапно с ужасом осознав, что за всем этим забыла о ребятах.

- Твоя свита, - Гелсарт хохотнул, кивая. - Тоже отправится.

- Я бы хотела, чтобы они были со мной.

Бровь Гелсарта дернулась, на лице возникло нечитаемое выражение, а потом он склонил голову к плечу и проговорил:

- Как скажешь, дитя мое, как скажешь.

И снова ей почудилось в его тихом смехе что-то ужасное, от чего хотелось бежать без оглядки. А Гелсарт неожиданно сказал:

- Благодарю за ужин, невестка моя.

Хлопнул в ладоши и вышел, предварительно пообещав, что они еще встретятся. А в зале тут же появилась целая толпа женщин - готовить невесту к тому, о чем Геста даже думать боялась.

Однако было во всем этом и нечто обнадеживающее. По всей вероятности, убивать ее не собирались, иначе зачем возня с так называемой свадьбой. И если Ти и остальные ребята будут с ней, то у них появится шанс.

Оставив девушку на попечении прислужниц, властитель ушел на террасу и некоторое время стоял там, глядя в темнеющее закатное небо. Странная улыбка то набегала на лицо, делая его одновременно одухотворенным и страшным, то исчезала.

Потом он резко повернулся, направляясь в кабинет, а оттуда знакомым маршрутом по тайным переходам к заветной двери из чистейшего заговоренного серебра. Вниз, в Лабиринт, к чудовищу. Он знал, что сын сейчас ждет и бесится, но у Гелсарта было для него две новости и одно интересное предложение.

- Это опять ты? - спросил Зэйн, увидев, что он спускается по лестнице.

Голос сына был спокоен, лишен эмоций. Но зрачки! Вертикальные зрачки отливающих жидким золотом глаз красивого темноволосого мужчины говорили о многом.

Так и есть. Гелсарт не без внутреннего удовлетворения отметил, что Зэйн едва сдерживает своего зверя, а значит, возможно, примет предложение. Властителю этого хотелось, но он скрыл тлевший внутри огонек предвкушения.

- А ты ждал кого-то другого, сынок? - спросил он, посмеиваясь.

Зэйн запрокинул голову, лениво глядя в потолок:

- Вообще-то, я ожидал, что ты приведешь мою невесту. Она ведь,

кажется, должна была приехать сегодня? Нет? Или ты передумал?

Гелсарт засмеялся, позволив себе показать истинные эмоции и заинтересованность:

- Нет, конечно. Мне нужно потомство, которое я больше не могу зачать. Но можешь ты. Поэтому я не передумаю. Но!

Он поднял указательный палец, и вкрадчиво добавил:

- Она девственница... И если... Ты боишься не сдержать себя в первый раз, я мог бы тебе помочь, - и застыл, внимательно вглядываясь в глаза сына, ловя реакцию.

Честно говоря, Гелсарт был разочарован. Вместо того, чтобы взорваться гневом от возмущения, тот реагировал на удивление спокойно. И с язвительным смешком сказал совсем не то, что властителю хотелось услышать:

- Спасибо за щедрое предложение, отец, но я как-нибудь сам разберусь со своей новой игрушкой.

Гелсарт с досадой смотрел на сына, понимая, что проморгал в нем что-то важное, тот научился скрывать свои чувства. Но у него были и другие новости, поэтому он решил снова потревожить раненое самолюбие сына.

- Знаешь, твоя невеста такая забавная, считает предназначенных для твоей охоты данников своей свитой. И настаивает, чтобы ее свита вошла в твой дом вместе с ней.

И снова рассмеялся, видя, как дернулись вертикальные зрачки Зэйна.

- Пусть войдут, если она так хочет, - проговорил Зэйн, изображая улыбку, больше напоминавшую оскал.

И снова разочарование!

- Хорошо, как скажешь, сынок, - Гелсарт вздохнул и тут же спросил, изображая заботу, - Как давно ты не охотился?

- Это тебя не касается, - улыбка Зэйна, кажется, стала еще шире.

- Хочешь показать невесте охоту? Ну-ну. Кстати, один из этих семерых довольно близок ей...

- В каком смысле? - процедил Зэйн.

Гелсарт с удовлетворением заметил, что голос у него слегка дрожит.

- Кажется, молочный брат. Но я могу и ошибаться...

Странное выражение промелькнуло на лице Зэйна и исчезло, он прошелся по комнате, заложив руки за спину и повторил уже спокойным тоном, как будто принял какое-то решение:

- Пусть заходят.

- Хорошо, я прикажу семерых запустить, а девушку приведу сюда, - начал Гелсарт.

- Нет, - повернулся к нему Зэйн и отдельно и четко проговорил. - Пусть МОЯ невеста заходит вместе со своей свитой оттуда, откуда заходят все.

- Ты уверен? - спросил Гелсарт прищурившись. - Не забывай, ты должен вернуть мне ее живой!

И беременной. Но этого не прозвучало.

- Я все прекрасно помню, отец, - с улыбкой проговорил Зэйн и поклонился, давая понять, что разговор окончен.

Гелсарту ничего не оставалось, кроме как уйти, понимая, что сын выиграл этот раунд вчистую. Мальчишка вырос и научился вести взрослые игры.

Стоило двери за отцом закрыться, Зэйн буквально взорвался ревом, и быстрыми шагами пошел прочь. И все же он достаточно хорошо владел собой. У него действительно был план, отец только подсказал детали.

глава 13

Очередное омовение, умащивание, причесывание. За последнее время Геста успела привыкнуть к тому, что ее вертят как куклу. А сейчас эти действия, которые она воспринимала уже механически, еще и понемногу подталкивали к панике, заставляя собирать по крупицам все свои душевные силы.

В конце концов, говорила она себе, от замужества еще никто не умирал. Хотя, конечно, далеко не всем выпадало счастье стать невестой чудовища. С другой стороны, иные люди тоже те еще чудовища.

Взять, например, властителя Гелсарта. Он показался ей настоящим злым гением. Изысканно остроумным, обаятельным, даже красивым. И чудовищно страшным изнутри. А неуловимое сходство с наставником Лесартом, только подчеркивало впечатление.

Принесли одежду, которую предстояло надеть вместо ее невестинского платья. Увидев, Геста впала в легкий ступор. Нет, это конечно было очень красиво, но как ей надеть такое...

Наряд состоял из очень пышной многослойной полупрозрачной юбки и куцега сильно декольтированного лифа, оставлявшего открытой всю грудь чуть ли не до сосков, вместо нормальных рукавов крохотные фонарики. А талию прикрывал пояс-шарф, завязывающийся на спине бантом. Все кипенно-белое с удивительным радужным отливом.

Девушка смотрела на себя, и румянец расплзался по щекам.

Тугой лиф стягивал и выпячивал грудь, которой она привыкла считать, у нее не нет. А сейчас, глядя в огромное зеркало из полированного серебра, даже слегка ужаснулась, у незнакомки в зеркале грудь была. Однако...

И все это надели ей прямо на голое тело. Геста чувствовала себя более раздетой, чем если бы просто пошла нагишом. Но самым шокирующим было то, что прежде чем обуть ее в маленькие расшитые бисером шлепанцы на тонких каблучках, ей защелкнули на щиколотках золотые браслеты, скованные между собой недлинной золотой цепочкой. Так что теперь даже широкий шаг сделать было невозможно.

- Зачем вы надеваете на меня кандалы? - не выдержала Геста.

- Таков обычай, госпожа. Это символ девственности, - был ответ.

После этого она вообще ушла в себя.

Волосы ей перечесали заново и оставили распущенными.

Прислужницы все восхищались и ахали:

- Какие у госпожи прекрасные волосы.

А она потихоньку переминаясь с ноги на ногу, и думала, что этом символе и удрать-то не получится, если что. Наконец все было готово, и ее повели.

Куда? Понятия не имела. Стараясь как можно глубже и реже дышать, Геста заставляла себя думать только об одном. Сейчас она увидит Ти и ребят. А что будет потом... Как-то с Божьей помощью разберется.

И действительно, ребят она увидела скоро. Ти! Он все выискивал кого-то взглядом. Увидел. Глаза вспыхнули и расширились от удивления, но все же, найдя ее, парень немного успокоился. Он и остальные ребята осунувшиеся и бледные стояли на террасе в своих темных одеждах. За ними стража. Первое, что Гесте бросилось в глаза - острия мечей, сверкающие в свете огромных жаровен. А потом ее внимание отвлек звук.

Шаги. Кто-то приближался. Сердце заколотилось в горле.

Вот сейчас...

Но из-за спин высоких мощных стражников появился властитель Гелсарт. Глаза его прямо впились в Гесту, ей даже показалось, что она задыхается под этим взглядом. А Гелсарт вдруг улыбнулся и захлопал в ладоши.

- Восхитительно, - проговорил, приблизившись. - Моему сыну несказанно повезло.

- Спасибо, государь, - пробормотала Геста, уткнувшись взглядом в пол и думая, когда это наконец закончится. Честное слово, она уже готова была бегом бежать в тот Лабиринт!

Однако властитель не все еще высказал. Он взял ее левую руку и защелкнул на запястье широкий золотой браслет со сверкающими камнями, и точно такой же на правую. Погладил оба запястья и проговорил:

- Маленький подарок. А теперь ступай к жениху, невестка. Твои вещи уже доставили в его дом, а твоя свита, - тут он помедлил, оглядев семерых юношей странным взглядом. - Последует за тобой.

Короткий жест, и их повела стража. Властитель стоял, глядя им вслед.

Вооруженные воины вели и вели их куда-то. У Гесты создалось впечатление, что они даже не выходили из дворца. Наверное, так оно и было. Лестницы, залы, бесконечные переходы. Притупляющие сознание, стирающие грани реальности.

Огромные, даже на вид невероятно тяжелые двери возникли перед

ними внезапно.

В мечущемся свете факелов взгляд успел выхватить орнаменты и барельефы. Двери открылись быстро и совершенно бесшумно, стража указала на вход.

- Вас ждут, госпожа.

Медлить, пытаться бежать или оказывать сопротивление не имело смысла. Направленные на них обнаженные мечи недвусмысленно говорили об этом. Геста и семь юношей ступили в темнеющий зев проема, а двери за ними так же бесшумно закрылись. Ну вот и все, они остались внутри.

Как только они остались одни, Тигард сразу схватил Гесту за руку.

- Не бойся, мы выберемся отсюда! Все будет хорошо. Надо только найти выход. Он обязательно найдется, в таких дворцах их всегда бывает несколько.

И потянул ее за собой, обращаясь ко всем:

- Пошли, нельзя стоять на месте.

Первые шаги дались с трудом, но глаза очень быстро привыкли к полумраку, и стало видно, что они в огромном зале с высоченным потолком. Здесь не было факелов и жаровен, все пространство освещалось синеватым магическим светом. И кладка, и руны на стенах. Гесте невольно пришла на память картина из ее сна.

Откуда-то из-за их спин пришел порыв ветра. Стало жутко.

- Давай быстрее, - проговорил Ти, сжимая ее руку.

Они вдвоем шли в середине, остальные ребята, шеренгой чуть позади.

- Ти, откуда ты знаешь? - спросила Геста шепотом.

- Мне Лесарт рассказывал, - бросил он, озираясь по сторонам.

Лесарт... а почему же он ни слова не сказал ей? Однако додумать не удалось, потому что в этот миг она услышала тот самый шелестящий шум. И на границе сознания будто метнулась огромная призрачная тень.

Раз - и двоих ребят, шедших по краям, не стало.

И вот тут они побежали!

Несколько переходов, один зал сменялся другим. А этот шелестящий звук проносился снова и снова, забирая каждый раз то одного, то двоих. Пока наконец они с Ти, вцепившимся в руку Гесты мертвой хваткой, не остались только вдвоем. Геста едва поспевала, задыхаясь. Проклятая цепочка сковывала, не давала нормально переставлять ноги, и эти красивые, но такие бесполезные шлепанцы на каблуке... А Тигард тащил ее вперед, оглядываясь по сторонам, и вдруг увидел темневший сбоку проход.

- Сюда! - потянул он ее рывком.

Она дернулась, споткнулась обо что-то и упала. Их руки разомкнулись. А когда подняла голову, Ты уже рядом не было.

Геста осталась совершенно одна. Она еще сидела полу, озираясь, сиюсь понять, что же произошло. И наконец услышала ШАГИ.

Тяжелые. И шелестящий звук.

Вот оно.

Девушка поднялась на ноги, вглядываясь в синеватый сумрак, откуда приближались шаги.

глава 14

С самого начала вся эта отцовская затея казалась Зэйну и оскорбительной и унижительной до предела. Кем бы он ни был, заставить его спариваться как животное? Мужчина был слишком горд для этого.

Но за прошедший месяц он многое передумал. Переосмыслил. И раз уж его ставят перед фактом, он имел права предъявить кое-какие требования к невесте. Однако озвучивать их не стал. Зэйн давно уже понял, чем меньше Гелсарт знает о нем, тем меньше у него рычагов давления. А последнее бесстыжее предложение отца только подтвердило правильность его мыслей.

Надо сказать, что пожелание невесты держать свою «свиту» при себе здорово удивило Зэйна. Это была либо крайняя наивность и глупость, либо вызов. Что ж, он готов был и развеять ее наивность, и ответить на вызов.

Отец хотел подколоть его охотой? Да, он собирался показать невесте охоту.

Он собирался показать ей себя таким, какой он есть, и посмотреть, чего эта невеста стоит.

Постепенно из синеватого призрачного света появился силуэт. Огромный как дом. ЯЩЕР. Настоящее Чудовище!

Гесте пришлось вскинуть голову, чтобы охватить его целиком. Она потрясенно застыла, глядя в золотистые глаза с узким вытянутым зрачком. Совсем как ее сне...

Ящер сделал еще несколько шагов и замер, теперь ей отчетливо были видны его громадные лапы, шипастая голова, мощное туловище. Хвост шевельнулся по полу, Глядя на него в какой-то прострации, Геста узнала тот самый шелестящий звук.

Страшно ли ей было?

Нет. Оно, этот ящер, чудовище, почему-то показалось ей завораживающим, как и тогда, во сне. Совершенным. Словно видела его изнутри и это трудно было объяснить, но...

- Совсем не боишься? - услышала она вдруг свистящий шепот.

О... Так оно еще и разговаривает? Ну надо же...

Геста уставилась в его золотые глаза и проговорила:

- Нет. Какой смысл бояться, если ты все равно можешь убить меня в любую минуту?

Он наблюдал за девушкой начиная с того момента, когда она с со своей «свитой» вошла в Лабиринт. Она показалась маленькой и тощей, а этот вцепившийся в нее парень раздражающе назойливым. От всей этой «свиты» и от него надо в частности, надо было быстро избавиться, но калечить или убивать никого не собирался,

Зэйн хотел видеть настоящую, честную реакцию невесты, когда она наконец поймет, что спасения нет, а он - чудовище. А заодно увидеть вблизи, что там подсунул ему отец.

А сейчас он ошарашенно смотрел в невероятные, светящиеся изнутри глаза девушки и ничего не мог понять. Страх, который он ощущал в ней во время погони, словно испарился. Она разглядывала его. Как диковину! Его?! Возмутительно.

- Совсем не боишься? - не выдержал Зэйн, начиная с досадой подозревать, что отец подсунул ему умалишенную.

Удивление отразилось на лице девушки, она покачала головой.

- Нет. Какой смысл бояться, если ты все равно можешь убить меня в любую минуту?

Тонкая рука взметнулась, поправить волосы, очень красивые, отливающие золотом, густые. И тут Зэйн заметил обручальные браслеты отца на ее запястьях. Проклятие! Старый извращенец решил пометить добычу, напомнить ему, кому эта тощая девчонка на самом деле принадлежит.

- Могу, - проговорил Зэйн, делая еще один шаг, чтобы оказаться почти вплотную и нависнуть, глядя в ее распахнутые глаза. - Но сначала я с тобой поиграю.

А потом развернулся и ушел.

Оставшись одна, Геста долго стояла, глядя вслед огромному чудовищу. Потом наконец отмерла и, поискав глазами, куда бы присесть, пошла к скамье у стены. Присела, сложив руки на коленях и разглядывая чудом уцелевшие после такого забега шлепанцы.

Одна. Ничего не понятно. Где она, где все остальные?

Но... если это громадное чудовище и есть жених, значит, ей не придется исполнять супружеский долг? Это была хорошая новость.

Неизвестность уже не пугала выдуманными кошмарами, потому что с кошмаром она встретилась лицом к лицу. Не так и страшно-то оказалось.

Просто все это время она держалась на стрессе, почти не ощущая своего тела. А тут вдруг поняла, что безумно, до умопомрачения устала. Идти сейчас куда-то не было сил. Она повела плечами, потирая шею, покрутила ступнями. И тут же чертыхнулась. Проклятая цепочка. Ничего более бесполезного в жизни не видела.

На удивление, в подземелье было сухо и совсем не холодно.

Сейчас бы большую охапку сена, и зарыться в нее...

В синеватом призрачном свете ее наряд серебрился и отливал сиреневым. Хорошо, что юбка многослойная. Геста завернулась в верхний слой, улеглась калачиком на скамейке и мгновенно уснула.

Зэйн не глядя шел по своему необъятному дому, и все пытался разобраться в себе, понять, с какой стати он вообще так завелся?

Да, отец разозлил его, взбесил своей беспардонностью. Но ему ничего не стоило просто переспать с девицей, отправить ее обратно и забыть. Да ничего! Почему, достаточно было услышать об этой невесте, как его прямо начинало корежить изнутри?

Неужели все дело в этом дурацком слове? Невеста. Необычная игрушка.

Зачем он вообще устроил ей это испытание на прочность? Что хотел доказать своей демонстрацией? В глубине души Зэйн знал ответ, просто не хотел признаться.

Как и в том, что обалдел и завис, когда вместо страха увидел в ее глазах восхищенное любопытство. Это было невозможно! Он отказывался верить.

Его тянуло вернуться и удостовериться, что произошла ошибка, иначе это так и будет взрывать ему мозг. Однако возвращаться не хотелось, аж зубы ныли. В конце концов, проиграв бессмысленную борьбу с собой, гигантский ящер беззвучно взревел, поднимая пасть к потолку, и все-таки повернул обратно.

Чем ближе подходил к тому месту, где оставил девчонку, тем медленнее и бесшумнее он передвигался. В форме зверя Зэйн вообще мог перемещаться невесомо и быстро как мысль, топал он ногами, сотрясая пол, только чтобы нагнать страху. А сейчас ему хотелось остаться незамеченным.

Девушка спала прямо голой скамье, завернувшись в свою

полупрозрачную юбку. Огромный ящер застыл, внимательно разглядывая ее. Надо же было разобраться, что она такое, эта его невеста.

Во сне ее лицо казалось очень юным. Тонкая кожа, смуглая, какая-то золотистая, чуть подрагивающие кружевные ресницы. Отливавшие темным золотом волосы рассыпались по скамье. Волосы он заметил сразу. И необычные глаза. Но глаза сейчас были закрыты.

Сквозь ткань угадывались контуры тела. Он невольно скользнул по ним взглядом. А девушка, словно почувствовала, шевельнула узкой стопой, что-то звякнуло, и Зэйн увидел сковывавшую щиколотки цепочку. Девственница.

Этого оказалось достаточно, чтобы ощутить непонятное желание защищать и заботиться. А еще пришло внезапное понимание, что ничего не будет просто и почему-то стало невыносимо тревожно. Но стоило вспомнить, что ее придется отдать отцу, в груди родился протест.

Осознав какое направление приняли его мысли, Зэйн немедленно ушел.

Хотелось избавиться от внезапно нахлынувших мыслей и впечатлений, и Зэйн затряс головой, как собака отряхивает воду. Уже не ящер, человек.

Он обернулся еще там, когда разглядывал девушку. Сам не заметил. И это был нехороший симптом. Еще не знал, почему, но почему-то знал. Надо было отвлечься, может быть, погонять тех семерых парней, особенно того наглого мальчишку, ее молочного брата, но...

Свита! Зэйн презрительно хмыкнул и закатил глаза, снова оборачиваясь ящером.

С тех пор как он четырнадцати лет отроду лет вошел в Лабиринт, прошла целая жизнь. Двадцать лет и два года. Из неуправляемого подростка с взбесившимися гормонами он превратился в зрелого мужчину. И этому мужчине требовались не только и не столько еда и развлечения, сколько пища для ума. Не говоря о том, что и для души хотелось хоть чего-то.

Повзрослел и его зверь. Чтобы не лезть на стену от скуки и безысходности, зверю нужна была охота. Однако ни кровь, ни смерть Зэйна не привлекали в принципе. Когда был юнцом, убивал по неосторожности, не справляясь с инстинктами, но каждый раз вслед за этим наступало отрезвление и разочарование. И потому, научившись владеть собой, Зэйн перестал ломать свои игрушки. Они жили в его доме годами.

Охота? Зэйну вполне достаточно было игры, чтобы разогнать кровь. Как сегодня. То же самое и с женщинами, которых каждую неделю присылал отец. Женщины его бесили, потому что чувствовалось во всем этом что-то крайне ущербное. Но Зэйн был мужчиной, а физиологию никто не отменял. Все они боялись его хуже смерти, до одури, до соплей. И все тут же отправлялись с глаз долой.

Благо в его бесконечном Лабиринте было множество закутков, где можно прятаться хоть всю жизнь. А также там были огромные хранилища еды, ибо чудовищу ее требовалось много. Хранилища регулярно пополняли через специальные приспособлениявверху, а что с этой едой дальше происходит, никого не волновало.

И ничего из этого не знал его отец. Зэйн научился хранить свои тайны.

Все, что попадало к нему подземный Лабиринт, уже не имело пути назад. Оно считалось мертвым, и таковым должно было оставаться. В противном случае Гелсарт нашел бы другие способы давить на него и получать от этого извращенное удовольствие.

Но сейчас он подсунул ему эту девочку. И...

Зэйн просто не знал что с ней делать.

Зато он знал, что сделает отец, и к утру пошел встречать его в верхнюю гостиную. Зэйн не видел, когда наступал рассвет, но зверь мог чувствовать его наступление. Действительно, с рассветом из заговоренного серебра отворилась.

Услышав на лестнице шаги Гелсарта. Зэйн откинул голову и беззвучно рассмеялся.

- Не спится, отец?

- Пришел проверить как у тебя дела, сынок, - проговорил тот, пряча нетерпеливый блеск в глазах. - Ну как?

- Что как? - невинно переспросил Зэйн, делая вид, что не понимает.

- Ну, как прошло? - повторил тот, устраиваясь в кресле.

- Охота? - продолжал прикидываться Зэйн. - Охота прошла прекрасно.

- Я спрашиваю, - четко и отдельно произнес Гелсарт, которому надоели эти змеиные танцы вокруг да около. - Ты переспал с девушкой?

- Нет, - ответил Зэйн. - Я сделаю это когда сочту нужным. Есть возражения?

- Нет, - процедил отец.

- Вот и отлично. Кстати, скажи, с какой такой радости ты нацепил МОЕЙ невесте свои обручальные браслеты?

Гелсарт захохотал. Потом проговорил:

- Надеюсь, ты помнишь уговор? Как только забеременеет, она возвращается ко мне. А что будет дальше, не твое дело.

В этот момент Зэйн с трудом сдержал себя, чтобы не придушить Гелсарта. Бессмысленная попытка, навредить ему он не мог - заклятье. Гелсарт знал, и этим пользовался.

- Что, как и когда я буду делать со своей невестой, не твое дело, - сказал Зэйн, пряча приступ бешенства за елейной улыбкой.

- Как знаешь, сынок, - прошипел Гелсарт. - Но помни, ты поклялся.

- Я помню, - ответил Зэйн. - А тебе пора.

Гелсарт ушел, а его долго трясло от дикой злости и возмущения. Потом резко встал и ушел из гостиной.

Солнца тут не было, да и вообще, ничего привычного не было, непривычка просыпаться рано никуда не девалась. Гесте частенько приходилось ночевать и на земле, и на голом полу. Поэтому ночь, проведенная на скамейке, тоже не была чем-то ужасным. Не желая упускать последние мгновения ускользящего сна, девушка потянулась и поерзала. Туфелька без задника зацепилась за юбку, соскользнула с ноги и со стуком упала на пол. Геста проснулась окончательно.

Открыла глаза и тут же подскочила.

Прямо против нее стоял гигантский ящер.

- Ой, - пискнула девушка, смутившись, и невольно покраснела,

Потому что ящер уставился на нее немигающим взглядом, как будто впервые увидел. Она села ровнее, спустила ноги на пол, нашаривая туфельку, и проговорила:

- Доброе утро. Извините, что я так... - и замялась, пожимая плечами.

Он продолжал смотреть, а Геста все больше краснела. Наконец ящер соизволил ответить:

- Пойдем. Я провожу тебя туда, где ты будешь жить.

Голос у чудовища был негромкий и какой-то свистящий. Геста вдруг подумала, интересно, а у него раздвоенный язык? И мысленно одернула себя, понимая, что это нескромно, да и вообще, не ее дело, может, она с точки зрения чудовища тоже не идеальна.

Но тут в голове всплыло главное, о чем она должна была спросить в первую очередь:

- А где моя свита? Что с ними? Они живы? - выпалила единым духом.

- Живы, - ответил ящер после короткого молчания.

- А я могу жить вместе с ними?

- Нет, - категорично отрезал ящер, а физиономия его сделалась каменной.

- Ну ладно... - пробормотала девушка, удивляясь, какое у него, оказывается, бывает выразительное «лицо».

Главное, что ребята живы, а она потом найдет способ их увидеть. Туфелька наконец нашлась, она обула поплотнее свои фривольные шлепанцы и встала.

- Следуй за мной, - проговорил ящер собираясь повернуться к ней спиной.

- Ой, подождите! - воскликнула Геста.

- Что еще?

- Вы не могли бы помочь мне снять эти кандалы? - она приподняла юбку и показала показала на ножные браслеты, соединенные толстой золотой цепочкой. - А то тяжело и ужасно неудобно.

Что?!

Он резко дернулся и завис.

Интересно, она хоть понимает что сейчас сказала? Зэйн невольно сглотнул, ощущая как прокатывается по его телу горячая волна. Символ девственности снимется только после того, как он заберет ее девственность! Только после того как...

А она смотрела не него своими невероятными глазами так невинно и явно не подозревала, что выпрашивает секс.

Или подозревала?

Зэйн растерялся и почему-то разозлился. Всего пять минут разговора, а эта девчонка уже дважды умудрилась вывести его на эмоции. Но ведь она издали, подумалось ему, там другие обычаи, могла действительно не знать.

Шумно выдохнул и повторил:

- Я посмотрю, что можно сделать. А сейчас следуй за мной.

Осознавая, что несет бред, Зэйн пошел прочь, а девушка за ним. Каблучки зацокали по каменным плитам пола, зазвенела цепочка. Он понял, что идет слишком быстро, сбавил темп, специально принаравливаясь к ее шагу, и стал прислушиваться.

Конечно, он мог эту цепочку просто перекусить зубами. Но. НО!

Это было бы слишком интимно, а Зэйн не хотел пока что настолько к ней приближаться. Он хотел сначала как следует рассмотреть девушку.

Понять. Что же с ней не так, и почему она в упор его не боится.

Это было неправильно. И в этом следовало разобраться.

И потому сейчас он улавливал все: тихое позвякивание цепочки, от которого почему-то подрагивало что-то внутри, шуршание юбки, дыхание, запах. А когда они проходили в проеме между залами, он случайно заметил, как синий магический свет подсвечивает ее юбку, делая почти прозрачной, и чуть не сбился с шага.

Пришлось стиснуть челюсти, чтобы не ругнуться.

Теперь он думал, что ее надо переодеть, и с этим символом девственности придется что-то делать. Но что? В конце концов, не зубами же его рвать?

По счастью они наконец пришли.

Девушка удивленно ойкнула, увидев просторную и довольно уютную спальню. Зэйн застыл ловя ее реакцию. Жилище для нее он подготовил еще ночью. перенес ее вещи, доставленные вчера по приказу Гелсарта. Видя, что она молчит, Зэйн потоптался немного и сказал:

- Здесь будешь жить.

А когда он уже собрался уходить, она вдруг сказала:

- Если моей свите нельзя жить здесь со мной, можно хотя бы мне навещать их? Или...

- Нет! - рявкнул Зэйн. - Увижу кого-то рядом с тобой, ему не жить!

Девушка съежилась, а он ушел, ощущая себя разъяренным чудовищем и почти дебиллом.

глава 15

Ушел. Геста выдохнула. Нехорошо вышло, но ей же надо было узнать, что с Ти и ребятами. Ти, наверное, волнуется. Представила и зажмурилась. На его месте она уж точно бы волновалась.

Потом взгляд ее застыл, девушка отвела глаза куда-то в угол, шевельнув бровями, и подумала про себя, что Лесарт, похоже, был неправ. И ей предстоит роль не жены, а пленницы. Но уж, что Бог дал.

В конце концов, все не так страшно. Чудовище...

Уфффф... кажется, она его здорово рассердила.

Однако надо было перестать заниматься самоедством и для начала найти хоть какие-нибудь «кустики», чтобы э... Осмотрев просторное помещение, что ей отвели для проживания, Геста была приятно удивлена. Оказывается, здесь имелось все необходимое. Даже возможность помыться - углубление, нечто вроде каменной ванны с отверстием в полу, куда постоянно стекала чуть теплая проточная вода.

Помыться и переодеться было здорово. Геста сначала обрадовалась, а потом нахмурилась, слишком уж человеческий вид был у этого всего. И ванна, которой явно пользовались, размером не под ящера. Получается, здесь кто-то жил до нее? Но кто?

Вспомнился разговор в командиром отряда воинов, сопровождавшим ее сюда. На вопрос, есть ли у господина другие жены, тот ответил тогда однозначно:

- Нет, госпожа. Других жен нет.

Но это не означало, что нет других женщин. Неприятное чувство.

Геста стала осматриваться, пытаясь обнаружить здесь следы пребывания здесь других женщин. Сама не знала, что, но женщины всегда оставляют после себя что-то, расческу, шарф, может быть, безделушку. Однако ничего такого ей на глаза не попадалось. В конце концов, прекратила поиски, сердито пожав плечами. Ну найдет она, и что это изменит? Выбора у нее все равно нет.

- Никто не знает, что сулит ему завтрашний день. Выбор, единственное, что всегда остается за нами, - неожиданно прозвучали в голове слова Лесарта.

Как будто в памяти вспыхнул свет. от этого стало легче. И вдруг осознала, неужели это только что было чувство собственности и...

ревность? Представила себе каменную рожу огромного ящера и хихикнула, закрывая рот ладонью. Богатым надо обладать воображением, чтобы ревновать такое чудовище.

Успокоившись окончательно, Геста сначала быстро помылась, а потом полезла в сундук со своими вещами. И первое, что увидела, открыв крышку, был оставшийся ей от матери браслет. Он лежал поверх аккуратно сложенных тонких рубашек. Радость нахлынула, выступили слезы. Взяла его в ладони, а он светится.

Сначала думала что показалось, но старинные руны действительно сияли теплым золотистым светом, а мелкие бирюзовые бусины - ярко голубым. Это было настоящее чудо. Геста замерла, держа браслет в ладонях, а потом уткнулась в него лицом. Она никогда не знала своей матери, ведь Ива умерла родами, но сейчас ее будто коснулась теплая рука. И от этого хорошо. Совсем как в ее сне.

Потом глянула на свои запястья и досадливо поморщилась. Там красовались эти баснословно дорогие и совершенно неуместные браслеты, что ей надел Гелсарт. Вспомнила, как он поглаживал ее запястья, и это странное обещание в его взгляде, и аж передернулась.

Браслеты выглядели литыми, но Геста промнила, что тот нажимал ккуда-то сбоку и стала нащупывать пальцами зщастежку. Ничего не обнаружила и расстроилась, Но это лёадно, браслеты, конечно, раздражали, напоминая о Гелсарте, однако куда больше неудобств доставляла сковывавшая ноги цепочка. Это что же получалось, до тех пор, пока от нее не избавится, так и придется ходить без нижнего белья? Кошмар какой-то...

Она кое-как переделалась, пристроила на левую руку материн браслет с золотистыми рунами. Улыбнулась, он мягко светился - уже хорошо. Захотелось есть. Обнаружилась и еда. В углу стояла корзинка, накрытая небольшой белой скатеркой. В ней был хлеб, большие желтые груши. кусок сыра, нож.

Совсе не плохо!

Но кто-то же принес сюда еду и ее вещи. Не сам же ящер в зубах? И тут у Гесты мелькнула мысль, если кто-то приносит сюда еду, наверное, тут есть слуги? Что если попытаться их найти? Он же не запрещал ей передвигаться по этому Лабиринту...

Девушка спустилась вниз по широкой лестнице, осторожно осмотрелась и выбралась наружу.

Никуда он не ушел. Скрывшись первым же за поворотом Зэйн

остановился, задрал голову к потолку, закрыл глаза и безмолвно заревел. Как это было глупо и раздражающе, просто до зубовного скрежета. И почему он так отреагировал? Зачем было пугать единственное существо, которое смотрело на него без страха? Отца он не брал в расчет, отец имел над ним власть, а если бы не это... Зэйн тяжело выдохнул.

На самом деле, он беспокоился. Конечно, в ту часть Лабиринта, где он жил, не забредали другие его игрушки. Они его панически боялись. Но Зэйн не обольщался на их счет, коварные человечки, для которых он был воплощением ужаса, не раз устраивали ему ловушки, пытаясь убить.

А Зэйну, запертому в Лабиринте, как в могиле, иногда хотелось, чтобы его убили, потому что тогда все закончится и он станет наконец свободным. Но чудовище убить нельзя. Вернее, есть только один способ, просто людям о том известно не было. И потому Зэйна веселила игра, это вносило разнообразие в его тоскливую жизнь.

Сейчас тут поселилась эта его невеста и, стоило только представить, что коварные мстителя могут ей как-то навредить, как Зэйну мгновенно стало нехорошо. Но отдать ее отцу? Нет, нет и нет. Пока он не понял, что она такое, об этом не может быть и речи!

Он поместил девушку в одной из своих многочисленных спален и решил не спускать с нее глаз. Но издали. Потому что моментами эта хрупкая девчушка внушала какое-то суеверное чувство.

Зэйн еще копался в своих мыслях, и вдруг услышал характерное позвякивание. Вышла на прогулку???

Его как ветром сдуло. А когда понял, что произошло... Прятался? Он?!

Это был верх идиотизма, но огромный ящер бесшумно крался за девушкой, и ему было любопытно.

А у владыки Гелсарта за завтраком было отвратительное настроение. Это заметили все, но никто не посмел даже виду подать. В таком настроении властитель был непредсказуем, упадет его взгляд на кого-то, и все. Смерть потом покажется счастливым искуплением.

Однако на сей раз Гелсарт был погружен в себя.

Мальчишка впервые заартачился. Вернее, он с самого начала артачился, а сегодня выказал открытое сопротивление его воле. Увы, в настоящий момент он не имел козырей, чтобы надавить на сына, и потому вынужден был терпеть. Но. Но! Этот сопляк еще не знает...

Гелсарт вдруг расхохотался.

Надо просто подождать.

глава 16

Всю эту страшную ночь Тигард просидел в какой-то нише, куда он юркнул в полубеспамятстве с бешено колотящимся сердцем и расширенными от дикого ужаса глазами. Потому что за ним гналось ЧУДОВИЩЕ.

Все, что он помнил, это полная огромных зубов пасть, клацнувшая у самой его головы. А потом этот жуткий щелестящий звук, который будет преследовать его в кошмарах всю оставшуюся жизнь. И мелькнувший гигантский хвост. Этого хватило, чтобы полностью парализовать его волю.

Много часов спустя, отойдя от ступора, парень не находил себе места, ведь он бросил там девушку одну. Что если и до нее добралось это чудовище? И все прислушивался, не раздастся ли ее крик. Но гулкая тишина стояла в проклятом Лабиринте. И страх. Тяжелый, густой, вязкий. Страх, словно грязь, полз по коже

На деле все оказалось в разы ужаснее, чем говорил ему наставник.

Однако бесконечно сидеть в той норе было нельзя, парень потихоньку выбрался искать остальных, может быть, кто-то выжил. Бродить пришлось долго, вздрагивая от каждого шороха. Хотелось есть и спать, но нервное возбуждение не давало сомкнуть глаза, казалось, только на секунду заснет, как тут же явится чудовище, чтобы его пожрать.

Наконец, спустя какое-то время, он не знал, сколько часов, лет или минут прошло с того момента, как он выбрался из того темного заутка, Тигард почувствовал запах дыма. Кто-то готовил еду. Он замер на месте, пораженный.

Кто-то готовил еду на костре. значит, там были люди.

От внезапной слабости подкосились колени, он рухнул, уткнувшись в пол лицом, шепча как безумный:

- Господи... Благодарю тебя, Господи!

Вскочил и пошел туда, откуда доносился запах. Все еще оглядываясь, но чем ближе подходил, тем лучше стал различать отблески очага на стенах и человеческую речь. Туда он и помчался. А когда влетел ошалевший от какой-то животной радости, что спасся, услышал:

- Опять вылез монстр проклятый!

- Чтоб он сдох! Когда мы уже его на мясо пустим!

Тигард ошалело оглядывался, не понимая, что они кричат и кому. Тут

было человек шесть. Четверо мужчин и две женщины, одна из женщин мешала какое-то варево в странном каменном очаге.

- Да, подождите вы, - прикрикнул мужчина. - Не видите, у парня душа заходится.

Потом повернулся к нему и спросил:

- Новенький? Откуда?

- И...из Б-белора, - смог выдавить Тигард сквозь стучащие от переизбытка эмоций зубы.

Мужчина нахмурился.

- Из Белора... А остальные?

Тигард только беспомощно развел руками и прошептал:

- Не знаю.

И вдруг его провало:

- Нас семеро было. И Геста, моя сестра... царевна...Да какая она царевна?! А они ее в невесту этому! - он аж взвился. - Чудовищу!!! А сейчас никого... И я не знаю, где они. Я потерял ее...

Парень трясся, глядя застывшим взглядом в одну точку и заново переживая весь тот ужас.

- Тэкла, налей ему погуще, - проговорил мужчина, обращаясь к той, что помешивала варево у очага.

- Так не проварилось еще...

- Налей, ему горячего надо прямо сейчас.

Женщина налила дымящуюся похлебку в широкую глиняную миску, вложила в нее вместо ложки маленький округлый глиняный ковшик и поставила на камень, служивший им столом.

- Иди, поешь, - велел мужчина. - И расскажи, что ты там нес про невесту?

Сначала, конечно, он набросился на еду, она изумительно пахла жизнью, но потом довольно связно рассказал все как было. Слушали его очень внимательно. Когда закончил, мужчины переглянулись.

- Невеста, говоришь? - протянул самый старший из них.

- А еще наставник рассказывал мне, - оглядев всех сказал Тигард.

Он теперь успокоился и окончательно пришел в себя.

- Есть способ убить чудовище.

Прошел целый день.

А потом еще один день. А потом еще.

И все это время Зэйн провел, подглядывая. Как бы он не называл это

про себя, разведка, наблюдение, подглядыванием оно и было. Просто, в его доме впервые ЖИЛА женщина. Не пряталась, а жила. И наблюдать за ней было безумно любопытно.

Он часто пытался угадать, что она предпримет. Как правило, она поступала ровно наоборот. А вчера вообще поразила его. Нашла где-то в углу засохший мох. Чуть не с визгом опустилась на колени и, наверное, полчаса над ним магичила.

Оказывается, его невеста маг. Светлый маг и целитель. Это было ошеломительное открытие.

Затаив дыхание, Зэйн смотрел, как с ее пальцев текло бело-золотое сияние, и вскоре чахлый сухой мох ожил, покрывшись странными голубоватыми цветами, отливавшими в магическом свете Лабиринта серебром. А потом она еще бегала поливала все углы вокруг. Развела сырость. Думает вырастить тут цветы?

Но она уже вырастила. Когда девушка ушла к себе спать, Зэйн еще долго смотрел на этот покрытый цветами мох и хмурил брови, силясь понять. Это был какой-то новый для него уровень, новый виток развития. Это требовало более близкого рассмотрения, что ли.

К тому же его замучила совесть, девчонка так и таскала на ногах ту тяжелую цепочку.

Три дня миновало. Ти она так и не нашла, сколько не бродила. Правда, Геста не решалась слишком далеко отходить, боялась потеряться.

Временами ей попадался на пути громадный ящер, как-то странно на нее смотрел. Они даже пару раз заговаривали.

А сегодня она придумала, как решить проблему с водой. Просто немного убралась в своей спальне. Честно говоря, искала что-то, чем можно было бы перекусить или раскрыть цепочку, отравляющую ей существование. И обнаружила в углу за драпировкой большую вазу из пестрого стекла. Похожая была у Фелисы в кабинете, царице нравилось, когда в нее ставили цветы. За неимением ведра - идеально.

Тащить вазу, чтобы вода не выливалась, было довольно тяжело. Стараясь ничего не расплескать, вывернула из-за угла. Подняла глаза...

Ваза выскользнула у нее из рук и разбилась, а Геста так и застыла с открытым ртом от неожиданности.

глава 17

В первый момент Геста застыла, не в силах издать ни звука. Из синеватой сумеречной тени к ней медленно и немного неуверенно приближался мужчина. Это было ошеломительно и внезапно, сердце тут же подскочило к горлу, а потом Геста и вовсе перестала его ощущать.

Незнакомец казался очень красивым. Высокий и мощный, но не громоздкий. Темноволосый и смуглый, неуловимо напомнивший ей великолепного вороного жеребца со степных равнин, такой же гордый и свободный. И эти его глаза, отливавшие золотом...

Девушка забыла дышать и не чувствовала, что юбка промокла, а вода стекает по голым ногам. А на периферии сознания колоколом билась какая-то мысль, но она ее не слышала. Однако на смену первой реакция постепенно стало приходить отрезвление.

Она невольно отметила и резковатые жесты, и странный, чуть косящий взгляд. Похоже, темноволосый незнакомец чувствовал себя не вполне уверенно. Мужчина нервно поправил волосы, одернул короткий кафтан из темной ткани и заложил руки в карманы. Снова странно взглянул на нее и, широко расставляя ноги, но как-то бочком, подошел ближе и замер в нескольких шагах.

Но стоило ему открыть рот, чтобы что-то сказать, до девушки наконец дошло. Мысль прорвалась диким страхом. Она вскинула руки и вскрикнула:

- Нет! Умоляю, не приближайтесь!

Мужчина резко нахмурился, потемнел лицом и отдернулся, будто она его ударила. Геста увидела, как мгновенно подобралось его тело.

- Почему? - спросил он наконец.

Голос был низкий и негромкий, и вызвал у Гесты странную реакцию, будто чем-то меховым провели по затылку. Однако ей нельзя было отвлекаться на собственные ощущения и эмоции. Стараясь говорить связно, она быстро пролепетала, невольно оглядываясь по сторонам:

- Потому что он убьет вас! Вам нужно уйти немедленно, пока он не вернулся!

Сейчас на лице мужчины было написано упрямство и непонимание.

- Кто он?

- Он! Мой...- Геста замаялась, не зная, как правильно объяснить, потому

что и сама толком не понимала свою роль во всем этом. - Мой муж. Чудовище!

И покраснела, потому что сквозь страх пробивалось непонятное чувство, весьма похожее на разочарование. Понимая, что не имеет на эти чувства никакого права, Геста подавила страх, взглянула мужчине в глаза и повторила:

- Вам нужно немедленно уйти. Иначе он придет и убьет вас.

Однако мужчина повел себя странно. Чуть склонив голову к плечу и с непонятым интересом ее разглядывая, он скрестил руки на груди и спокойно произнес:

- Не беспокойтесь. Я успею уйти раньше.

Ей показалось, он просто не понял всей опасности, потому что уходить явно не собирался. Так и хотелось сказать этому заносчивому типу:

- Дурак вы, батенька, ящер вас проглотит и даже не заметит!

Но это было бы невежливо. К тому же, это первый человек, которого она тут видела. Он мог знать что-то о тех, кого Геста надеялась найти. Поэтому, не переставая со страхом вслушиваться, не зашелестит ли знакомый звук, она все же решила спросить его:

- Но как вы сюда попали?

- Я? - мужчина шевельнул бровями, лицо приняло довольно странное выражение. - Я здесь живу.

Он оглядел стены и высокий, сводчатый потолок зала, и снова перевел на Гесту изучающий взгляд. Ей было ужасно тревожно, она каждую секунду ожидала, что сейчас явится чудовищный ящер и сожрет этого самоуверенного незнакомца. И совершенно не хотелось быть причиной чье-то гибели. К тому же незнакомец ей нравился. Было в нем что-то... Опять пришло в голову сравнение с вольным вороным конем, такое неуместное здесь, в подземном Лабиринте.

- А вы случайно не видели тут других людей?, - выдавила она, понимая, что обязана попытаться.

- Нет, - после короткого молчания ответил мужчина.

Снова разочарование. Геста упрямо качнула головой, не желая терять надежду. Но в глубине души девушке стало неловко, получалось, нарушая запрет, она в какой-то степени предает доверие чудовища. Пришлось взять себя в руки и повторить:

- Вам лучше уйти. Сейчас вернется мой муж.

Взгляд мужчины тоже изменился, он опустил руки и уже мягче произнес:

- Не бойтесь, я успею уйти раньше, чем появится чудовище.

- Вы просто не знаете какой он быстрый, - покачала головой Геста.

И вдруг осознала, что он смотрит на ее ноги. Вернее, на осколки вазы, валяющиеся у ее ног.

- Ой! - всплеснула руками Геста. - Какая же я неловкая!

Глянула на себя, закрывая рот ладонью. Стоит тут разглагольствует, а юбка мокрая. Позорище. Еще и вазу разбила. Черт, так жаль!

Ваза ей нравилась, да и перед чудовищем было неудобно, только появилась в его доме, а уже испортила нечто ценное. От огорчения даже как-то сам собой поутих страх, Геста проговорила, краснея от досады:

- Простите, мне надо срочно тут все убрать. А то осколки...

Она хотела собрать осколки, и вдруг услышала совсем рядом:

- Я могу помочь.

За три дня наблюдений он так и не пришел ни к какому-то выводу. По всему выходило, что девчонка блаженная. И все же, когда он пытался с ней заговаривать, отвечала она вполне разумно. Он не мог понять ее действий. Вероятно, в них была какая-то логика, но незнакомая ему. Не укладывавшаяся в то, что он знал о женщинах.

А уж чего-чего, а женщин у него перебыло много. Зэйн относился к ним как к второсортному товару, который появляется на свет уже испорченным. Ни одна из этих тварей, тянувшихся трясущимися от страха руками к его ширинке, не стоила того, чтобы потом о ней вспомнить.

Для его охоты специально отбирали только юношей, лучших из лучших. И да, иные из них заслуживали уважения, потому что готовы были бороться за свою жизнь. Воля к борьбе делала их равными. В жизни Зэйна мало что заслуживало уважения.

И вот она. Эта девочка с невозможно голубыми, словно светящимися изнутри глазами. Она смотрела без страха, как равная. Это не укладывалось в голове. Такая тоненькая, кажется, дунешь чуть сильнее, переломится, а при виде чудовищного зверя выпрямляла спинку и вскидывала подбородок. Говорила с ним вежливо и почтительно, но без угодливости.

Царевна...

Странная царевна, которой не нужны слуги, наряды и украшения.

Точно блаженная. думалось ему.

Однако, за каким-то чертом вцепился же в нее его папаша?! Словно клещ! Будь она просто дурочкой, вряд ли старый развращенный циник Гелсарт потерял бы из-за нее голову. Зэйн вообще не помнил, чтобы отец когда-либо проявлял подобный интерес к женщине.

Все это создавало в его голове невообразимый коктейль. Потому и появился перед ней в человеческом обличье. Увидеть ее вблизи, чтобы понять. Надо сказать, он немного волновался перед встречей, оделся тщательнее обычного и долго разглядывал себя в зеркале.

На сей раз девчонка куда-то тащила тяжелую вазу. Опять собралась сырость разводить? На ней сегодня было темно-зеленое шелковое платье, оно отливало синеватыми искрами в магическом свете и струилось вдоль тонкой фигурки, обрисовывая бедра. Красиво. Зэйн засмотрелся и сам не понял, как вышел ей навстречу.

Ее реакция привела мужчину в ступор.

Девушка уставилась на него, выронив вазу, но словно и не заметила этого. Ему даже показалось, в ее глазах мелькнуло что-то вроде восхищения.

Однако все это мгновенно пропало, остался только дикий страх.

Зэйн был потрясен.

Как?! Почему?! Неужели он так страшен? Он же видел себя в зеркале. Она же не боялась его, даже когда он был чудовищем! Это было обидно.

Но все разъяснилось. Эта блаженная боялась не его, она боялась за него.

А еще Зэйн понял, что она не догадывается, кто он! У него аж грудная клетка завибрировала от сдерживаемого веселья. Уговаривала его уйти, пока тут не появилось чудовище. Глупышка, он и есть чудовище!

В этом присутствовал некий элемент игры. И, раз уж она приняла его за одного из себе подобных, можно было оставить в ее этом забавном заблуждении и дальше. Общаться с ней на равных. Рассмотреть ее наконец поближе.

И тут она спросила:

- А вы случайно не видели тут других людей?

Опять эта ее раздражающее желание найти свою свиту! Нет, никого он тут не видел. А если бы увидел, вот тогда им точно не сдобровать.

Но девушка удивила его снова, когда повторила:

- Сейчас вернется мой муж. Вам лучше уйти.

Уходить Зэйн точно не собирался. Наоборот, приблизился еще, теперь их разделяло всего несколько шагов. Глядя на него, девушка переступила ногами, звякнула цепочка.

И с этого момента как будто все перевернулось. Зэйн не воспринимал, что она говорит, только ее шевелящиеся губы. А взгляд так и норовил прилипнуть к стройным ногам под мокрой юбкой. Потому что знал, под юбкой не было ничего, кроме той самой проклятой цепочки.

Предлагая помощь, Зэйн имел в виду, что готов помочь ей снять этот символ девственности. В конце концов, это просто обычай, а браслеты можно снять с помощью ключа.

Она и тут поняла все по-своему, и теперь они вдвоем собирали осколки.

Зэйн никогда в жизни не делал ничего подобного, магия рун заложенных в кладке стен Лабиринта убирала все сама. Зато теперь он мог рассмотреть ее вблизи. Это было интересно.

Пока она не порезала палец.

В первый момент думал, что прибьет ее. Потому что ему вдруг стало страшно. Страшно, что она истечет кровью и умрет. При одной только мысли, что с этой дурной девчонкой что-то случится, его прошибло холодным потом.

Но Зэйн сдержался. Просто отправил ее с глаз долой.

Так ведь уходить не хотела! Все бормотала, какая она неловкая, и надо осколки убрать, а то кто-нибудь наступит и порежется. Сказал, что уберет все сам, а ей велел уходить немедленно. Перевязать руку и больше сегодня никуда не высываться.

Ушла.

Теперь можно было потянуть магию из очистительной руны на стене. Зэйн смотрел, как исчезают с пола осколки вазы и лужа, и растерянно хмурился, потому что только сейчас до него дошло. Она беспокоилась, что чудовище порежет лапы? Маленькая идиотка...

Когда закончил все здесь, не удержался, пошел проверить, что эта блаженная делает.

Только успела переодеться в сухое и разложить платье сушиться стуле, как в комнату неожиданно появился ящер. Геста аж обомлела, увидев его на широкой лестнице. Приди чуть раньше, застал бы ее голой, подумала девушка, но постаралась скрыть смущение.

- Здравствуйте.

Он едва заметно кивнул и шумно выдохнул в ответ. И тут началось.

Врать Геста никогда не любила. Однако сейчас, когда он уставившись на нее своими немигающими глазами, спрашивал, что случилось и почему у нее рука перевязана, ей пришлось здорово выкручиваться, чтобы придумать причину, почему она порезалась.

- Разбила вазу? - прошипел ящер, бросив взгляд на мокрое платье. - С водой?

Гесте даже показалось, что у него ноздри шевелятся так, будто он принюхивается. И не успела она как следует испугаться, как он спросил:

- Тебя кто-то напугал?

- Э... э... - прокашлялась Геста, - Нет. Я... Я просто споткнулась. Простите, я такая неловкая.

- Вижу, - выдохнув со свистом воздух, прошипел ящер.

Ей вдруг стало страшно за того мужчину в Лабиринте. Чувствуя себя до крайности неловко, Геста отвела глаза. Чего доброго догадается...

Ящер еще какое-то время потоптался, как будто ждал чего-то. А потом, шелестя хвостом по ступеням, спустился вниз по широкой лестнице и исчез. И только после этого Геста смогла облегченно выдохнуть. Кажется, не догадался.

Она устроилась на кушетке сложив руки на коленях, и задумалась. Нехорошо, конечно. Вроде бы ящер ей муж, и она не должна его обманывать, но ведь она не делала ничего плохого. Этот человек, судя по всему, давно здесь живет и все ходы-выходы знает, он мог бы помочь ей найти Ти и ребят. Ей же обязательно надо их найти.

А то, что она не могла отвести от него глаз, не имело никакого значения, это просто от неожиданности. Ну и, конечно, сравнивать этого мужчину с вороным конем тоже было верхом неприличия. Но Геста выросла на конюшне, потому с ее точки зрения, красивее коней никого и не было.

Девушка шевельнула бровями и недовольно поморщилась, что за глупости в последнее время лезут ей в голову.

Не сказала. А ведь он давил, задавал наводящие вопросы.

Вроде бы сердиться надо, но Зэйн вдруг расплылся в широкой улыбке, она его не выдала, значит...?

Что означало это «значит» он не стал додумывать, а отправился насвистывая к себе. Обдумывать, как обставить завтрашнюю встречу.

глава 18

Пошел уже четвертый день, как они выехали из Белора. Дорога все вилась и вилась, и, казалось, ей не будет конца. Так же, как и ожиданию. Правда, были еще разговоры, помогавшие скрасить однообразие дороги.

А разговоры с наставником Лесартом были слишком ценны для царевича. Из них по крупицам выстраивалась истина. Но, к сожалению, крупиц пока что было ничтожно мало.

Позади остался родной дом, Солгар покидал его без сожалений. Его еще недавно крепкая семья являла собой развалины. Впрочем, теперь царевич понимал, что целым все выглядело только снаружи, изнутри же давно пошло трещинами. И все же странным и символичным было другое. Как-то так вышло, что краеугольным камнем всей их семьи оказалась Геста. Не стало этой девочки, которую никто в упор не замечал, и их дом развалился.

Сейчас Солгар покачивался в седле рядом с наставником Лесартом, они проезжали мимо полей, и царевич спросил:

- Как выходит, что всадники Гелсарта делают эту дорогу всего за три дня? А мы едем и едем, и все по землям Белора, и им, кажется, конца и края не будет.

- Ум? - вскинул бровь наставник и пожал плечами. - Гелсарт великий маг, он и прокладывает им путь.

Солгар отвел глаза, перебирая пальцами повод. Украдкой взглянул на сухой, суровый профиль Лесарта. Тот ведь тоже маг, но отчего-то не спешил прокладывать им путь, хотя вроде бы торопился. Солгар вообще очень многого не понимал в мотивах и действиях Лесарта. Какое-то время они ехали молча, потом царевич спросил о том, что его интересовало уже давно:

- Вы говорили, что Ива... Что мать Гесты была из древнего рода царей. Как вы узнали об этом?

Лесарт молчал с минуту, потом ответил:

- У нее не было причин скрывать это от меня, - и уставился на обочину.

Царевич невольно задумался, временами искоса взглядывая на Лесарта. Этот человек, которого все звали наставником, никогда не давал знания просто так. Обязательно должен был заставить ученика самого

находить скрытый смысл. Или выводил на эмоции.

Это было до мурашек по коже странно, потому что Лесарт всегда что-то не договаривал. Получалось, открывая одну дверь в мысленном лабиринте, он обнаруживал там новые лабиринты. Тайны цеплялись одна за другую.

Вот как сейчас. Не было причин скрывать от него...

- А от других скрывать свое происхождение у нее были причины? - спросил царевич по некотором размышлении.

От Лесарта ему достался быстрый одобрительный взгляд.

- Иногда, - наставник поднял вверх указательный палец левой руки и проговорил. - Правильно поставленный вопрос таит в себе ответ. Скажите, какая мысль возникла у вас, царевич?

- Ну, - поморщился Солгар. - Получается, она доверила свою тайну. Но от остальных скрыла, потому что у нее были на это причины?

- Верно, - вздохнул Лесарт.

А царевич почувствовал себя ущемленным, ибо в вздохе наставника читалось легкое разочарование, а ему больше ничего не приходило в голову. И словно эхом за его мыслями последовал вопрос наставника:

- А вам не приходило в голову, что Ива могла просто скрываться?

- Скрываться?

- Да, именно скрываться, чтобы ее не нашли. И как это лучше всего было сделать?

В голове у Солгара словно включился свет. Действительно, кто стал бы искать дочь великого царского рода, в пленной рабыне, вечно прятанной на конюшне? Но и это было еще не все. Лесарт явно знал намного больше, просто по виду наставника Солгар уже понял: на этот раз тема исчерпана. Тогда он решил сменить тему и как бы невзначай задал другой вопрос:

- Я слышал, что в роду Катх все были провидцами?

- Провидящими истину.

- И... Ивалион могла видеть будущее?

Лесарт молча кивнул.

- А Геста? Она тоже может видеть будущее?

- Не совсем так. Этот дар немного различается. Геста, насколько мне известно, не видит будущего, но она способна видеть истину. Истинную суть вещей, - проговорил Лесарт, а потом добавил почти беззвучно: - Или людей.

Царевич на мгновение замер, а потом неожиданно для себя выдал:

- А вы, наставник? Вы ведь тоже способны видеть...

Наставник глянул на него и хмыкнул:

- Но я не из рода Катх, если вы об этом, молодой человек.

Так и подмывало царевича спросить: а из какого рода? Потому что слишком уж непросто был таинственный наставник, и повадки у него были независимые и властные, почти что царские. Но тот опять уставился на обочину с замкнутым видом, означавшим, что разговор окончен. Солгар решил выждать.

Тем более что приближались они к какой-то харчевне, и разговор действительно пора было сворачивать.

Уже четвертая ночь пошла, как властитель Гелсарт не спускался к сыну. Считал, надо дать мальчишке время наделать ошибок. Старый опытный развратник Гелсарт сразу уловил интерес Зэйна. Неожиданным оказалось его упрямство. Но и тут время работало на него, Гелсарт знал, долго тот вдали от девушки не продержится.

Главное, следить, чтобы это животное не сотворило с ней что-то непотребное. Был риск, конечно... Но это придавало остроту.

Вот властитель и ждал, проявляя терпение. В конце концов, голод плоти легко утолить. Однако сейчас, глядя на наложницу, извивавшуюся перед ним в танце, думал совсем о другом. И видел перед глазами другое тело. Тонкое, золотистое.

Это Ее густые волосы касались пола, когда она выгибалась дугой, млея от страсти. Для него. Ее глаза светились для него влекущим взглядом. И руки, молодые, гибкие легко касались, снимая с его плеч затканый халат, обнажая горящую от желания кожу. Это ее грудки скользили по его груди, унося в вихрь сладостных...

Он сам не понял, как громко застонал.

Очнувшись, увидел перед собой на коленях наложницу и рассвирепел. Несчастная еле успела убраться. А властитель откинулся на кушетку, понимая, что его ведет как юнца от одних только мыслей. И это неправильно.

Он резко поднялся. Пора было удостоить своим посещением Лабиринт.

В верхней гостиной Зэйна было пусто. Очевидно, ящер охотился. Или...

Ревнивая мысль неприятно кольнула, по идее, он должен был быть

доволен, чем скорее тот переспит с девушкой, тем лучше. Однако на деле властителя грызла досада, что он вынужден отдать сыну то, чего желал сам, хотя бы и во временное пользование.

Однако последнее предсказание Оракула прямо говорило, что он должен отдать девушку. И слишком уже радужная картина рисовалась, чтобы он мог послать жреца с его предсказанием к черту. Поэтому выдохнув раздражение, Гелсарт решил проверить, как обстоят дела, лично.

Обычно он не спускался дальше верхней гостиной. Властителя не интересовало, чем именно занимается сын, когда рыскает в своем подземелье. А в самом Лабиринте Гелсарт не был с тех самых пор, как сам устанавливал для зверя смертельную магическую ловушку перед завершением строительства.

Потому, можно сказать, он отправился во владения сына впервые. Здесь было все так, как он помнил со дня своего последнего посещения. Магия рун в бесконечном подземном городе, полном невысказанных ходов и переходов работала безупречно. Это вызвало невольный трепет.

Сбросив странное ощущение, Гелсарт отправился искать девушку. Конечно, искать тут кого-то все равно что иголку в стоге сена, но он был магом, и теперь шел на тонкий магический шлейф от его браслетов, надетых на ее запястья. Проходя по одному из залов, Гелсарт внезапно ощутил следы магии. Знакомый привкус.

Это взволновало его и отбросило в далекое прошлое. Властитель пошел на след и пораженно уставился на чудом выросший в углу мох, покрытый голубыми цветами. Гелсарт поверить не мог. Неужели?! Не могло того быть. И все же...

Но додумать Гелсарт не успел, потому что перед ним внезапно словно из-под земли возник гигантский ящер. Зэйн.

А тот весь остаток дня провел в приподнятом настроении и ночью собирался прогуляться по Лабиринту, может быть, развлечься небольшой охотой. Разогнать кровь. Потому что его распирало от непонятной жажды действий. Вернее сказать, не терпелось, чтобы скорее наступило завтра.

Зэйн был далеко, когда ощутил вторжение. Поняв, куда именно направляется отец, он, не меняя обличья, вихрем помчался туда, срезая дорогу по Лабиринту. Нашел его, где и предполагал.

- Не спится, отец?

Тот ответил не сразу, какое-то еще время разглядывая цветущий мох.

- Решил посмотреть... - начал Гелсарт.

- Посмотрел? - спросил Зэйн. - А теперь уходи. Это моя территория.

Гелсарт никогда еще не видел сына вот так, в его владениях, где он

фактически был царь и бог. Зэйн сейчас был велик и страшен в его глазах. Впервые властитель испугался, но виду не подал, а саркастически рассмеялся.

- Ты негостеприимен, сынок. Хорошо, я уйду. А ты помни о своем обещании.

- Я помню, - проговорил Зэйн, глядя ему вслед.

А после понесся удостовериться, что с девушкой все в порядке.

Гелсарт же всю обратную дорогу был мрачен, понимая, что Зэйн стал силой, с которой он уже не мог не считаться.

глава 19

Ночью к ней в комнату приходил ящер. Геста видела его странно мерцающие, будто дышащие, глаза с вертикальным зрачком. Постоял на лестнице несколько минут и ушел. Она растерялась от неожиданности, а потом долго не могла уснуть. Думала.

Все-таки, интересно, зачем она ему? Ясно теперь, что есть он ее не будет. Как-то иначе пользоваться? Ей стало смешно, потому что это невозможно. Достаточно сопоставить их размеры. Играть? Хмммм. Во что?

Играть... В детстве они с Ти частенько играли с ящерками. Ящерки забавные, и так быстро бегают. Мысль о том, чтобы дергать за хвост гигантского монстра показалась Гесте настолько абсурдной, что она засмеялась, уткнувшись носом в подушку. Там такой хвост, ей даже кончик не поднять.

Снаружи послышался знакомый шелестящий звук, и девушка затаилась, испытывая неловкость, как будто чудовище могло слышать ее мысли. И повторила про себя:

- Зэйн. Чудовище.

Странно все так. Однако она не могла не отметить, что для своих громадных габаритов ящер двигается на удивление легко и даже грациозно. Вспомнилось первое впечатление о нем, он тогда показался ей совершенным и величественным. Конечно, его чудовищную физиономию трудно было назвать красивой, но в общем и целом...

Непонятно было одно, как такое чудовище могло произойти от обычного человека?

Ну, допустим, не совсем обычного. Властитель Гелсарт ей обычным не казался, по ощущениям девушка могла бы сравнить его с огромным змеем, страшным, жестоким и невероятно опасным. От одной мысли о нем мурашки побежали по коже, Геста передернулась от страха, невольно начав теревить браслеты, что он ей нацепил.

И тут мягким светом чуть ярче засветился браслет матери, и этот его свет каким-то образом принес успокоение. Девушка заснула. А во сне ей приснилось, что она каталась на гигантском ящере верхом. Хохотала и кричала:

- Но! Лошадка!

Когда он потом явился утром с корзинкой еды в зубах, Геста не могла

смотреть на него без смущения. Краснела, вспоминая, как во сне непочтительно погоняла его и лупила пятками.

Еду, кстати, ей приносил именно он, Геста была потрясена, впервые увидев, как ящер несет в зубах корзинку. По сравнению с его гигантской пастью ивовая плетенка казалась наперстком, чуть сильнее сожмет зубы и все. Но он деликатно держал ее за тонкую ручку, а потом поставил на пол и аккуратно подтолкнул вперед когтем.

Геста тогда еще поразились, как это у него слюни не капаяют. Она вообще с самого начала отметила, что дыхание ящера было чистым и горячим, а огромное, покрытое блестящей чешуей тело пахло как нагретые солнцем камни. Только где тут солнце, в этом погруженном в вечную ночь Лабиринте?

На сей раз в корзинке обнаружилась фляга. Она чуть не взвизгнула от радости. Теперь проблема с поливкой точно будет решена. Наскоро подкрепились, наполнила флягу проточной водой и выбралась вниз.

Честно говоря, чем ближе Геста подходила к тому месту, где рос ее мох, тем больше волновалась. Мысли в голову лезли совершенно разные. Придет ли ее вчерашний собеседник? Нет лучше пусть не приходит, потому что это опасно. Надо спросить его, где он живет. Но как спросить, если он не придет? Короче, раздрай полный.

Наверное, потому и прозевала все самое важное.

Девушка брела, терзаясь волнением и беспокойством. И так увлеклась, полностью уйдя в свои мысли, что буквально налетела на вчерашнего мужчину. Удар вышел сильным, Гесту отбросило бы в сторону, не успей он перехватить ее за руку.

Она только и смогла, что ойкнуть и уставиться на него, думая, что все вышло нелепо до крайности. И ведь понимала, что надо уже перестать так на него пялиться, потому что это неприлично, а ничего не могла с собой поделаться. Мужчина выглядел ошарашенным не меньше. Как будто сам не знал, как и зачем тут оказался, а Гесту так и вовсе в первый раз видел.

- Здравствуйте, - девушка отмерла и нашла в себе силы отодвинуться.

Мужчина несколько секунд морщил брови, потом прокашлялся и произнес:

- Привет.

Она опять что-то говорила, а Зэйн видел только шевелящиеся губы. И

думал, что его только что чуть не застигли врасплох. Он слонялся тут с самого утра, ее поджидал, знал же, что обязательно придет поливать свои цветочки. Но девушка почему-то все не шла, а он и не заметил, как обернулся ящером, и уселся, прикрыв глаза. И только в последний момент, когда она на него чуть не налетела, успел обернуться.

А сейчас от идиотизма ситуации сердце колотилось как бешеное. Наконец понял, что она что-то повторяет уже, наверное, в третий раз.

- ...Тоже тут близко живете?

- Я? Да.

- А. - Девушка шевельнула бровями и отвела глаза

Она пошла вперед, Зэйн немного выдохнул и пошел рядом. Откровенно говоря, он уже перестал понимать, зачем все это затевает, но игра затянула, и теперь обратного хода не было.

- Меня зовут Геста, - вдруг проговорила она.

- Я З... - чуть не выпалил свое имя. Но вовремя опомнился. - Меня зовут Яз.

- Красивое имя, - сказала девушка, взглянув на него из-под ресниц.

А потом они болтали о всякой ерунде, вернее, болтала она, а Зэйн иногда осторожно вставлял реплики. За это время девушка успела полить мох, а он узнал, что она провела всю жизнь на конюшне и больше всего любит лошадей. Зэйн ничего не имел против лошадей, просто удивился. Однако, когда его невеста стала вспоминать какого-то белогривого красавца, принадлежавшего некоему царевичу Солгару, почему-то основательно разозлился.

Как ни странно, злость принесла ясность мышления и помогла вернуться к тому, с чего он и собирался начать сегодняшнее общение.

- Я могу помочь снять э... эту цепочку, - проговорил Зэйн, показывая на ее ноги.

- Да? - девушка даже растерялась.

И вдруг заозиралась по сторонам. Зэйн нахмурился, не понимая причин ее внезапной тревоги, вроде только что щебетала и вертела головой, как птичка. У него когда-то давно жила птичка в клетке. Птичка ему нравилась, но она быстро сдохла. Ассоциация Зэйну не понравилась.

- А чудовище, в смысле, мой муж не рассердится?

Вот это был вопрос.

Зэйн даже завис слегка, не зная, что отвечать. Потом выдал:

- Мы ему не скажем.

- Что? - наморщила она лоб. - Так вы с ним знакомы?

- Э... нет, это было образное выражение, - прокашлялся он.

- Тогда... - девушка озиралась по сторонам, явно испытывая сомнения.
А потом сказала, показывая обручальные браслеты на своих запястьях:
- Может вы и это можете мне снять?

Прямо как будто мысли его прочитала. Конечно мог, он этого и хотел!

- Тогда придется идти ко мне, потому что все это надо хорошенько спрятать, - озабоченно проговорила девушка и спросила, заглядывая ему в глаза: - А это для вас точно не опасно?

Боже милосердный... Она опять за него переживала?! Зэйн криво усмехнулся:

- Не беспокойтесь, ваше злое чудовище ничего мне не сделает.

- Он не злой, - ответила девушка, неожиданно мягко улыбнувшись, - Он просто...

И пожала плечами.

Мужчина Зэйн не знал, что ему чувствовать.

В его бывшую спальню, ставшую теперь комнатой этого странного существа, его невесты, от которой, казалось, исходил невидимый свет и аромат душевной невинности, Зэйн шел молча. Девушка, сосредоточенно сведя бровки, шла рядом. Она все время тревожно оглядывалась, так и хотелось сказать ей:

- Не бойся, черт побери, я же с тобой!

Но она не за себя, она за него боялась. А чудовище не злой. Он не злой...

Господи, Боже.

Все это трудно было зараз сварить в голове.

В жилище Зэйна часто бывали женщины. Много разных, приходили и исчезали, сменяясь. Но никогда еще он сам не входил в жилище женщины. Впечатление оказалось настолько новым и волнительным, что у него свело горло.

- Хотите, у меня тут фрукты? - спросила девушка.

Фрукты? Нет, он хотел...

- Давайте я помогу вам избавиться от этих оков, - проговорил он, запрещая себе идиотские мысли.

- Да. А как? Может, мне сесть?

- Да, - проговорил Зэйн, показывая на кушетку.

Он старался держаться невозмутимо, а на самом деле едва владел голосом. Девушка уселась где он сказал, и тоже явно смутилась и покраснела. Наверное, это было слишком интимно для нее. А для него?!

Черт бы его побрал! Это было слишком интимно для него!

Мужчина опустился на корточки у ее ног и чуть приподнял юбку. Главное никуда не смотреть и ничего не чувствовать. Главное не чувствовать, пока руки нащупывают ключом крохотную замочную скважину. Не смотреть и делать все быстро.

Вскоре один ножной браслет щелкнул, а за ним следом и другой.

- Спасибо, - тихонько пробормотала девушка.

- Дайте руки буркнул Зэйн, - стараясь не смотреть на нее.

Она робко протянула запястья, на которых хищно посверкивали проклятые отцовские браслеты. Однако эти браслеты не отпирались ключом, они держались магией. Вспыхнувшая ярость на Гелсарта заставила его зло выдохнуть.

- Она принадлежит мне, не тебе. Ты не имеешь на ее права! - мысленно произнес он, обращаясь к отцу и сжал внутреннюю сторону браслетов.

Он и сам не ожидал, но браслеты раскрылись сразу. И со звоном упали на пол.

- Ой! - пискнула девушка, потирая запястья. - Спасибо!

Потом смущенно завозилась, и пробормотала, протягивая к нему тонкую как веточка ручку:

- Не знаю, как вас благодарить!

А Зэйн просто кивнул и стремительно вышел. И еле смог добежать до угла, на ходу обращаясь огромным ящером. Слишком много впечатлений. Ощущений, мыслей. Слишком интимно! Слишком!

Немного придя в себя, мужчина понял, что его переполняют странные чувства, которых он прежде не знал.

глава 20

Подземный Лабиринт, выстроенный специально, чтобы держать в своих стенах чудовище, был поистине огромен. Бесконечная череда перетекающих друг в друга залов и переходов, ответвления, тупики. Все это в разных уровнях, соединявшихся между собой широкими лестницами под размер чудовища. Однако было здесь и множество мелких ниш, камер, нор.

По-хорошему, Лабиринт напоминал гигантскую сеть карстовых пещер, но только рукотворную. Стены его были укреплены магией, иначе даже они не смогли сдержать могучего зверя, вздумай он вырваться на свободу. Магия ограничивала перемещения чудовища, а отнюдь не каменные стены.

Руны, заложенные в кладку при строительстве, несли разнообразную нагрузку. Были очистительные, убиравшие любой мусор и очищавшие воздух, руны для освещения, заливавшие все синеватым магическим светом, но были и охранные, заграждающие. Они стояли вдоль периметра, который чудовище не могло пересечь.

Однако, заграждающие руны не были рассчитаны на людей. Люди с легкостью могли пересекать этот магический барьер там, где стены Лабиринта переходили в грунт. Именно там и находилось поселение людей, живущих в Лабиринте.

Изначально было просто несколько плохо заделанных технологических проходов в кладке уже за пределами охранных рун, иными словами халтура строителей, как мрачно шутили по этому поводу старожилы людского поселения, а потом это все превратилось в еще один пещерный городок. Тут не было такой чистоты, как в самом Лабиринте, но были водоносные слои, встречался древесный уголь.

Поселенцам даже однажды повезло наткнуться на золотоносную жилу. У них, конечно, был шок. Заперты под землей, под боком бродит злобное чудовище, зато озолотились. Еще тут были хранилища. А в хранилищах чудовища всегда полно еды, правда, за ней надо было делать охотничьи рейды, выбирая моменты, когда ящер, наводивший ужас на всех, был далеко.

В принципе, тут можно было жить, и население этой части Лабиринта в настоящий насчитывало чуть больше трехсот человек. Но отсутствие солнечного света и жизнь в постоянном страхе делали свое дело. Болезни,

высокая смертность. Не удивительно, что каждый их этих людей жил мечтой уничтожить чудовище и вырваться когда-нибудь на свободу.

Именно сюда и попал Тигард, а следом за ним по одному добрались остальные парни из Белора. И сразу же, когда его на адреналиновой встряске все еще выкручивало от возбуждения, выступил перед советом поселенцев и выложил свой секрет.

- Я... Мне... - проговорил парень, здорово волнуясь. - Известно, как убить чудовище. Мне рассказали.

- Кто? - спросил вожак.

Грузный и костистый мужчина, которого жизнь в подземелье сделала мертвенно бледным. Однако мощи он не потерял.

- Это не важно, - отмахнулся Тигард, чтобы смягчить ответ, добавил: - Теперь уже не важно.

- Напрасно ты так думаешь, но дело твое, можешь оставить его имя в тайне.

Тигарда поразило, что все остальные слушали молча. Под их пристальными взглядами хотелось поежиться, тем более что его все еще трясло от возбуждения.

- Я знаю, - начал Тигард. - Что в сердце Лабиринта, в центральной его части, есть смертельная магическая ловушка. Надо только загнать туда чудовище.

На его слова отреагировали странно, точнее, никак. Опять молчание. Вожак потер лоб и сказал:

- Ты думаешь, мы об этом не знаем? Я сам своими глазами видел эту проклятую ловушку. А ящер отирался рядом с ней. И ничего.

- Как это ничего? - Тигард по-детски обиженно развел руками, он просто не мог поверить.

- А вот так.

- Но он же просто животное! Загнать его! Если мы все соберемся, мы сможем! Я слышал...

- Он не просто животное, - проговорила одна из присутствующих на совете женщин. - Он еще и мужчина. Человек.

- Мужчина... - потрясенно пробормотал Тигард. - То есть, этот кошмарный ящер обладает разумом и способен менять обличье?

Ясно теперь стало, зачем ему была невеста. Тигард с отвращением представил, что чудовище своими лапами будет касаться Гесты, и его чуть не вывернуло. Но хуже всего, теперь он даже не знал, как спасти девушку.

Зато новость о невесте чудовища с большим интересом восприняли другие.

Ночью Зэйн ходил туда, где ему лучше всего думалось. У этого места была особая магия, он ее чувствовал, как сжатую пружину или взведенный механизм. Здесь была ожидающий своего часа магическая ловушка. Его отложенная, законсервированная смерть.

Отец скрыл этот инструмент сдерживания в сердце Лабиринта и считал, что Зэйн никогда о нем не узнает, а Зэйн считал, что отцу незачем знать, что он знает. Это был их маленький общий секрет. По первости, когда только обнаружил, юношеский кураж заставлял Зэйна пытаться активировать ее. У подростков бывают суицидальные наклонности, тем более с такой, как у него, неустойчивой раздвоенной психикой.

Однако тогда это ему не удалось. С тех пор он привык к существованию ловушки и приходил сюда, когда нужно было что-то обдумать. В этом было что-то философское, примерно так же человек ищет уединения на кладбище среди могил, чтобы разобраться с самим собой.

Вот и теперь огромный ящер в задумчивости стоял против покоившегося на возвышении каменного ларца и пытался привести в порядок мысли.

Конечно же все вертелось вокруг нее, его невесты.

Много новых противоречивых впечатлений.

Он хотел изучить ее и подобрался на максимально близкое расстояние. И теперь, получив дикий заряд эмоций, не знал, что с этим делать.

- Хотел ближе?! Куда уж ближе! - чертыхался Зэйн, на все лады обзывая себя идиотом. - Ближе некуда!

Мужчина лгал себе. Просто в его жизни все опять перевернулось с ног на голову. Когда узнал, что отец решил навязать ему какую-то непонятную невесту, сделать из него примитивного осеменителя, был готов разорваться от злости и унижения. Ярый протест вызывала мысль, что ему придется к ней приблизиться.

Теперь же наоборот, он испытывал необъяснимое желание приблизиться.

И это тоже вызывало протест.

Все началось с того, что ему вздумалось облегчать ей жизнь!

Какого черта! Пусть бы и таскала эту проклятую цепочку, символ своей девственности! Ему-то что. Ходила же, вот и ходила бы дальше. Незачем было приближаться, смотреть в ее глаза, вдыхать запах волос, чувствовать под пальцами тонкую золотистую кожу.

А теперь ощущения не желали уходить из сознания, вызывая волны

огненных искр где-то под ребрами и трепет на коже.

Глупо и бессмысленно.

Зэйн глухо рычал про себя, понимая, что все началось гораздо раньше. С того самого момента, когда он впервые ее увидел. Эти светящиеся глаза, в которых не было страха, одно какое-то восторженное детское любопытство. Еще тогда задело его, засело занозой.

Да она и была ребенком, эта его блаженная невеста. Сказать ему, что он не злой...

Спросила бы у тех, кого он растерзал в приступах животной ярости, когда был зверем. У женщин, которых пользовал и выбрасывал, как грязь, как объедки. Бессмысленно было сожалеть об этом. Да он и не сожалел, потому что нельзя исправить прошлое. Зэйн испытывал досаду. Это угнетало и раскалывало его, заставляя желать влезть ей в голову, разобраться, почему она видит его таким, эта девочка с чистыми светящимися глазами.

Он хотел понять, осмыслить, дойти разумом до ответов. А вместо ответов получил жар и необъяснимое болезненное томление, словно укололся грудью об острый шип, и теперь это место саднило.

Надо дистанцироваться, дать себе передышку и пространство.

Решение не приближаться к девушке созрело так же внезапно, как и осознание, что она на него слишком непредсказуемо действует.

Пространства! Чего-чего, а уж этого в Лабиринте было много, можно хоть месяцами бродить. Но ему почему-то стало тесно, а все дороги, куда бы он ни направлялся, вели в одно место. К ней.

На следующий день незнакомец не появился.

Сначала Геста огорчилась, а потом сказала себе, что у него наверное, дела. Побродила внизу, убеждая себя, что вовсе его не ждет и не ищет. Можно было зайти немного дальше, но девушка побоялась, вдруг не найдет дорогу назад. И, если честно, не хотелось сердить лишний раз чудовище.

Ящер приходил утром, приносил еду. Но выглядел каким-то замкнутым и избегал сталкиваться с ней взглядом. Геста уже научилась читать по его физиономии, каменное выражение, сжатые челюсти, как будто он обижен. Ей даже почудились в его свистящем голосе рычащие ноты.

А сама она чувствовала себя неловко, вроде как нарушила запрет, и тоже старалась лишний раз не смотреть в его сторону. В общем, утреннее общение с чудовищем оставило у нее тяжелый осадок, а то, что незнакомец

(Яз, как она называла его про себя) так и не появился, было еще более огорчительно.

Придя в свою комнату, Геста уселась на кушетку, сложив руки на коленях, и уставилась в угол. Как глупо все вышло, не успела даже толком поблагодарить того мужчину. Но, во всяком случае, теперь хоть ходить нормально можно, и руки ничего не сковывает. Избавившись от дорогих и пугающих статусных украшений, Геста словно почувствовала себя свободнее.

Грустно, конечно...

Странная из нее вышла невеста, подумалось Гесте. А потом она пожала плечами, усмехнувшись про себя, и тихонько запела венчальную песню. Эту песню иногда певала ее приемная мать Селла, посматривая на старину Кима, и глаза ее при этом таинственно блестели.

Сейчас войду я в дом, где ты живёшь,

И где меня давно ты ждёшь,

И где со мною проведёшь ты ночь...

И мы, друг другу в верности клянясь,

Расположимся у огня,

А после сын родится у меня

или дочь...

(из песни Валентины Толкуновой)

глава 21

Бродить целый день вокруг, не попадаясь на глаза и не приближаясь, было сложно. Потому что Зэйна и человеком, и зверем притягивало к девушке, словно какой-то странной магией. Но он поставил себе жесткий предел. Надо успокоиться, понять, что с ним происходит. Возможно, это именно магия, он же видел, девчонка магичила. Это может быть просто откат, такая его реакция на постороннюю магию в стенах Лабиринта.

Успокоиться. Разобраться, а пока присматривать за ней со стороны. Она неловкая. Может опять порезаться или еще что-то по неосторожности с собой сотворить. Мало ли, что взбредет в голову этой блаженной. Вон, целое утро бродила, наверное, ноги натерла. Зэйн видел, как она возвращалась, неся в руках туфли.

При мысли, что этой глупышке больно, у него самого начинало ныть где-то в груди. Потому он и решил проверить. А приблизившись незаметно, услышал, как она тихонько пела.

Кинжалы и стрелы огненные. Вот что Зэйн почувствовал, уразумев, ЧТО она поет.

...А после сын родится у меня
или дочь...

Заткнул уши, зажмурился и умчался к чертовой матери в самое сердце Лабиринта. Туда, где он мог бесноваться и реветь сколько влезет, его никто не услышит.

Она не была, ни дурой, ни блаженной, она просто обыкновенная девушка, которой хочется счастья.

А он проклятый идиот.

... сын родится у меня или дочь...

Как он мог?! Запродать свое еще не родившееся дитя и ЕЕ Гелсарту?! ЕЕ?! Как?!

В какой момент Господь лишил его разума? Как, чем Гелсарт его развел, что он согласился?!

Потом он долго сидел, сжимая руками голову. Остывая и медленно

приходя в себя.

Свое решение он принял, Если за ошибки надо платить, он один за них заплатит, девушку это не коснется.

Теперь глаза можно было открыть. Глубоко вдохнуть, подавляя горечь, и усмехнуться. Что ни говори, заставляя себя держаться от нее вдалеке было тяжело, сняв с себя этот запрет, Зэйн испытал большое облегчение.

Время было уже позднее, им в этот день пришлось долго ехать, пока наконец добрались до постоянного двора, одиноко стоявшего в степи. Благо ночь выдалась хоть и облачная, но лунная. А от сплошной пелены подсвеченных луной облаков мягкий рассеянный свет, так что каждую травинку на обочине было видно.

Солгар уже согласен был даже заночевать в степи, но Лесарт упрямо двигался вперед. И потому он молча ехал рядом, взглядывая иногда на суровый профиль наставника и спрашивая себя, откуда такое чувство, что этот человек всегда все знает? К тому моменту, когда царевич морально дозрел до мысли, что ехать придется всю ночь, Лесарт вдруг прервал молчание и произнес:

- В четверти часа езды будет постоянный двор. Там и заночуем.

Царевич только шевельнул бровями, в создавшейся ситуации это можно было считать хорошей новостью. Поест горячего, заснуть в постели, это...

Горячего они поели. По большой миске густой бобовой похлебки с бараниной, щедро сдобренной какими-то специями, от которых у царевича чуть не случился пожар в глотке. И пресные лепешки.

А вот комната им досталась одна на двоих, да и то под самой крышей. В этот день на постоялом дворе было много народу. Вино и сыр они забрали с собой. И теперь Солгар сидел на своей постели, а Лесарт стоял у окна.

Уже долго стоял, не шевелясь и глядя в темноту, в руке глиняная кружка с вином. Солгар наблюдал за ним, пытаясь разгадать, что же этот загадочный человек видит и о чем молчит. И вдруг спросил о том, что не давало ему покоя уже несколько дней. Просто они на эту тему больше не заговаривали:

- Почему она именно вам доверила свою тайну?

Не требовалось уточнять, кого молодой человек имел в виду, Лесарт его прекрасно понял. У Солгара даже создало впечатление, что тот ждал этого. Высокий сухощавый мужчина повернулся к нему вполборота,

сделал глоток вина и произнес:

- Ответьте на один вопрос, царевич.

Моментами эта привычка наставника отвечать вопросом на вопрос ставила его в тупик и заставляла ощущать беспомощность.

- Да, конечно, - проговорил Солгар.

- Зачем вы едете со мной?

- Я? - переспросил царевич, внезапно растерявшись,

Ему казалось, это очевидно, однако, когда вопрос был задан вот так, в лоб, почему-то сложно было найти ответ. А наставник смотрел на него пронизывающим взглядом, и свет свечи подсвечивал огненными отблесками его прозрачные льдистые глаза. Царевич прокашлялся, поведя шеей, и проговорил:

- Я хочу спасти Гесту от чудовища. Хочу помочь ей.

- Но чем вы можете помочь ей теперь?

- Я не знаю, - смешался Солгар.

Словно снова окунулся его в тот момент на площади, когда девушку увозили, а он ощущал себя ничтожеством. Испытанное однажды, породило в душе протест, он вскинул голову и с жаром спросил:

- Но вы же тоже едете туда с той же целью?!

Наставник кивнул.

Прошел по комнате до стола, поставил глиняную кружку и тихо проговорил, глядя в стену:

- Спасти Гесту вы могли еще в Белоре.

Он бил безжалостно. А у Солгара ворочалось в душе тяжелое и неприятное чувство. Однако Лесарт заговорил снова, и слова его прозвучали неожиданно мягко, словно он залечивал им же самим нанесенные раны.

- Может быть, сейчас вам кажется, что вы были влюблены в нее, но это не так. В вас говорит человеческое чувство вины. Не любовь. Совесть. Произошедшее пошатнуло ваш мир, и вы едете со мной, чтобы обрести себя. Постичь свое предназначение.

Солгар, слушавший его, затаив дыхание, глубоко вздохнул. Наставник запросто выложил то, что он прятал от самого себя глубоко внутри. Однако, глядя на Лесарта, он понял сейчас одно.

- Скажите, - начал он неуверенно. - Ведь вы тоже...

- Да, - кивнул Лесарт. - Я пытаюсь обрести себя уже больше тридцати лет. А теперь, кажется, получил шанс приблизиться к цели. Вы спрашивали, почему Ивалион доверила мне свою тайну? Потому что я знал ее еще девочкой.

- Но как...? - у Солгара в голове не укладывалось.

Наставник усмехнулся:

- Придется, видимо, рассказать вам немного о своей жизни. Ну что ж, слушайте.

Лесарт повернул лицо к окну и стал рассказывать:

- Когда-то очень давно меня на охоте смертельно ранил и бросил умирать мой младший брат. У нас были разные матери, мою мать отец любил больше, но это к делу не относится. От своей матери мой брат унаследовал амбиции, темную магию и демонический огонь в крови. С таким огнем трудно терпеть соперников, понятно, что я ему мешал. - он пожал плечами. - Меня подобрал и оживил странствующий жрец Салимского Оракула.

Солгару показалось, что ветер пронесся по коже, заставив его невольно вздрогнуть.

- С тех пор мои волосы стали седыми, зато я приобрел от него дар провидеть судьбу и истинную суть вещей. Как вы догадываетесь, назад в свой дом я не вернулся, мертвые должны оставаться мертвыми. Некоторое время жил при Салимском храме. Оттуда я и знал Ивалион.

Странное выражение лица было у Лесарта, словно погрузившись в воспоминания, он бередил незажившую рану.

- Когда ей исполнилось четырнадцать лет, и открылся ее дар, она ненадолго исчезла из храма, а вернулась сама не своя. Оказалось, ходила в Киремос, и там ей не повезло случайно попасться на глаза моему брату. - Тут Лесарт вдруг опустил голову, отряхивая полу своего кафтана. - Предсказание, которое она сама себе сделала, гласило, что ее предназначение родить дочь, которую отдадут чудовищу. И бороться с судьбой ей не дано, потому что умрет родами. Ивалион считала, что бороться нужно, пока ты жив. С тех пор она бесследно пропала.

Он замолчал, хмуря брови, а потом продолжил:

- У меня ведь тоже есть дар, но я так и не смог ее тогда найти. А потом однажды увидел в видении мужчину, к которому ее приведет судьба, нашел его и все время был рядом. Ждал.

- То есть вы...?

- Да, - с горечью проговорил Лесарт. - А потом я хранил ее тайну. Ивалион хорошо скрыла свое дитя, но от судьбы не уйдешь.

Несколько минут стояло тяжелое молчание. Наконец Солгар спросил:

- Вы любили ее?

Лесарт не ответил, только глаза светились застарелой болью. А потом он сказал, глядя в пространство:

- У Гесты великое предназначение. А нам с вами еще предстоит постичь свое.

Странная догадка вдруг забрезжила в мозгу у царевича, когда он сопоставил некоторые фразы. Аж в висках запульсировало. Не в силах удержаться, Солгар спросил:

- Наставник, вы говорили... ваш брат... Кто он?

Тот не спеша отпил вина из глиняной кружки, криво усмехнулся и проговорил:

- Властитель Гелсарт.

глава 22

Властитель в далеком Киремосе тоже не спал. Не оставляло неприятное чувство, что он упустил контроль. Не то, чтобы Гелсарт боялся, что Зэйн его обманет. Нет, трижды повторенное согласие - клятва, и родовая власть не даст ему отвертеться. И все же. Все же.

Его мучила досада, которую он топил в вине. А на границе сознания плавала какая-то не дававшая покоя мысль. Когда осознал, запустил чашей в стену и зло расхохотался. Еще недавно точно также топил досаду в вине Зэйн. А сейчас у мальчишки был такой вид...

Гелсарт был уверен, что тот хитрит и что-то скрывает.

Но было и еще кое-что. Смутное ощущение, ассоциация из прошлого. Неуловимое, как ускользающий аромат магии, что он почувствовал там, в Лабиринте. Он совершенно точно ощущал его когда-то. Это было очень давно. Ему трудно было соотнести, но почему-то связывалось в его сознании с невестой сына.

Заглядывая в себя, властитель не мог понять, что с ним происходит. Почему его так влечет к этой девочке? Только потому, что она Катх, а Катхи потомки драконов? Это могло служить объяснением.

В жилах Гелсарта текла малая часть крови демонов, так, во всяком случае, с гордостью говорила его мать. Эта самая гордость превращала его в НЕ человека, давала право смотреть на остальных людей, как на пищу. И Гелсарт был хищником, способным пожрать всех вокруг.

А капля крови древней расы делала девчонку особенной. Могло бы послужить объяснением.

Но было еще далекое смазанное воспоминание и ощущение, от которого он теперь не мог отвязаться. Ощущение, что он когда уже видел это и упустил. К тому же три предсказания от Салимского Оракула. Три раза посещал его странствующий жрец, чтобы сообщить ему нечто о его сыне. И ни разу Гелсарт, взбешенный беспардонной наглостью жреца, вторгавшегося прямо в его покои, не дослушал предсказания до конца.

Возможно, он был неправ. Сейчас он бы лучше владел ситуацией.

Усилием воли отбросив раздражение и досаду, властитель сосредоточился на главном.

Итак, мальчишка задумал обмануть его?

Гелсарт снова расхохотался.

Он скорее удавит Зэйна в стенах Лабиринта, чем упустит то, что послала ему судьба.

Стоит только принять какое-то решение, и жизнь сразу выстраивается в стройную цепочку событий, которых раньше вроде бы и не предполагалось. Это оттого, что судьба показывает новый путь. Если выбор неверный, то путь этот все равно приведет в тупик, но если выбрать правильно...

Вчера Зэйн решил для себя, что девушка никогда не узнает, кто он на самом деле. Ее не коснутся последствия его проклятой ошибки. Он станет ей другом, братом, будет рядом всегда, чтобы она не страдала от одиночества и тоски. Зэйн был уверен, что уберезет ее и сможет сделать счастливой.

А страшный неуклюжий ящер будет появляться время от времени. Приносить еду в корзинке, вращать глазами, шипеть. Все равно она его не боится.

И у Гелсарта, как бы он не бесился, просто не будет повода забрать девушку. Пока обещание не нарушено, Зэйн оставался в своем праве. Геста ЕГО жена, а когда проводить консумацию, только ему решать.

План казался идеальным.

Этой ночью он почти не спал, лежал с открытыми глазами, пока по ощущениям не наступило утро. Хотелось прийти к ней. Увидеть, как загораются изнутри ее невероятные чистые и одновременно мудрые глаза. Ему хватит этой радости, этого глотка жизни. Потому что всего остального он себя сам лишил.

Однако первым должен был в любом случае появиться ящер.

И в этом тоже был элемент игры.

Забежать к ней с утра в образе чудовища, попытаться угадать, в каком девушка настроении. Главное, чтобы она не заметила, его нетерпения. А потом подождать, когда она выберется на прогулку.

Почти дождался, он уже слышал, как цокают каблучки ее туфелек по каменным плитам пола. И тут его осенила гениальная мысль.

Удивительным образом пригодилась премудрость дворцового этикета, которую по приказу царицы Фелисы вдалбливала ей воспитательница. Сейчас Геста нередко вспоминала эту пожилую даму с благодарностью. Потому что когда твой день поделен на множество обязательных действий, это дисциплинирует, а привычка к тому, чтобы, все делалось безупречно, придает действию некий смысл.

Первые два-три дня она держалась на сильном возбуждении, однако постепенно начал наваливаться откат. Ибо осознать, что она оказалась замурована в подземной тюрьме с чудовищем, пусть не страшным и даже по-своему заботливым, было по-настоящему страшно. Что отныне жизнь ее будет проходить тут, и ей больше никогда не увидит солнца.

Подступало отчаяние.

Тогда простые повседневные дела обрели вдруг ценность. А сколько радости подарил засохший мох, который ей удалось оживить. Настоящее чудо, среди мертвого подземелья - цветы, как маленький подарок судьбы.

И вдруг в этой странной полужизни появился ОН.

Мужчина смутил ее и перевернул все в душе. Потому что был живой, настоящий, и с ним можно было разговаривать. Но он исчез так же внезапно, а Геста все терзалась мыслью, что обидела его, сказала или сделала что-то не так. Да и вообще, с какой стати ему тратить на нее свое время? Это же очевидно.

Девушка шла, опустив голову, погруженная в свои мысли, и только в последний момент отреагировала на звук. Вскинула глаза, да так и застыла, чувствуя, что сердце бешено колотится и подскакивает куда-то к горлу, а в груди диковинным цветком расцветает невероятная радость. ОН!

Когда осознала, что совершенно неприлично пялится на мужчину, ее стало заливать румянцем. А и глаза-то трудно отвести. Что ж она такая глупая и неловкая...

В первый момент мужчина показался ей хмурым, запыхавшимся и каким-то растерянным. Как будто бежал куда-то, наткнулся на нее и теперь не знал, что ему делать. То ли здороваться, то ли бежать дальше. И вдруг на его хмуром лице возникло подобие улыбки. Мужчина немного скованно повел плечом, сделал шаг в ее сторону и поздоровался:

- Привет, Геста.

И что-то такое промелькнуло во взгляде, будто в его отливающих золотом глазах зажегся свет. Кажется, он тоже был рад ее видеть? Стараясь не выдать охватившего ее волнения, девушка пробормотала:

- Привет, Яз.

Он шевельнулся, а Геста наконец оторвала взгляд от его глаз и с

удивлением увидела, что он держал в руках. Книгу! Настоящую, в кожаном переплете и с застежками. Ей приходилось видеть книги у наставника Лесарта и во дворце у царицы Фелисы. Страницы у них были из очень тонко выделанной телячьей кожи, и на каждой тексты и красивые рисунки, сделанные от руки. Геста знала, что такие книги стоят целое состояние, у нее глаза на лоб полезли.

А мужчина, до того смотревший на нее странным взглядом, словно очнулся. Провел рукой по лбу и протянул ей книгу.

- Это тебе.

- Мне?

- Да, - кивнул он, потемнев лицом. - Подарок.

Подарок?

- Но... - заставила себя выговорить потрясенная Геста. - Это же так дорого!

Мужчина неожиданно усмехнулся, словно сбросил оцепенение, и проговорил:

- Пустяки, у меня таких много.

- Да? Ой... Ну, спасибо! Даже не знаю, что сказать... - растерялась Геста, разглядывая доставшееся сокровище.

Благоговейно водила кончиками пальцев по тисненному переплету, по покрытым патиной застежкам из старого серебра. Безумно хотелось заглянуть внутрь.

- Ты ведь умеешь читать? - услышала его голос.

- Да, я... - Геста так и не могла оторвать от книги глаз.

- А то я бы мог тебе почитать, - проговорил он.

Она механически ответила:

- Да.

И ойкнула, понимая, что он давно уже на нее смотрит, а она-то дура душой... Девушка прокашлялась, поправляя косу на затылке, и промолвила, подавляя смущение:

- Да, спасибо. Э... это было бы здорово.

- Ну вот и хорошо. - он как будто внезапно расслабился. - Знаешь, мне самому было бы интересно.

- Только сначала цветы польем, - проговорила Геста, поднимая вверх указательный палец левой руки.

Надо же было как-то приземлить себя и дисциплинировать, потому что ей вдруг ни с того, ни с сего стало необычайно весело и легко, а мир вдруг перестал казаться огромной мрачной тюрьмой.

Теперь мужчина шел рядом, а Геста украдкой поглядывала из-под

ресниц и думала, как все-таки здорово, что Яз пришел опять. И этот подарок... Подарок вообще был чем-то запредельным. Вспомнилось, как властитель Гелсарт сказал, защелкивая на ее запястьях те дорогушие и такие бесполезные браслеты:

- Маленький подарок, - и вздрогнула от ощущения, словно что-то страшное, змея или скорпион, проползло по коже.

Еще ей впомнилось странное обещание и какой-то хищный блеск в его взгляде. Как будто Гелсарт знал о ней нечто такое, о чем не подозревала она сама. Но тут они пришли, и Геста постаралась отбросить неприятные мысли.

глава 23

Старательно поливая цветы, Геста украдкой разглядывала мужчину. Он стоял чуть поодаль и, нахмутив брови, рассматривал что-то на потолке в углу залы. И так так он в этот момент ее не видел, девушка решила изучить его внимательнее.

Да, он был красив. Именно так, как ей тогда, в первый миг и показалось. Но что-то диковатое и немного странное было в его красоте. Высокая, стройная фигура, хорошо развитое тело, мощное, но не громоздкое, а гибкое и подвижное. А главное - смуглая кожа. Он был словно поцелованный солнцем.

Девушка даже поразилась. Если Яз живет тут достаточно долго, а это очевидно так, то как он умудрился сохранить, такой свежий цвет лица? Тут же нет солнца.

Лицо заслуживало отдельного рассмотрения, ибо оно ей больше всего в его облике нравилось. Гармоничные, но резкие черты. Широкие скулы, тяжелый волевой подбородок с упрямой ямочкой посередине. Густые брови вразлет, они отбрасывали тень на глубоко посаженные глаза, и от этого его яркий золотистый взгляд моментами казался горящим. Красиво вырезанные капризные губы. Гесте в этом чудился контраст, намекающий на жестокость и порочность характера, но жестокости она в нем не видела, скорее норовистость.

Она заметила другое. От него веяло силой и почему-то тоской.

Очень странный человек. Ей показалось, что он многое скрывает, но ведь они едва знакомы, и у нее права выведывать его тайны.

Внезапно он перевел на нее взгляд, и Геста, застигнутая врасплох, испугалась своей бестактности. Потому что взгляд был как удар. Болезненный и жаркий. Однако выражение его глаз сразу сменилось, словно закрылось одно окно и открылось другое. И в этом другом окне мелькнули веселые искорки.

- Ну, - он шевельнул рукой, обводя пространство зала. - Где будем читать?

Читать? У Гесты мгновенно загорелись глаза. Это было здорово!

Она заозиралась по сторонам. У дальней стены зала стояли широкие каменные скамьи, вроде той, на которой она спала в первую ночь своего появления здесь. Потом перевела взгляд на мужчину и неуверенно

спросила, наморщив нос:

- Может быть здесь?

А потом вдруг спохватилась:

- Ой, нет! Здесь, наверное, опасно. В любой момент может появиться мой муж...

Весьма двусмысленное выражение промелькнуло на лице мужчины.

- Пожалуй, да. Наверное, - сказал мужчина прокашливаясь. - Что будем делать? Может, пойдём к тебе? Чудовище же в это время к тебе не заходит?

??? О...

- Только не надолго, - проговорила она с опаской, - А то, кто его знает...

- Ты так его боишься? - спросил он.

- Я? Нет. Я знаю, он не причинит мне вреда. Просто не хотелось бы его огорчать. А вот тебе, Яз, - она ткнула в мужчину пальцем. - Следовало бы его бояться.

И покивала, для большей убедительности. Но, похоже, этот самонадеянный тип несколько не испугался. Он смотрел на нее склонив голову к плечу, и странно улыбался, а потом выдал:

- Ну что, пошли? И кстати, я бы от фруктов не отказался, у тебя еще что-то осталось?

Это прозвучало совершенно неожиданно и моментально разрядило обстановку.

- Конечно! - засуетилась Геста.

Ящер как раз сегодня утром притащил полную корзину спелого, словно налитого медом инжира. Его было так много, одна бы она все равно не съела.

И они пошли, а по дороге Геста почему-то так расслабилась, что опять стала рассказывать ему истории из своей жизни. На это раз, как в срочном порядке обучали носить пышные платья и танцевать разные танцы. Светские и интимные.

Что??!

Зэйн чуть сбился с шага.

Да этой блаженной на язык надо было вешать символ ее девственности, а не на ноги! Подумать только! Рассказывать кому не попадя такие вещи!

А девушка самозабвенно что-то говорила и смеялась, совершенно не понимая, как ее слова могут быть восприняты. И он остыл, вспоминая, что сам себе назначил роль ее друга, брата и наперсника. А другу и наперснику

можно рассказать многое. Ему можно рассказать все.

Но сначала надо было осознать себя в этой роли, привыкнуть. Это было не так-то просто, потому что из него фонтаном перла неконтролируемая ревность. Но тут девушка обернулась к нему и улыбнулась, поправляя выбившуюся прядку. Все это походя, не придавая никакого особенного значения. И также отвернулась.

И он рассмеялся, закатывая глаза. Тихо, беззвучно. Над собой. Понимая, что отныне подобные вещи ему придется выслушивать часто, потому что его невеста непосредственна, а в некоторых вопросах просто дитя. А еще ему стало любопытно посмотреть на эти самые интимные танцы в ее исполнении. Муж он или не муж, в конце концов?

- Покажешь?

- Что? - переспросила Геста, заправляя непослушную прядку за ухо, и махнула рукой. - Ой, воспитательница говорила, что у меня просто медвежья грация.

И засмеялась, показывая полный рот жемчужных зубов. Зэйн слегка завис, но он уже немного притерпелся к роли наперсника, потому решил не выходить из образа.

- Нет, погоди, - проговорил он рассудительно. - Надо посмотреть, что ты там исполняешь, и только после этого судить.

Геста остановилась, невероятные бирюзовые глаза вспыхнули. Она уставилась на него и наморщилась, раздумывая.

- Вообще-то. Я должна танцевать для мужа, но в чем-то ты прав... Обещай, что не будешь смеяться.

Смеяться? Да стоило Зэйну представить ее, как у него в горле пересохло.

- Не буду, - пообещал он совершенно серьезно.

- Ну ладно, может, потом как-нибудь покажу, - махнула она тонкой ручкой и снова защебетала.

А он теперь не мог избавиться от видений. И это только начало.

За разговором они добрались до ее комнаты. Геста все опасливо оглядывалась на лестнице, беспокоясь, вдруг появится ящер и застанет их врасплох. Тогда мужчина предложил натянуть нить поперек самой нижней ступени, а к ней привесить какой-нибудь звенящий предмет. Чудовище непременно заденет своими лапами, нить оборвется.

В итоге внизу у входа на нити, выдранной из покрывала, сейчас висели ее ножные браслеты соединенные цепочкой. Символ девственности. Геста

хихикала и отводила глаза, потому что получилось уж очень символично.

Она сидела кушетке, а мужчина устроился на полу рядом. Корзина стояла между ними, и оба увлеченно поедали спелый инжир. Гесте подумалось, что он, наверное, любит инжир. Сама она впервые его попробовала уже после того, как пересекла границу Гелсартова царства.

Стесняясь открыто разглядывать, как мужчина ест, Геста смотрела на его пальцы. Длинные, красивые и сильные, они ловко очищали с налитого соком белого инжира кожуру и отправляли в рот нежную мякоть. Его губы и пальцы блестели от сока. Геста настолько увлеклась зрелищем, что забыла есть сама

И вдруг он перевел на нее взгляд и весело сказал:

- Не волнуйся, я успею сбежать.

- А...? - только сейчас поняла, что опять забыла обо всем и неприлично на него пялись.

Взглянула на инжирину в своей руке, а там уже сок перепачкал ей все пальцы, и невольно рассмеялась. Вспомнила, как они с Ти лазили за черешней в царицын сад, и стала рассказывать. Про то, как черешню за пазуху сыпали, а потом сторож их застукал. Понятное дело, пришлось удирать, и она тогда неудачно свалилась с дерева.

- И? - спросил мужчина, отправляя в рот очередную ягоду.

- Ну... черешня была спелая, и вся подавилась. А мне потом пришлось всю ночь одежду от сока отстирывать.

- Мммм? - хмыкнул он и как-то странно повел бровями.

- А знаешь, - вдруг сказала Геста. - Я ведь не настоящая царевна.

Мужчина уставился на нее и даже перестал жевать.

Она и сама не заметила как разговорилась о личном. О том, что уж наверное не стоило рассказывать постороннему человеку. Но здесь, в этом подземелье, они были друзьями по несчастью, а это здорово сближает. И потом, ей просто хотелось поделиться, высказать один раз свою тайну. Немного обидную, но в этом ведь не было ее вины.

- Да, я незаконная дочь царя. Моя мать была пленницей-рабыней. Но по отцу я все равно получаюсь вроде как царская дочь. Даже последний месяц жила во дворце. Вот... - она грустно улыбнулась и добавила: - А родилась я на конюшне. Но я никогда не видела маму, потому что она умерла в тот же день. Говорят, ее лошади затоптали.

Зэйн был потрясен. Значит, ее запихнули сюда, на растерзание чудовищу, вместо кого-то? Чудовищная несправедливость. С другой

стороны, он теперь не представлял на ее месте кого-то другого. Не хотел представлять!

Никто другой ему не был нужен. Мелькнула мысль, будь на ее месте другая, он не стал бы долго думать. Переспал бы с ней, отдал потом Геласарту и больше никогда не вспоминал. Несправедливость? Рука судьбы. Лучик света в его мрачном царстве.

Видя, что девушка грустно хмурится, уйдя в воспоминания, Зэйн отложил любимый инжир в сторону, разом аппетит пропал. Глянул на свои заляпанные сладким соком руки и вдруг сказал:

- Знаешь, я ведь тоже никогда не видел свою мать.

Захотелось поделиться чем-то сокровенным в ответ.

- Да, - грустно улыбнулась она. - Сочувствую тебе, Яз.

Пожала плечиками.

- Мне немного неудобно, что пришлось утаить это от владыки Гелсарта.

- А ему и незачем об этом знать, - задумчиво проговорил Зэйн.

Опять что-то не вязалось. Не такой тип его папаша, чтобы от него можно было бы что-то вот так утаить. А Гелсарт вцепился в девочку как клещ. Даже браслеты на нее нацепил обручальные. Хрен ему, а не девушку!

И все же, что в ней такое, что его отец, этот жестокий и развращенный циник, вот так сошел с ума? А с ним самим что творится? С ним самим ЧТО? Если он не может даже мысли допустить, чтобы отдать ее.

Теперь он узнал одну тайну девушки, но ясности это не прибавило. А говорить на эту тему с отцом, давать ему в руки лишние козыри, не хотелось.

- Ну что, моемся и читаем? - звонкий голосок девушки вывел Зэйна из задумчивости.

У него сработала мгновенная ассоциация, а перед мысленным возникла взором картина, как она голая моет его голого в ванне. Как струится вода, как дрожат капли на ее золотистой коже...

После этого дыхание и способность говорить вернулись не сразу.

- Да. Ты первая, - пробормотал он, закрывая глаза. - А я... потом.

глава 24

Просто удивительно, какие у них оказались схожие судьбы, оба не знали своих матерей. Наверное, в этом был какой-то знак свыше, подумалось ей. Хотела уже идти мыть заляпанные сладким соком руки, но прежде обернулась.

Гесте показалось, что ему плохо, потому что мужчина болезненно скривился и затих. Быстро подошла к нему, хотела потрогать лоб, но вовремя опомнилась, руки-то липкие. А тот мгновенно отреагировал то ли на звук, то ли движение воздуха, Геста не поняла. Только он резко отшатнулся в сторону и открыл глаза, а взгляд какой-то диковатый.

- Яз... - осеклась она. - Тебе нехорошо?

Что-то сменились в его глазах. Как будто опять другое окно открылось.

- Нет, спасибо. Со мной все хорошо. Хорошо.

- Ну, ладно, - неуверенно проговорила Геста.

И ушла мыть руки, думая при этом, что он, конечно, странный. Когда она вернулась, мужчина уже выглядел веселым и бодрым, как прежде. Однако некоторая нервозность и душевная боль в нем все-таки ощущались. Геста сказала себе, что с его душевной болью надо бы разобраться, но они для этого еще недостаточно хорошо знакомы.

После фруктов дошла очередь до чтения.

Книга, которую он ей подарил, оказалась сборником древних легенд и сказаний. С великолепными картинками и красивыми шрифтами. Девушка разглядывала картинку и ахала от восхищения. Ей еще не доводилось видеть такого качества изображений в книгах.

Вообще-то, она умела читать и писать на трех живых языках. На ойле, это язык народов севера, на хакс, на нем разговаривают жители южных степей, и на всеобщем. Лесарт также учил ее читать и писать на древнем языке исчезнувшего народа ахи.

Но сейчас ей хотелось сделать Язу приятное, тем более что он сказал, ему будет интересно. Поэтому и попросила его первым выбрать легенду. Он долго искал, хмурился и наконец начал читать древнее сказание о драконе и его сокровище.

Геста слушала как зачарованная, легенда была о любви.

Когда сказание закончилось, они еще долго молчали, поглощенные впечатлением. Потом Зэйн, понимая, что его снова ведет от ее близости, и прикидываться другом становится все труднее, проговорил:

- Я приду завтра. А ты не убирай нить, просто открепи один конец, чтобы твой ящер не споткнулся, а то еще растянется тут во весь рост. То-то будет грохот.

Девушка звонко смеялась, показывая жемчужные зубы.

- И не забудь спрятать свои драгоценные оковы, - проговорил Зэйн, небрежно махнув на прощание рукой.

Он все еще кривлялся, изображая улыбку, пока не спеша шел за поворот. А там, на ходу оборачиваясь огромным чудовищем, затряс головой и умчался туда, где мог подумать в одиночестве. Слишком уж дракон из легенды был похож на него самого. Почему он никогда не задумывался обэтом раньше? Столько лет потеряновпустую.

Зэйн понял, что должен прояснить тайну своего рождения, значит, разговора с отцом не избежать. О девушке тоже надо было попытаться выведать хоть что-то. Неспроста ведь старый змей требовал, чтобы он как можно скорее консумировал брак и заделал ей ребенка! Хотел забрать Гесту себе. Неспроста. Гесту отдавать он не собирался.

Но теперь Зэйна сильно беспокоило другое. Что же такого сказал Гелсарту Оракул? Иногда одно неверно понятое слово может полностью изменить смысл предсказания. Но где гарантия, что Гелсарт скажет правду? А других возможностей он просто не видел.

Вести себя надо было очень осторожно, чтобы отец ничего не заподозрил. Поэтому Зэйн даже продумал некий план действий. Однако вскоре случилось то, от чего все его планы полетели к чертям.

В тот день Геста сидела одна до самого позднего вечера, никто больше не приходил. Да ей было и не до гостей. Впечатления от всего произошедшего, но больше, конечно, от легенды, поглотили ее мысли и эмоции. Словно каким-то трепещущим покрывалом укрыли душу. Все воспринялось так ярко, и девушка уже не могла разделить, где она, а где древняя сказка. Словно сама стала ее героиней.

Возможно, виной тому был Яз? Его голос, который моментами ощущался прикосновением на коже. Его внешность. Несомненно, мужчина был красив. Непривычной, грубоватой и одновременно утонченной красотой. Не зря она в первый момент сравнила его с чистокровным жеребцом. Была в нем какая-то огненная сила и гордость. И при этом

глубоко скрытая тоска и боль, как будто он устал жить.

Впрочем, немудрено устать жить, если ты уже много лет живешь в этом подземелье. Сама она за три дня устала. Правда, тут Геста смутилась от своих мыслей, существование казалось ей конченным ровно до того момента, как появился Яз. Он словно расширил собой границы ее тюрьмы, превратив Лабиринт в некий мир, в котором теперь было интересно жить.

Конечно, Геста не была душой, и задавала себе вопрос: а имеет ли она права на общение с ним? Она замужем, кем бы ее муж ни был. Но отказаться не смогла бы, это как отказаться от глотка чистого воздуха, когда ты сидишь в затхлой норе. Он как будто приносил с собой солнечный свет и веселье. Он был...

Было и другое. Несоответствие. Чудовище. Смертники.

Геста много думала, стараясь понять.

Ну не был похож ящер на людоеда. Нет, то есть, он был очень даже похож, с его-то кошмарной пастью, но Геста не ощущала в нем ни истинной жестокости, ни истинного зла. И это казалось странным. Зачем тогда ему смертники? А уж зачем ему, огромному ящеру, она, крохотная человечка, было вообще, выше ее понимания.

И тут эта легенда.

Когда Яз читал, у нее картины вставали перед глазами.

Но сейчас ей хотелось перечитать все самой. Она долго ходила кругами, не решаясь разрушить впечатление. Но потом все же открыла книгу и начала читать.

И снова виделись ей высокие дикие горы, и в них пещера, а в пещере полно несметных богатств. Там жил одинокий дракон, наводивший ужас на всех вокруг. И девушка, которую он похитил. Была любовь, такая прекрасная, что Гесте хотелось плакать.

Но оказалось, Яз прочитал не все, только половину легенды. Наверное, специально закончил на счастливой ноте. А теперь, жадно вчитываясь в украшенные завитушками буквы, она видела совсем другую судьбу.

Счастье не бывает вечным. Повелитель той страны захотел взять себе скрытые в пещере богатства и прослыть героем. Пришли его воины, чтобы убить дракона и забрать золото. Дракон посмеялся, сказал:

- Берите и убирайтесь. Не трогайте лишь мое сокровище, - и ушел вглубь пещеры.

А людям, стоило услышать про сокровище, они пожелали взять именно его. Дракон сражался, уничтожил всех, но и сам погиб. Потом, когда бой уже был окончен, в пещеру вошел случайный свидетель, простой человек, странник-жрец. Странник увидел там богатства, много убитых

воинов и мертвого дракона, закрывавшего своим телом девушку. Она-то и была его сокровищем.

Тут уж Геста не в силах была сдержать слез. Ей было жаль убитого дракона до боли в сердце. И все же, не смотря ни на что, ей казалось, что у этой легенды счастливый конец, потому что жизнь победила смерть. У той девушки родился сын с драконьей кровью. А от него, говорят, пошел великий род древних царей. Катхи, провидящие истину, звали их люди.

Снова и снова вчитывалась она в последние строки, а в ушах звенели слова той старухи из города на границе.

...Мы долго ждали тебя, дева Катх...

Мороз по коже.

Наверное, это имя нарицательное, какой-то символ. А у нее сегодня слишком много впечатлений. Геста быстро убрала все и свернулась калачиком на своем ложе. Спать.

Уже уплывая в сон подумала, что завтра утром придет Яз, и все снова будет хорошо.

Когда по ощущениям на Киремос опустилась ночь, Зэйн поднялся по высокой лестнице к двери из заговоренного серебра и приложил ладонь к выемке в центре. Он всегда делал так, если нужно было вызвать отца. Ответ пришел сразу, из под ладони заструился свет. Зэйн усмехнулся, так и знал, что отец не спит.

Спустился вниз в свою гостиную, и стал ждать.

глава 25

Вскоре на лестнице послышался знакомый звук шагов. Гелсарт появился даже раньше, чем Зэйн рассчитывал. Лицо заинтересованное, хищный блеск в глазах. Явно спешил.

- Здравствуй, отец! - приветствовал его Зэйн, отсалютовав бокалом из густо-синего кобальтового стекла.

И улыбнулся. Взгляд властителя мгновенно перескочил сначала на бокал с вином, который Зэйн держал в руке, потом метнулся к выходу, ведущему из гостиной вниз, а потом вернулся к Зэйну. Гелсарт выдохнул, поведя шеей, глаза вспыхнули лихорадочной радостью.

- Здравствуй, сынок. Есть с чем тебя поздравить?

И потер руки. Зэйна выворачивало от этого плохо скрытого нетерпения, однако он принял вальяжную позу, откинулся в кресле и спросил с сытой ленивой улыбкой:

- Поздравить? О чем ты?

Отпивая вино не спускал с Гелсарта глаз. Тот все еще улыбался, но выражение лица сменилось, черты заострились, за улыбкой проявилась жестокость, а взгляд стал острее лезвия.

- Тогда зачем ты меня звал? - спросил он.

Зэйн скривил губы в капризной улыбке и пожал плечами:

- Соскучился. Давно не говорили о приятных вещах, вот я подумал...

- Ты потому меня отвлек? У меня ведь были действительно приятные занятия, - язвительно спросил Гелсарт, сел напротив и налил себе вина.

- Прости.

- Да ничего, сынок. Если скучаешь, могу прислать тебе наложниц прямо сейчас.

По взгляду отца Зэйн понял, что за игру тот затеял, однако виду не подал, только покачал головой и презрительно хмыкнул.

- Нет. Как-нибудь в другой раз. Что-то нет аппетита.

- Как скажешь, - скрипуче хохотнул Гелсарт. - Раз уж у тебя сегодня хорошее настроение, позволь узнать, как поживает НАША невеста?

Зэйну показалось, что его сейчас разорвет к чертям, но Гелсарт смотрел на него слишком пристально, чтобы позволить себе сорваться.

- Хорошо поживает. Как видишь, я остыл, стараюсь не пугать ее. Теперь осталось приучить себя к мысли, что мне придется с ней спать. А

это непросто, поверь, - проговорил он, пряча взгляд за бокалом синего стекла. - И кстати... Что в ней особенного, что ты так завелся, отец? Зачем она тебе нужна?

Тон был доверительный, но если он думал усыпить бдительность Гелсарта, то надеялся зря. Тот усмехнулся:

- Какая тебе разница, сынок?

Пришлось подавить досаду, Гелсарт явно не собирался выдавать свои тайны. Тогда Зэйн решил разговорить отца, надеясь все же выудить частички правды.

- Ну все-таки, меня это тоже как-то касается, - проговорил он с легкой обидой в голосе. - Любопытно, что такого про нее сказал Оракул?

- Оракул сказал, она принесет потомство.

- Это я уже слышал. Может, скажешь что-то новое?

Гелсарт издевательски засмеялся:

- Поверь, это единственное, что тебя касается. И я очень надеюсь, что твой дружок не подведет.

Он все еще смеялся, когда Зэйн спросил в лоб:

- Как умерла моя мать?

Гелсарт испытывал чудовищную досаду и разочарование. Когда он получил это приглашение от сына, внутри как будто дрогнули струны. Он весь зажегся предвкушением. Тем неприятнее оказался удар.

Мальчишка с вальяжным потягивал вино, смотрел ему в глаза и хитрил. Несложно было понять, что его расслабленное веселье всего лишь маска, за которой ощущался неизвестно откуда взявшийся внутренний стержень.

В последнее время сын вел себя вызывающе, выказывал неповиновение, однако этому Гелсарт мог найти объяснение. В конце концов, Зэйн не совсем человек, в большей степени он животное, самец. Самцы во время гона всегда проявляют агрессию. И потому Гелсарт хоть и был раздражен его строптивостью до предела, решил дать время ему время и подождать результатов.

А вместо результатов тот сидел напротив и лгал ему в глаза.

Ему? Злобный хотот раздался в душе владыки.

Более того, мальчик задавал вопросы. Как будто это его как-то касалось. Ему всего-то нужно пару раз переспать с девчонкой, а дальше не его забота, что с ней и приплодом будет! Удел чудовища сидеть в этом подземелье на всем готовом, рвать в клочья смертников, и этим создавать

ему Гелсарту великую и ужасную славу.

Вопросы он будет задавать. Капризный щенок. Животное!

Однако сейчас, глядя на сына, Гелсарт понимал, что тот изменился. Это было заметно даже внешне, Зэйн неуловимо повзрослел за последний месяц. Как будто сменил кожу. Хочет помериться с ним силами? Властителю было смешно.

Он только собирался напомнить, что...

- Как умерла моя мать?

Резко.

По инерции Гелсарт еще продолжал смеяться. Кажется, он недооценил мальчишку. Что-то черное взбаламутилось в душе властителя, когда он смотрел в глаза сына, посмеявшего бросить ему вызов.

- Она была казнена за измену, - холодно проговорил он.

Жестокая ухмылка искривила рот властителя. Он смотрел в застывшие, наливающиеся гневом и болью глаза Зэйна, как бы говоря: хочешь играть со мной во взрослые игры? Гелсарт готов был поиграть.

- Какая измена? - выдавил наконец Зэйн. - О чем ты, отец?

- А что по-твоему я должен был подумать, когда увидел покрытого чешуей ребенка? - зло процедил Гелсарт, подавшись к нему торсом.

Со стуком поставил сой бокал на стол и рыкнул:

- И не тебе, чудовищу, меня судить.

Надолго повисло тяжелое молчание. Зэйн едва мог дышать, словно у него раскаленный кол застрял в груди. Отец бил безжалостно и точно.

Это ведь он ЧУДОВИЩЕ. Если вспомнить, скольких несчастных он растерзал в животной ярости. пока научился владеть собой... С трудом протолкнув воздух в легкие, Зэйн наконец заговорил:

- Я слышал, странствующий жрец в первый раз посетил тебя в день моего рождения. Что тогда сказал Оракул?

Гелсарт, до того пристально смотревший в его глаза, отвел взгляд. Потом медленно протянул руку за своим бокалом и проговорил, отпивая вино:

- Что ты мой сын. И что родился таким из-за проклятия.

Впервые он ничего не мог прочесть в глазах сына. Тот словно скрылся от него за непроницаемой завесой. Возвращаться мыслями в тот день было неприятно, властитель ощерился вспоминая свою неукротимую ярость при мысли, что какая-то тварь посмела ЕГО проклясть. Он залпом допил вино и сказал:

- Оракул предрек, что у меня больше не будет детей. И добавил «В наказание за...»

- В наказание за что?

- Этого я уже не слышал. Снес ему голову.

- Снес голову?

- Да! Никто не смеет вторгаться в мою спальню! Никто не смеет судить меня.

- Ты убил странствующего жреца?

- Нет, - ответил Гелсарт, уже смягчаясь. - Мерзавец ускользнул от меня.

Вопрос повис в воздухе, но так и не прозвучал. Гелсарт понимал, о чем Зэйн хочет его спросить. Он и сам иногда задавался этим вопросом. Не боится ли властитель наказания свыше? Нет. Пока жив, он ничего не боялся. Бог? Гелсарт не верил в Бога. И в смерть свою не верил тоже. Потому нечем было его напугать.

Опять повисло глухое молчание. Гелсарт ушел в воспоминания, а его сын, судя по виду, размышлял. Потом Зэйн подался вперед, сложив руки перед собой, и спросил уже спокойно:

- Что сказал Оракул, когда приходил во второй раз?

Вынырнув из воспоминаний, Гелсарт уставился на сына. Не ожидал столь взвешенной реакции, думал, мальчишка начнет по своему обыкновению истерить.

Зэйн прокашлялся, словно слова его душили, и проговорил:

- Когда я впервые обратился.

Властитель скептически скривился, глядя на сына. Зачем копаться в прошлом, все равно ничего изменить нельзя? Однако тот качнул головой и упрямо повторил:

- Мне надо знать. Может быть, это поможет мне быстрее с собой справиться.

Неприятно выдохнув, Гелсарт тихо произнес:

- Оракул сказал, указывая на тебя, что мальчик не останется таким навсегда, но я должен выстроить специальный дворец, и держать там порожденное мной чудовище, пока.... Дальше я не стал слушать.

Секунду звенела тишина.

Потом властитель скрипуче расхохотался, глядя на сосредоточенно затихшего сына:

- Ну что, это поможет тебе привыкнуть к мысли, что обещание должно быть выполнено?

Зэйн хмуро молчал, подавленный тем, что пришлось услышать. А властитель поставил свой бокал, встал из-за стола, и со словами:

- Приятно было с тобой побеседовать, - ушел.

глава 26

Хоть и казалось, что степи не будет конца, но на седьмой пути стали попадаться рощицы и перелески, растительность немного сменилась. И теперь Солгар, никогда не бывавший в этих краях, с любопытством рассматривал местные деревья и высокое, местами в человеческий рост, разнотравье.

Лесарт как всегда ехал молча. На первый взгляд, его ничего не интересовало. Однако это было не так, царевич заметил, что наставник несколько раз взглядывал на небо. Сам ничего особенного не видел, кроме высоко парящей хищной птицы. В очередной раз поймав себя на том, что помыслы наставника для него тайна, покрытая мраком, царевич отвернулся и стал пытаться упорядочить в голове все, что за последнее время узнал.

Не давала ему покоя фраза Лесарта, что у Гесты великое предназначение.

В чем это предназначение могло выражаться, судя по непроницаемому виду наставника, Солгару придется доходить своими мозгами. Он и пытался. Кроме того, царевича взволновала непростая судьба Лесарта. И матери Гесты, Ивы.

Ведь если так посмотреть, он как раз исподтишка взглянул на Лесарта, рядом с ним сейчас ехал великий властитель. Точнее тот, кому предстояло стать великим властителем, однако судьба распорядилась иначе. Хотя, в случае с Лесартом, это скорее был его собственный выбор.

Отказаться от всего: от мести, от царства, получалось, даже от любви. Все это во имя некоей великой цели. Однако он понимал Лесарта. Царевич и сам уехал без оглядки из внезапно ставшего ему тесным Белора. Правда, так и не знал, надолго ли, а может навсегда, время покажет. Но пока его глаза смотрели только вперед.

Задумавшись об удивительных превратностях судьбы, царевич постепенно стал прокручивать в голове историю, что рассказал ему Лесарт. Больше всего его потрясло то, как странно сложилось, что предвидя свое будущее Ивалион видела не все, а только какую-то часть. А Лесарт, который очевидно был в нее влюблен, видел другую.

Тут Солгар приказал себе остановиться с выводами и просто выстроить хронологическую цепь событий. Странная у него получалась спираль. Будто судьба кружила вокруг этих людей сводя их вместе и

разводя. Но не отпускала ни на миг.

Сначала алчный и амбициозный Гелсарт убил старшего брата, чтобы занять его место и стать властителем. Но тот не умер, его нашел и оживил странствующий жрец Салимского Оракула.

Этот жрец казался фигурой мистической и нереальной. Солгар не стал на нем заикливаться и заставил себя вернуться к прежней мысли. Оживил и наделил своей магией и даром предвидения. Царевича тут же заинтересовал вопрос: а была ли у Лесарта магия до того? И вообще, мысли стали разбегаться. Но об этом он решил спросить наставника позже.

После этого Лесарт какое-то время жил при храме, где и повстречал девочку из давно исчезнувшего рода древних царей. Что само по себе похоже на чудо. Явно не обошлось без странствующего жреца, опять подумалось Солгару.

А спустя какое-то время девочка обрела дар предвидения и увидела свое будущее.

Но. Зачем она ходила в Киремос?

Солгар запомнил проскочившую у Лесарта фразу:

«...ходила в Киремос, и там ей не повезло случайно попасться на глаза моему брату...»

Что это означало? Означало ли это, что она ходила туда увидеть чудовище?

Или кого-то еще?

Солгар понял, что ему не хватает информации. На ближайшем привале надо подробнее расспросить наставника о том, что могло заставить Иву так упорно прятаться от Гелсарта.

И о чудовище.

Говорят, утро вечера мудренее. Проснувшись утром, Геста уже несколько иначе смотрела на вчерашнюю легенду, да и на жизнь вообще. Нет, впечатление не рассеялось, наоборот, оно очищающей душу грустью так и осталось на сердце. И все это прочно связалось у нее с Язом. А мысли о нем заставляли ее смущаться и краснеть.

Но возникло другое.

Она впервые задумалась о том, что тот огромный страшный ящер, которого она, к слову сказать, не боялась, в действительности ее МУЖ. Геста помнила брачную церемонию, и зачарованные свитки пергамента, которые она подписывала кровью. Все было проведено строго по закону, как это бывает при оформлении договорных браков.

У Гесты в голове не укладывалось, ЗАЧЕМ?

И все же...

Пока прибиралась, прокручивая все это в голове, появился ящер. Геста невольно вздрогнула, как раз думала о нем, а он неожиданно возник. В первый момент растерялась, краска бросилась в лицо. Полезли в голову панические мысли: а вдруг он заметил нить, а что он мог подумать?

Однако ящер если и заметил что-то, не подал вида. Он осторожно опустил на пол накрытую скатеркой корзину, от которой одуряюще пахло свежими булочками. От этой его странной заботы девушка растрогалась, стала благодарить. А ящер в ответ только кивнул, как-то странно отворачивая голову, потоптался на месте.

И уже повернулся, чтобы уйти, как Геста неожиданно для себя спросила:

- Тебя ведь зовут Зэйн?

Зэйна как будто прострелило всего. Он замер от неожиданности. Было что-то великое и сильное в том, что она назвала его по имени, словно дала новую жизнь. Заколотилось сердце сумасшедшей надеждой. Захотелось сбросить все это чудовищное, показать ей себя настоящего, быть с ней...

Но. Он сам лишил себя этой возможности. Проклятое обещание.

Душа возмущалась, цепляясь за свое безумие еще несколько секунд, Потом он обернулся к девушке и глухо пошелестел:

- Да, Зэйн мое имя. - И решился взглянуть ей в глаза, пытаюсь понять, ЧТО она видит, когда смотрит на кошмарного монстра.

Светящиеся голубые глаза были чисты.

Когда-то давно в покоях Зэйна был бассейн с прозрачной голубой водой, в нем среди лотосов жили золотые рыбки. Глаза девушки напомнили ему воду. И как под гладкой поверхностью виделись ему в воде юркие рыжие рыбки, так и сейчас он улавливал в ее глазах обрывки мыслей. Он искал брезгливость, неприязнь. А видел скрытую печаль и какое-то непостижимое понимание.

Девушка улыбнулась чуть виновато и смущенно, пожала плечиками и сказала:

- Спасибо тебе, Зэйн.

У него сдавило горло, Смог только кивнуть, шумно выдохнув. И к чертовой матери сбежал, не понимая, что с ним творится.

После вчерашнего разговора с отцом, Зэйн очень многое передумал. Тайна его рождения, ужасная смерть матери, тройное предсказание... Он все пытался сопоставить в уме фразы Оракула. Искал в них скрытый смысл, понимая, что главное, скорее всего, так и осталось неизученным.

Но это только отбрасывало его в болезненную гущу несбыточных надежд и глухого отчаяния. А когда наступило эмоциональное истощение, душа потянулась к единственному светлomu, что сейчас было в его жизни.

Зэйн едва смог дождаться утра. Хотелось поскорее покончить с обязательным визитом ящера. Оставить ей еду, а потом наконец явиться самому. Чтобы...

И тут она назвала его по имени.

Его. Чудовище.

Когда буря в душе немного улеглась, он пошел к ней, стараясь привести в порядок свои чувства и мысли. Она не должна видеть, знать, что с ним происходит. Нельзя.

Однако с трудом достигнутое хрупкое душевное равновесие тут же испарилось, стоило ему увидеть, что она стоит, оглядываясь по сторонам, на нижних ступенях лестницы. Ждет его.

И снова сердце выпрыгивало из груди, а кровь стучала в висках.

- А, Яз! - махнула она ему рукой. - Иди скорее.

И завозилась, стараясь зацепить второй конец нити:

- Помоги.

Пришлось безжалостно подавить волнение. Зэйн сказал, пряча глаза:

- Давай я, а ты неси свои оковы.

Понимал же, что голос звучит неестественно глухо и резко, но ничего не мог с собой поделать.

Убежала. Мужчина выдохнул несколько раз, надо успокоиться. Через полминуты раскрасневшая Геста вернулась, неся соединенные цепочкой ножные браслеты.

- Вот. Уффф, они такие тяжелые!

- Да, уж, - пробормотал Зэйн, пристраивая их аккуратно над самым полом, чтобы не сильно оттягивали нить.

А она уже щебетала:

- Пошли, мне Зэйн сегодня такие булочки принес!

Зэйн замер, словно его ударили. Внутри все кричало:

«Я Зэйн. Это я Зэйн!»

Но вслух он сказал, скептически выгнув бровь:

- Ну что ж, посмотрим, что там за булочки.

Он смотрел, как прикусывают румяный колобок ее белые зубы, а на губах остается сладкая пудра, и с ним творилось что-то непонятное.

- Ты ешь, бери еще, - проговорила она с набитым ртом и прищурилась, смахивая пальцем сладкую крошку из уголка губ. - Интересно, где Зэйн берет все эти вкусные штуки?

Его от ее слов словно морозило и жгло одновременно. Какая-то часть души молила:

«Узнай же меня. Это я Зэйн. Догадайся».

А другая мрачно насмеялась, наполняя его горечью:

«Помни о своем проклятом обещании».

Не выдержав этого гнетущего состояния, Зэйн просто отбросил все мысли. Отбросил все, кроме одного. Дано ему наслаждаться этими минутами здесь и сейчас, он будет. Он возьмет от каждого мгновения все.

Это было ущебно, но на душе стало легко. Мужчина даже смог смеяться. А девушка опять разговорилась, вспоминая свою жизнь в Белоре.

- Знаешь, - шевельнула бровками Геста и принялась за очередную булочку. - Мне еще никогда не приходилось вести такую праздную жизнь. Царица Фелиса, она ведь меня не жаловала, наверное, потому для меня всегда находилась самая грязная работа. Ну... там, навоз вычистить, печи от золы. Снова навоз...

Она хихикнула:

- Представляешь, на что я была похожа?

И тут же смутилась:

- Ой, прости, ты кушаешь, а я про такие неаппетитные вещи...

- Да ладно, - махнул рукой Зэйн, что-что, а это уж точно не могло отбить ему аппетит.

А Геста потеряла сладкие руки и сказала задумчиво:

- Мой настоящий отец, государь Мелиар, вообще в мою жизнь никогда не вмешивался, словно меня и нет. Но я не в обиде, у него своя жизнь. А у меня зато были папа Ким и мама Селла. И Ти, - улыбнулась и мечтательно протянула: - Мама Селла иногда пекла булочки...

И, словно очнувшись, добавила:

- Ну что, моемся и читаем? Сегодня моя очередь выбирать легенду!

глава 27

Она убежала мыть руки, а Зэйн отвернулся, уставившись в угол. Задели его слова Гесты про ее непростую жизнь, про родного отца, который пренебрегал ею с самого рождения, про приемную семью. Несправедливая судьба. Впрочем, мужчина понимал, что судьба редко бывает справедливой.

Это помогло усмирить огонь в крови. Теперь он мог находиться рядом с девушкой относительно спокойно.

А потом они устроились читать.

Под тем предлогом, что ему нужно убедиться, правильно ли она читает, Зэйн уселся не на пол, а рядом с ней на кушетку. Это было очередным испытанием для его самообладания, но он решил, что выдержит. Во всяком случае, какое-то время.

Легенду Геста выбрала интересную и символичную*. О том, что у одного короля было семь сыновей и одна дочь, самая младшая. Но король овдовел, а его новая жена оказалась злой колдуньей, она хотела избавиться от детей и прокляла всех сыновей короля, превратив их в птиц. В орлов.

В ту же ночь братья улетели из дворца в горы, забрав с собой и сестру. Не трудно было ей жить в горах, потому что братья приносили пищу, но девушка горевала, глядя на них, вспоминала, какими они были. И вот как-то раз в те края пришел странник, а девушка как раз была одна, братья улетели. Он сказал ей, что проклятие можно снять.

- Но как? - спросила девушка.

- Нужно сплести для братьев рубашки из крапивы. Как только наденешь, они снова станут людьми. Но учти, - сказал ей странник. - Ты должна делать это голыми руками. И ты не можешь произнести ни слова с той минуты, как начнешь работу, иначе твои братья умрут...

Геста самозабвенно читала, полностью уйдя в книгу, а Зэйн сидел рядом, забыв дышать. Весь мир для него сейчас сузился до легкой прядки ее волос, соскользнувшей на шею над тоненько подрагивавшей жилкой. Остальное просто исчезло.

Коснуться этой прядки незаметно, притянуть к себе, вдохнуть.

Полностью поглощенный этими ощущениями, он не почувствовал бы, наверное, если бы его стали резать. Только мысль, стучавшая кровью в сердце.

Назови МЕНЯ по имени, просила душа, наплевав на все запреты,

узнай МЕНЯ...

Гроном среди ясного неба прозвучал насмешливый скрипучий голос:
- Как интересно!

Не один Зэйн вчера плохо спал ночью. У властителя Гелсарта от разговора с сыном остался крайне неприятный осадок. Всколыхнулись старые воспоминания, будя в нем острую досаду.

Возвращаться к прошлому Гелсарт не любил, в прошлом не было ничего интересного. Он никогда не сожалел о содеянном, что сделано, то сделано. И о жене, убитой по его приказу, Гелсарт не вспоминал. Это было то, что он переступил когда-то, и пошел дальше. Однако сейчас вопрос мальчишки оказался неприятен, тот неожиданно влез ему в душу. Гелсарт не был к этому готов, потому и ударил в ответ.

Властителя корежило от мысли, что он оправдывался перед мальчишкой, именно это и было неприятным до крайности. Вопрос застиг его врасплох, а оправдание есть проявление слабости. Властитель ни перед кем не отчитывается.

Хуже было другое.

Он не сомневался, что мальчишка хитрит. Сколько бы Зэйн не пыжился, изображая расслабленность и довольство, его поведение было наигранным, а сам он казался каким-то напряженным и озабоченным.

Итак, Зэйн ему врет. Но в чем?

Эти мысли не давали покоя всю ночь, а уже утром неожиданно пришла догадка, заставившая Гелсарта похолодеть. Девушка.

Что если он растерзал девушку, а теперь пытается спрятать концы?!

Понимая, что такое вполне могло случиться, Гелсарт в ярости ударил кулаком по столу. Наивно было с его стороны забыть, что Зэйн прежде всего животное! ЧУДОВИЩЕ!

Понимая, что доверившись чудовищу, совершил глупость, Гелсарт потянулся магией к тем обручальным браслетам, что собственноручно застегнул на ее запястьях. Никакого отклика. Тысяча чертей. Почему? Неужели... Мертва?!

Он не мог в это поверить, должен был убедиться.

И тут же сорвался с места, чуть не бегом направляясь в Лабиринт.

Зэйн недооценивал своего отца, полагая, что может не пустить его дальше гостиной. Гелсарт был великий маг. Заклинание сделавшее его

невидимым для чудовища, отнимало много сил, но сейчас властитель даже не задумывался об этом, ему нужно было найти девушку, удостовериться, что она жива.

Властитель убеждал себя, что ему нужна древняя кровь Катхов. Он рассчитывал получить дракона, это сделало бы его в полном смысле этого слова всесильным властелином неба. Но с не меньшей алчностью он хотел получить девушку в свою постель. Она вызывала в нем давно забытые ассоциации, смутные воспоминания,

Другую девушку, смазанным пятном мелькнувшую на грани сознания когда-то. Она оставила неизгладимый след в душе, с тех пор Гелсарт искал ее во всех женщинах и не находил. А увидев невесту сына понял, что нашел. И потерять ее вот так, потому что опростоволосился и доверился мальчишке?! Он готов был с досады грызть свою печень.

Но сначала надо было проникнуть незамеченным в Лабиринт, чтобы не спугнуть чудовище. А потом Гелсарт настроился на энергию жизни Зэйна.

Он быстро его нашел. И не только.

Осознавая, что видит отвратительную идиллию, только подтверждавшую его уверенность, что Зэйн притворялся и хитрил, Гелсарт испытал облегчение. Девушка была жива. Но тут же волной желчи поднялась из глубины души черная ревность. Гелсарт увидел, что его обручальных браслетов нет на ее запястьях. Сама она их снять не могла, значит, постарался Зэйн. Зэйн... Глухое рычание вырвалось из глотки Гелсарта.

- Как интересно!

Геста вздрогнула, застыв с расширенными от внезапно нахлынувшего ужаса глазами. Этот насмешливый скрипучий голос, она узнала бы его из тысячи. Властитель!

Подскочила, глядя, как он раскачивает на пальце ее ножные браслеты, и залепетала:

- Приветствую вас, властитель Гелсарт...

Девушка умолкла, понимая, что ее только что застучали на чем-то недостойном, хотя на самом деле ничего плохого не делала. Кровь бросилась в лицо от стыда, однако властитель смотрел не на нее. Он смотрел на мужчину рядом с ней, на Яза. А тот напрягся, словно зверь изготовившийся к прыжку.

- Интересно, - снова протянул Гелсарт, делая к ним еще один шаг. -

Зэйн, сынок, как успехи? Ты уже показал НАШЕЙ девочке себя? Нет?

Зэйн??? Этого не может быть...

В первый момент Гесте показалось, что она ослышалась, отказывалась понимать, верить, Но мужчина рядом с ней молчал, не возразил ни слова. Только глядел на властителя исподлобья каким-то мрачно горящим взглядом. А Гелсарт продолжал, скрипуче посмеиваясь:

- Не можешь пересилить себя и прикоснуться к своей невесте? Сочувствую.

Слова ледяными иглами впивались в мозг, заставляли внутри все съеживаться от холода. Ей казалось, душа умирает. Получалось, Зэйн... Ящер и Яз одно лицо?

Нет, не получалось сделать последнее усилие и признать, что этот мужчина и есть муж, которому ее отдали. Яркими вспышками высвечивались в памяти отдельные моменты. Сейчас Геста невольно припоминала, как мужчина каждый раз от нее шарахался.

А она еще рассказывала ему, что не настоящая царевна. Про конюшню про навоз...

Боже... Наверное, его выворачивало от отвращения.

Геста готова была провалиться сквозь землю, понимая, что ничего страшнее этого ей в жизни еще переживать не приходилось. Сквозь шум в ушах она услышала, как Гелсарт выплевывал слова, все больше раздражаясь:

- Хорошо, хоть символ девственности снял. Что ж, это тоже достижение. А вот мои браслеты ты снял зря. Верни как было.

А под конец швырнул им под ноги ее ножные браслеты, рыкнул резко, словно хлыстом щелкнул:

- Обещание. Я жду!

И ушел.

Примечание:

* - за основу для легенды, которую читает Геста, взята сказка Ганса Христиана Андерсена "Дикие лебеди"

глава 28

Зэйнну казалось, он задохнется от бессильной злости, пока отец, будь он трижды проклят, все говорил и говорил. А он ничего не мог поделать. Ничего!

Ничего!!!

Руины. Все раздавлено. Смерть видел Зэйн вокруг себя.

Он идиот. Расслабившийся безмозглый идиот. Как он мог прозевать Гелсарта?! Как мог допустить его СЮДА?! Он же...

И тем не менее, это случилось.

Гелсарт жестко дернул за поводок. Безжалостно поймел его, показал настоящее место. Господи Боже... Он думал, его унизили, когда навязали невесту? Нет.

Вот это было унижением, жестоким и страшным.

Ощущать себя ничтожеством у нее на глазах.

Он ведь не был ангелом, не мог считать себя даже добрым. Зэйн прекрасно осознавал, кто он на самом деле. Чудовище. Жестокое, избалованное вседозволенностью и правом сильного, циничное, развращенное. Но даже у такого как он могло быть в душе нечто сокровенное, бесценное, тайное!

Эта девушка для него... словно диковинная бабочка, чудом залетевшая в нору страшного зверя. Его душа замерла перед ней, боясь спугнуть, повредить яркие крылышки своим дыханием.

А теперь его душа была вывернута на изнанку.

Девушка отводила глаза, чтобы его не видеть.

Зэйн чувствовал ее смятение и горечь разочарования так, словно с него содрали кожу и залили кипящей смолой. И ни звука не мог издать, будто ему пережали горло.

Состояние подобное смерти.

Но это еще не смерть. Свой смертельный приговор Зэйн готовился услышать сейчас. Девушка наконец вышла из оцепенения, тонкие брови нахмурились, в уголке губ обозначилась скорбная складочка.

- Я рада познакомиться, - проговорила она с поклоном.

Мертвый голос, мертвый взгляд. Ему казалось, что сердце сдавливают клещами.

- Геста, ты не...

Она как будто не слышала.

- Мне следовало сразу догадаться. Простите, если была бестактна. Мне говорили, что надо думать прежде, чем... - она сглотнула и болезненно поморщилась, глядя куда-то в угол.

- Ты не... Геста! Посмотри на меня, прошу!

- Зачем? - она вскинула на него взгляд. - Теперь-то зачем вам эта игра? Можете уже меня убить. Я же видела, ваш отец недоволен, что вы до сих пор этого не сделали. И браслеты, наверное, надо вернуть на место. Исполните ваше обещание, он ждет. Но, если можно, пощадите Ти и ребят...

- Нет! - вскричал он, резко подавшись к ней всем телом. - Ты не понимаешь!

Девушка вздрогнула и съежилась, но все же проговорила, потирая тонкие ручки:

- Тогда объясните, чтобы я могла понять.

Объяснить?! Как объяснить ей... Как?!

Зэйн заметался в сильном душевном волнении и, в конце концов, обратился ящером. Так ему почему-то было сподручнее говорить ей постыдную правду.

- Ты не понимаешь. А мне... - он взвыл, задирая пасть к потолку, потом обреченно опустил голову и закрыл глаза. - Полтора месяца назад у моего отца был странствующий жрец Салимского Оракула. Не знаю точно, что он ему предсказал, но в тот же день отец в приказном порядке велел мне жениться.

Она молчала.

- Ты видишь, я какой?! - взревел он вдруг.

- Вижу, - тихо прошептала Геста.

- На меня никто не может взглянуть без страха! Жениться и зачать ребенка? Звучало как издевка. А отец взял с меня клятву, что я сделаю это и верну ему женщину беременной. В тот момент я был разъярен. Унижен! Я поклялся. А потом появилась ты. И я не могу выполнить это проклятое обещание! Не могу отдать ему тебя! Не хочу.

Он наконец решился взглянуть на девушку.

Широко раскрытые глаза, потрясенный взгляд, губка чуть подрагивает. Слов нет. Нет слов.

- Но зачем ему я? - произнесла она наконец.

- А ты не догадываешься, зачем он нацепил на тебя СВОИ обручальные браслеты в день МОЕЙ свадьбы?

У Гесты был шок. Она так и застыла, закрывая рот ладонью.

- Гелсарт хочет на тебе жениться. Что будет делать с ребенком, не знаю. Усыновит, назначит наследником и будет воспитывать из него новое чудовище? Не знаю. А теперь он ждет, что я выполню свое обещание. - прошипел ящер, мотнув шипастой головой. - Но он не дождется!

Замер, расставив мощные лапы, и повторил свистящим шепотом.

- Не дождется.

Потом словно очнулся, смерил ее каким-то нечитаемым взглядом. Геста была потрясена всем этим, у нее не укладывалось в голове. Однако, когда ящер, видя, что она молчит, стал поворачиваться, чтобы уйти, ее словно прорвало:

- Постой, подожди...Зэйн!

- Да, - с готовностью обернулся он,

А Геста вдруг поняла одно: они ведь оба заложники ситуации. Шагнула к нему, протянув руку, и начала, запинаясь:

- То, что ты сказал... ужасно. Но не ужаснее той судьбы, что рисовалась мне, когда я входила в Лабиринт. Ты обманывал меня, да... Но я не должна сердиться. Наверное. От этого ведь никому не было вреда. Это была просто игра.

Она пожала плечами, обводя взглядом стены своей комнаты, а ящер затих, слушая ее с болезненной жадой. Конечно, можно дуться на него месяцами, лелеять обиду. Но какой в этом смысл?

- Мы все равно заперты тут, - сказала Геста, шевельнув кистью. - Если хочешь, мы могли бы познакомиться заново. И мне не важно, кто ты. Ящер, человек... Среди людей встречаются похлеще чудовища.

Не сразу, но он ответил.

- Спасибо.

Все еще оставался неприятный осадок, но теперь, высказавшись, Геста почувствовала значительное облегчение. Как будто камень с души свалился. Она спросила:

- Раз уж ты не собираешься меня убивать или исполнять обещание, данное властителю, может, продолжим читать? - и добавила, наморщив нос. - И я бы от булочек не отказалась, а то как понервничаю, всегда есть хочется.

Он словно чудом избежал смерти. Мир уцелел, а он все не мог в это поверить. Не отвернулась, позвала по имени. Его. ЕГО! Сам не заметил, как

снова обернулся человеком и пробормотал, виновато опуская глаза:

- Я Зэйн.

- А я Геста.

Она улыбнулась уголками губ, и в этот момент Зэйн понял, что отдаст жизнь за одну ее улыбку. Потому что...

Потому что.

глава 29

Жизнь людей в Лабиринте подчинялась строгим правилам, от которых зависело выживание. Прежде всего, дисциплина и постоянные тренировки. Имея соседом кошмарное чудовище, надо было поддерживать хорошую физическую форму.

На долю женщин отводилась ежедневная тщательная уборка, приготовление пищи и уход за имевшейся одеждой. Одежда в Лабиринте была самой большой ценностью. Ее тщательно хранили и берегли.

Для мужчин была другая работа. Обязательные рейды за продовольствием, разведка, патрулирование, устройство ловушек и засад на чудовище. Но, кроме этого, было и еще одно великое дело.

Поселение находилось за пределами магического контура Лабиринта. Там уже не действовали заграждающие охранные руны. Поэтому, чисто теоретически, отсюда можно сделать подкоп и выйти на поверхность.

Это была призрачная, почти несбыточная надежда, но каждый день смены мужчин отправлялись рыть ход. Высвобождавшийся грунт сносили к границе, чтобы устраивать заградительные валы и ямы. Титанический труд, который, возможно, никогда не принесет желаемого результата. Но это было хоть что-то.

Тигарда и остальных белорцев почти сразу по прибытии определили в смены, рыть ход на поверхность. А он рвался в боевые отряды, отомстить чудовищу за все, отбить у него Гесту. Но вожак категорически отказывался включать его в число боевиков.

В тот день он просился снова. И снова услышал те же слова.

- Ты молод, горяч и совершенно неопытен.

- Но я же смог как-то добраться сюда! Не сожрало же меня чудовище! - выкрикнул Тигард в сердцах.

Вожак смерил его взглядом, вздохнул и стал объяснять, как ребенку:

- Ты смог добраться сюда, потому что он по какой-то причине не сожрал тебя. Не захотел, понимаешь? - потом хлопнул ладонью по столу и сказал. - Иди, парень, тебе еще тренироваться и тренироваться. У нас каждый человек на счету.

Это было обидно. У Тигарда душа огнем горела из-за того, что он вынужден отсиживаться в тылу, рыть тут как крот, а где-то в лабиринте безнаказанно разгуливает проклятое чудовище.

И тогда ему в голову пришла одна мысль.

Рабочий день в сменах продолжался по шесть часов ежедневно с двумя перерывами на обед и полдник, а время отслеживали по водяным часам*. После окончания работ, каждый имел один час личного времени. Потом для мужчин обязательные тренировки по два часа. А после этого совместный ужин, отдых по кельям и сон.

Режим дня выдерживался четко. Чтобы сбалансировать жизненные циклы, физические нагрузки и время восстановления. Без солнца и свежего воздуха организм быстро расходует ресурсы. Но Тигард был в Лабиринте слишком недавно, чтобы осознать это. Он все еще помнил как ощущается ветер на воле, солнце на коже, дождь.

Ему и остальным шестерым новичкам из Белора выделили одну келью. Они и держались все время вместе, потому что, попав в незнакомую обстановку, человек всегда ищет какой-то якорь. Вместе они были друг для друга частицей родного дома, оставшегося в прошлой жизни.

Разумеется, он тайно поделился с друзьями, однако его идею не решился поддержать никто. Слишком рискованно. Тогда Тигард решил повернуть все в одиночку.

Дождавшись, когда поселение погрузится в сон, тихо выскользнул из кельи и крадучись стал пробираться к границе поселения. Внутренние коридоры не охранялись, опасность грозила только снаружи. Ему нужно было просто не попасться никому на глаза. Удалось.

У самой границы там, где были насыпаны земляные отвалы, Тигард затаился в тени и стал ждать. Скоро должна быть смена патрулей, охранявших периметр. Мимо прошел патруль, началась пересменка. И пока происходил доклад и передача оружия, Тигард тенью скользнул наружу, вжался в стену и крепко зажмурился, боясь, что его может выдать блеск глаз в темноте или отчаянный стук сердца.

Но все закончилось благополучно. Его не заметили.

Убедившись окончательно, отошел на почтительное расстояние, а потом нырнул в первый же боковой проход. Тигард осознавал, что может потеряться, поэтому заранее запасся куском угля, чтобы пометить дорогу.

Лабиринт встретил его синеватым магическим светом и чистым сухим воздухом. Руны на стенах, на потолке, замысловатая кладка с орнаментами, высокие своды. Только тогда он не успел ничего разглядеть, а сейчас у него была такая возможность, и Тигард цепко всматривался, стараясь запоминать детали.

Первая разведывательная вылазка началась.

Вчера Зэйн просидел рядом с Гестой до вечера. После тех переживаний его затопило странным чувством, в этом было немного стыдно признаваться, но мужчина ощущал себя наплаканным ребенком, которого приголубили и взяли на руки. А на душе ясное небо после бури.

Слушал, что она читала, и почти не улавливал смысла, да это было и не важно. Потому что воспринимал он только вспыхивавшую временами улыбку, лучистый взгляд, модуляции голоса. На эти модуляции и откликалась душа.

Потом ушел спать. Спал он, конечно, опять неважно, всю ночь грезились что-то такое... на грани счастья. А к утру эйфория схлынула.

Мозг заработал четко. Теперь Зэйну не давало покоя вчерашнее внезапное появление Гелсарта. Он анализировал ситуацию, пытаясь понять, почему не заметил его сразу, раньше ведь любое вторжение немедленно замечал. Вывод был неутешительным.

Он расслабился и потерял бдительность, но не это главное. Хуже всего было то, что Гелсарт на сей раз применил неизвестную ему магию. Раз это сработало однажды, значит, он теперь будет вторгаться в их жизнь постоянно. И Зэйн пока не видел путей, как против этого бороться.

Когда по ощущениям настало утро, он пошел к Гесте. Долго думал, как ему появиться. Ящером или человеком? Как она его встретит? Новый повод для волнений. Однако все решилось само собой, Уйдя с головой в свои сомнения, он так и дошел до низа лестницы ящером, по привычке держа корзину в зубах.

Девушка ждала его на нижней ступеньке.

- Зэйн!

Осознав себя огромный неповоротливым чудовищем, замер, глядя на нее, а она засмеялась, склонив голову набок:

- Как я рада тебя видеть.

Его? Или кошмарного ящера?

Вернул себя человеческий облик и спросил глухо:

- А так?

- Ну... - сморщила носик и лукаво улыбнулась, а у него затрепетало сердце. - Конечно рада!

Зэйн сглотнул комок, сдавивший горло, а она уже с любопытством вытягивала шею:

- Ой, а что это у тебя там так вкусно пахнет?

И потянула его наверх. А потом они завтракали свежими лепешками с запеченным внутри сыром и заедали маленькими золотистыми яблочками, вымоченными в меду.

- Мммм! Вкусно... - закатывала глаза Геста.

А он все не мог отделаться от внезапно возникшего чувства, что сейчас придет Гелсарт и опять все испортит. В конце концов, Геста заметила его озабоченность и осторожно спросила:

- Зэйн, что-то случилось?

- А, - очнулся он, потрянув головой. - Так, задумался.

Она нахмурилась, отложила в миску яблочко и потерла руки.

- У тебя неприятности, да? Это из-за меня?

Нет. Она все-таки блаженная...

- Я просто думаю, как бы сделать так, чтобы Гелсарт не заявлялся сюда, когда ему вздумается.

С минуту девушка смотрела на него, приподняв бровки, а потом выдала, протягивая к нему ладошку:

- Слушай, я кажется знаю как быть!

глава 30

Как и следовало ожидать, она подсказала до предела простое решение.

- Давай натянем нить в том месте, которое он не должен пересечь?

Это было несерьезно, Зэйн попытался объяснить:

- Геста, ты понимаешь, мой отец могущественный маг, его это не задержит.

Но она будто не слышала.

- Нам ведь нужно, чтобы он не мог пройти незамеченным, - и тут она вскинула на него взгляд. - Наставник учил меня выставлять сигнальную сеть. Я могла бы...

- Какой наставник? - спросил Зэйн, почувствовав вдруг глухое раздражение.

- Наставник Лесарт, он учил меня магии, языкам, истории и многим другим вещам, - не глядя на него, сказала Геста, сосредоточенно сдвинула брови и приложила указательный палец к губам.

Она вся ушла в свои мысли, а Зэйна немного заело, что его игнорируют. Только собрался высказаться, как она сорвалась с места напрямиком к своему сундуку и вытащила оттуда соединенные цепочкой ножные браслеты.

- Вот!

- Что, вот? - уставился он на ее символ девственности.

- Вот смотри. Идеально. Парные объекты, один закрепляем на периметре, другой будет на тебе. И тогда, как только...

- На мне? Как ты себе это представляешь?

- Надо только убрать цепочку. Связь между парой объектов устанавливается магией. Я умею.

Это немного не укладывалось в голове Зэйна.

- И как проверить, работает ли твоя сигнальная сеть? - скептически спросил он.

- Только на месте.

В успех затеи мужчина не верил, но ему не хотелось обижать девушку. А пока он морщил лоб, соображая, что за глупость она затеяла, Геста уже собралась, и теперь смотрела на него сияющими глазами.

- Ну, пошли, я готова. Где будем ставить сигнальный барьер?

Зэйн подумал, если уж ставить барьер, то в его гостиной.

- Пошли.

Он уже обернулся ящером, и только тут понял, глядя с высоты своего гигантского роста на ее маленькую фигурку. Вот незадача. Его гостиная была далеко отсюда. Это ему несколько минут, а ей идти и идти. Обернулся обратно.

- Черт. Это далеко, - сказал, хмурясь.

- Ничего страшного, я дойду. - кивнула Геста, продолжая смотреть ему в глаза.

А у Зэйна в голове завертелись мысли.

В принципе... Он мог бы донести ее в зубах.

Если очень аккуратно, он ее даже не поцарапает. Но решится ли она на такое?

- Я могу донести тебя... - начал он не совсем уверенно.

У девушки зажглись глаза и даже рот приоткрылся, она восторженно пролепетала:

- На спине?

???

Зэйн слегка завис, неожиданно ощутив себя придурком, но потом подумал, что так, наверное, будет проще, чем в зубах, и прокашлявшись ответил:

- Да.

Очень странно было чувствовать ее невесомое тело на своей спине. Огромный ящер в дурном сне не мог себе представить, что такое может случиться. Но сейчас он осторожно нес драгоценную ношу и это было... Таинственно. И почему-то рождало гордость и запретные желания. У него не было объяснений.

Но все быстро закончилось, потому что они пришли.

Осталось преодолеть несколько пролетов широкой лестницы, на самом верхнем уровне Зэйн ссадил девушку на пол и обратился.

- Ты здесь живешь? - спросила она оглядываясь.

Здесь, как и в остальных залах Лабиринта, не было дверей. Все пространство было подстроено под габариты ящера и разделялось только широкими проемами и уровнями. Но убранство его гостиной было намного богаче, чем та спальня, в которой он ее поселил. Осознав это, Зэйн испытал некоторое смущение. Он отошел чуть в сторонку и проговорил:

- Да.

- Давно?

- Двадцать два года, три месяца и семнадцать дней.

Глаза у Гесты округлились.

- А в той комнате, где я живу, кто жил?

- Это моя спальня.

- О... - шевельнула бровками она и покраснела.

Казалось бы, ничего не произошло, но Зэйн почувствовал, что его будто ошпарило от этого тихого возгласа. Это было слишком интимно. Слишком!

- Кхम्म. - прокашлялся он, отворачиваясь, чтобы скрыть свое волнение. - Сеть.

- Да, сеть, - пробормотала девушка. - Где будем устанавливать сигнальный барьер?

Зэйн в это время смотрел на узкую и крутую лестницу, что вела наверх к двери из заговоренного серебра. Мстительная мысль созрела мгновенно.

- Здесь.

Она поставила на пол корзину и вытащила из нее ножные браслеты.

- Только сначала их надо разъединить. Сможешь? Наверное, надо какие-то инструменты?

Зэйн подошел.

- Дай сюда.

И одним движением разорвал толстую золотую цепочку, а потом просто отщипнул пальцами висящие концы. Теперь это были два отдельных браслета полированного золота.

- Какой ты сильный, - с какой-то смесью благоговейного ужаса и восхищения прошептала Геста.

И опять его накрыло это ощущение, словно волна прокатывающегося жара и ледяные искры под ребрами.

- Я же чудовище, - глухо пробормотал он, отдавая ей браслеты.

И отошел. Потому что ее восхищенный взгляд творил с ним странные вещи. Запретные.

А девушка пошла к тому месту, на которое он указал, положила браслеты на пол, закрыла глаза и принялась творить заклинание. Сначала ничего не происходило, только бело-золотое свечение лилось с ее пальцев, да губы шевелились. Но в какой-то момент браслеты откликнулись свечением и поднялись вслед за ее руками, как будто сквозь тело девушки проходила невидимая нить, на которой они держались.

Несколько секунд, потом все закончилось, браслеты снова опустились на пол.

Геста открыла глаза.

- Ну вот, - проговорила с бледной улыбкой. - Теперь надо как-то закрепить один браслет здесь, другой надеть на тебя.

Зэйн подумал, что девушка устала и со злости на Гелсарта просто впечатал один браслет в каменную кладку. А второй все вертел в руках. Потом сказал:

- Закрепить на меня не выйдет, стоит один раз обернуться, браслет разлетится к чертям.

- Но твоя одежда? Она же не разлетается... - начала Геста.

- Моя одежда специально зачарована, она изменяется вместе со мной.

- А у тебя есть карман?

- Карман? - переспросил Зэйн.

И уставился на браслет, чувствуя себя умственно отсталым, в который раз за этот день.

глава 31

Парный браслет - сигналка был благополучно водворен в карман брюк, а Зэйну оставалось только покачать головой и усмехнуться.

- Какой же я несообразительный.

- Нет, это оттого что ты слишком долго живешь здесь, - вскинула тоненькую ручку она. - У тебя просто не было необходимости ничем таким пользоваться.

Девушка говорила, а Зэйн смотрел в ее глаза и опять улавливал больше модуляции голоса и оттенки эмоций, чем сами слова. Очнувшись, проговорил:

- Наверное, ты права. Зачем ящеру карманы?

Глаза девушки разом вспыхнули, она хихикнула, приложив пальцы к губам. Потом она сказала:

- Надо бы посмотреть, как сигнальный барьер действует. Может, придется подправить что-то.

Однако опробовать его можно было только в случае, если пожалует в гости властитель. А показывать отцу девушку Зэйн лишний раз не собирался. Одна только мысль что Гелсарт снова будет смотреть на нее, как на свою собственность, вызывала глухое рычание у него в груди.

Думая об отце, Зэйн испытывал устойчивое желание спрятать ее, увести оттуда как можно скорее. И в то же время очень не хотелось, чтобы Геста уходила. Она уже жила в Лабиринте две недели, но впервые была на ЕГО личной территории.

Противоречие разъедало душу. Зэйн может, и хотел бы оживить разговором повисшее напряжение, но слова, как назло, не шли. Шутливая обстановка постепенно сменилась неловким молчанием.

Словно почувствовав его состояние, девушка повела плечиком и отошла. стала рассматривать обстановку. Глядя, как она ходит по его гостиной, иногда касаясь предметов рукой, Зэйн замер и затаил дыхание. И пусть она стояла на другом комнаты, мужчине казалось, он кожей чувствует эти прикосновения.

Это было интимно.

Его снова начало накрывать этим ощущением, которому он не мог дать определения. Хотелось подойти, оказаться рядом, ощутить на себе ее руки. Он и сам не заметил, как подошел совсем близко.

Вдруг Геста повернулась.

Зэйн уловил смятение в ее глазах и вспыхнул мгновенным жаром, даже дыхание сбилось. И так же мгновенно пришло отрезвление. Гореть ему этим пламенем изнутри!

Проклятое обещание.

- Я, наверное, пойду? - неуверенно пробормотала Геста, опуская голову и хотела обойти его.

Быстрее, чем осмыслил, перехватил ее за руку. Не дать уйти, прижать к себе, выпить...

Нельзя. Будь он проклят. Нельзя.

Несколько секунд боролся с собой, потом проговорил.

- Я провожу.

В этот раз он не спешил. Вслушиваясь в ощущения, ворочавшиеся в груди, огромный ящер нес на себе легкое как пушинка тело, и пытался размышлять.

То, что казалось ему сначала хорошей идеей, теперь все больше напоминало тупик. Тупик, в который он загнал себя сам. И ни выхода, ни просвета. Клятва сковывала его по рукам и ногам.

А на подходе к месту, которое он уже привык мысленно называть ее домом, вдруг понял, что девушка заснула. Стала заваливаться на бок и чуть не соскользнула. Зэйн пришел в ужас, что она упадет с высоты его огромного роста и разобьется. Он мгновенно перекатился на спину, подхватывая ее и на ходу обрачиваясь человеком.

Сложное заклинание магического барьера отняло у Гесты много сил. Лесарт учил ее создавать ставить охранительную сеть и создавать артефакты, несущие охранную функцию, а тут она постаралась объединить это, потому и выложилась по полной. И теперь она, мерно покачиваясь, ехала на спине огромного ящера, а глаза сами собой стали слипаться. Девушка не заметила, как провалилась в сон.

Там, во сне, был взрыв света. И огонь. Что-то рушилось вокруг. Она кричала...

Очнулась внезапно.

Чтобы обнаружить себя у Зэйна в руках, Он лежал на спине прямо посреди зала, она на нем. Мужчина явно был ошарашен, потому что глаза

его стали совершенно золотыми, а зрачок вытянулся в ниточку.

А, какой кошмар... Уставилась в его глаза и залепетала:

- Я... прости, я такая неловкая... Я не понимаю, что со мной случилось.

- Ничего страшного, - проговорил он наконец. - Ты просто заснула и чуть не упала.

Но рук так и не отпустил.

Вернее, отпустил, но не сразу. Геста выкарабкалась и подскочила, поправляя волосы, рассыпавшиеся по плечам. А он еще какое-то время сидел на полу, глядя куда-то в одну точку. Потом резко встал, все также отводя взгляд. Гесте показалось, что Зэйн обиделся. И сразу защемило сердце, вдруг он сейчас уйдет.

Потому и сказала первое, что пришло в голову:

- Зэйн, - протянула она к нему руку. - Может, зайдешь? У меня там еще остались те вкусные лепешки. И яблоки в меду. А потом почитаем?

Он повел себя немного странно. Медленно поднимал голову, как будто из воды выныривал. Потом провел пальцами по лицу и наконец вскинул на нее взгляд.

- Хорошая идея. Я бы поел. Точно.

- Так ты на меня не сердись? - выпалила она, просияв от внезапного облегчения.

Ответил не сразу. Непонятная ей усмешка, какая-то горько-сладкая, скользнула по его губам:

- Ну, где там твои лепешки?

Когда пришли к ней, Геста принялась вытаскивать на стол всю еду, которая у нее оставалась от завтрака и со вчерашнего дня, а Зэйн попросился в ванную. Вернулся с мокрыми волосами и выглядел так, будто только что совал голову под воду.

На ресницах дрожали капли, стекали с кончиков волос, Геста невольно засмотрелась. Чтобы скрыть свое замешательство, спросила:

- Ты не простудишься?

Хотела дать ему полотенце, но он качнул головой и направился к столу.

На этот раз они сидели за столом друг против друга. Как настоящая семья. Зэйн молча ел, а Геста тайком поглядывала на него и не могла отделаться от мысли, что это, в общем-то, ее муж. И он казался ей таким... Красивым. И непонятным, и загадочным, и...

В этот момент произошла сработка.

Браслет, лежавший в кармане Зэйна завибрировал, издавая

мелодичный звон. Оба мгновенно вскинули голову, а в следующую секунду Зэйн, обратившись ящером, тенью метнулся и исчез на лестнице.

Еще со вчерашнего дня властитель испытывал глухое бешенство. Жгучее желание вернуться и как следует отвозить мальчишку отравляло все, и сон, и аппетит.

Потому что вчера, увидев Зэйна сидящего рядом с девушкой, сразу понял, что тот делает. Хитрый сукин сын! Это же самый верный способ влюбить в себя девчонку, постоянно отираясь рядом и изображая невинную дружбу.

Понимая, что в очередной раз недооценил сына, Гелсарт готов был локти кусать, что доверился Зэйну. От этого чешуйчатого уroda ему нужно было только брошенное в девушку семя. И то, потому что так предсказал Оракул. И потому что собственное семя Гелсарта из-за проклятия было бесплодно.

Ничего больше! Если бы не это, никогда бы Зэйн ее не увидел.

А вместо того, чтобы быстро и просто сделать свою работу, этот щенок медленно подбирался к ней. Втирался в доверие, чтобы угнездиться в ее сердце. Гелсарт помнил ее взгляд, как она, увидев его, в первый момент неосознанно подалась к Зэйну. И скрипя зубами от досады, осознавал, что упустил контроль над ситуацией.

Впрочем, наверстать потерянное было несложно. Достаточно девчонке оказаться в его руках, и она быстро забудет Зэйна. Гелсарт знал, как доставить женщине наслаждение. Сделать ее рабой своего тела, превратить в послушный воск.

Все та же досада не давала ему успокоиться. Его так и подмывало пойти и проверить, что они там делают. Он сдерживал себя весь вечер. Ночь провел с наложницами, пытаюсь сбросить напряжение жестокой игрой. Но мысль, засевшая в голове колом, не давала покоя. Наконец, протомившись еще пол дня, он не выдержал и, накинув на себя невидимость, спустился вниз.

Однако, стоило ему открыть дверь из заговоренного серебра и ступить на лестницу, ведущую вниз, как он почувствовал неладное. Шлейф магии. И очень сильный.

Опять отбросивший его в далекое прошлое, когда он преследовал мелькнувшую перед ним женщину и потерял. Тот же самый отголосок. Гелсарту показалось, он сходит с ума. Стал медленно спускаться вниз, прислушиваясь к ощущениям. А у низа лестницы просто застыл.

Вот оно. Источник магии, откуда расходились незримые, но осязаемые волны. Морок невидимости сошел с него в тот же миг. Гелсарт коснулся рукой лба, не веря, что такое возможно.

И в это мгновение перед ним, явившись ниоткуда, словно тень, предстал Зэйн. И замер напротив. Глядя ему в глаза, ящер медленно сменил обличье, становясь человеком. Прищурился, склонив голову набок.

- Отец? Чему обязан?

Гелсарту хотелось применить родовую власть и просто размазать щенка по стенке. Но почему-то он не мог. Зэйн словно стоял за невидимой чертой, которую он не в силах был пересечь. Гелсарт провел ладонью по лицу, стараясь подавить изумление и досаду, и дробно рассмеялся.

- Пришел в гости. Не хочешь пригласить?

Зэйн все также продолжал смотреть на него, а потом сложил на груди и покачал головой.

- Нет.

Властитель чуть не задохнулся от его наглости.

- Да ты...! - сжал кулаки и подался вперед.

Однако невидимый барьер удерживал его прочно. Гелсарт опустил глаза сначала на пол, туда, где проходила эта невидимая, не пускавшая его черта. Потом на стену, где впаянной в камень пластиной блестел кусок золота, от которого расходилась волнами так поразившая его магия. Потом перевел взгляд на сына.

Тот смотрел исподлобья, неуловимо напрягшись, как перед броском.

- Ты об этом пожалеешь, - процедил Гелсарт.

Зло выдохнул и стремительно ушел.

глава 32

Стоило отцу подняться по лестнице и с шумом захлопнуть за собой дверь из заговоренного серебра, Зэйн вскинул обе руки и подпрыгнул на месте. А потом с наслаждением показал неприличный жест, который подсмотрел у людей, выживших смертников, которые теперь раз за разом устраивали охоту на него самого. Он никогда раньше не понимал его смысла, зачем они, спрятавшись от него в своих норах, тычут себе в локоть и выбрасывают вверх кулак. А тут вдруг сразу понял.

Он только что поймел отца. Нет, они с Гестой его вдвоем поймали!

Если бы не она, он никогда не смог бы заставить Гелсарта повернуть назад.

Достаточно было вспомнить ошарашенную физиономию отца, когда тот понял, что не может переступить магический барьер, как Зэйн задрал голову к потолку и расхохотался.

...Не хочешь пригласить?...

Нет! Не хотел! Не испытывал ни малейшего желания!

И теперь мужчину распирало от эйфории. Не чуя под собой ног от радости, он поспешил поделиться новостью с Гестой.

Зэйн умчался, она успела только проводить взглядом мелькнувшую тень, в очередной раз поражаясь, какой он при своих гигантских габаритах ловкий и быстрый. Перемещения ящера выдавал только легкий шелестящий звук. Как будто порыв ветра на сухой траве.

Однако впечатления быстро рассеялись, стоило ей вспомнить о причине.

Сработка сигнального барьера означала, что к ним опять наведалься властитель Гелсарт. При мысли о нем Геста невольно сжалась, представляя себе мысленно не того высокого сухощавого мужчину довольно приятной наружности, а страшного змея. Гигантского, с огромной пастью, полной ядовитых зубов, с телом, свитым кольцами, каждое из которых способно раздавить ее, как червя.

Девушка содрогнулась, страшно стало за Зэйна.

Невольно вспомнились слова наставника Лесарта:

- Страх - это оружие. Великое и сильное. Научись владеть этим

оружием и будешь владеть миром. Овладев своим страхом, ты сможешь владеть собой в любой ситуации. Овладев страхом других, станешь владычицей.

Еще тогда ей показались странными слова учителя. Почему он так сказал?

Владычицей...

Она никогда не хотела становиться какой-то там владычицей. А теперь, вспоминая властителя Гелсарта, просто покрывалась мурашками от страха и отвращения. Браслеты эти его обручальные, которые она запрятала поглубже, на самое дно сундука. Невольно оглянулась, как будто могла их увидеть.

Повернулась снова, уставилась на стол и выдохнула, стараясь подавить возникшее в груди тревожное чувство. Но безотчетный страх все разрастался, потому что время шло, а Зэйн не возвращался. Тысячи подозрений начали всплывать, ей уже стало казаться, что Гелсарт в гневе может сделать с Зэйном что-то ужасное...

Она уже вся нервами изошла, когда он внезапно появился. С разбегу взлетел лестнице, на ходу обращаясь из громадного ящера человеком, и выкрикнул, вскидывая руки:

- Получилось! Получилось!

И тогда Геста, не помня себя от счастья и невероятного облегчения, бросилась ему на шею. Смеясь и плача, целуя его в обе щеки.

Он неожиданности Зэйн застыл. Она смялась, залитые слезами глаза светились радостью. Она висела, уцепившись за его шею руками и... она ЦЕЛОВАЛА его...

Что-то лепетала, он не воспринимал, не слышал.

Надо было снять ее с себя отбросить, бежать. Но его словно парализовало. Не пошелиться.

Но тут Геста, почувствовав, что ним творится что-то неладное, вдруг остановилась, смущенно ойкнула и стала сползать, отпуская его шею.

Нет! Отпустить нельзя!

Он судорожно стиснул руки, прижимая к себе. Замер, вглядываясь в ее распахнутые глаза, и очень осторожно прикоснулся к приоткрытым губам. А потом просто пропал, утонул в ощущениях, забылся. Словно уплыл куда-то, где солнце, птицы, цветы... Счастье.

Выныривал медленно, тягуче. Заставляя себя вернуться. Прижал голову девушки к своей груди и затих, переполненный хмельной радостью,

которой не знал названия.

Зэйн никогда прежде не целовал женщину.

Драл, трахал, насаживал на себя, а после, освободившись, выбрасывал, стараясь подавить чувство гадливости. Все его наложницы доставались ему после Гелсарта. Обносками отца считал он их. Ему бы не пришло в голову целовать какую-то из них. Да и им тоже. Женщины до истерики его боялись, какие уж тут поцелуи.

А сейчас Зэйна штормило от потрясения, дыхание разрывало грудную клетку, но...

НО! Он выпил этот глоток жизни и понял, что мир не рухнул. Что может взять немного счастья. Этого ему хватит. Хватит...

Пока. А потом что Бог даст.

Степные земли закончились, дорога пошла через лес. Ехали Лесарт с Солгаром и раньше не так, чтобы очень быстро, как будто никуда особо и не торопились, а теперь и вовсе пришлось сбавить темп. Лесарт был как всегда молчалив и в своей неизменно загадочной манере скользил взглядом по окрестностям, замечая что-то одному ему понятное.

Солгар уже привык молчать рядом с ним и делать собственные наблюдения. Сначала, чтобы не чувствовать себя совсем уж ущемленным, из-за очевидного умственного превосходства наставника, а потом просто втянулся. Ибо наблюдать за миром, подмечать его детали интересно.

Но еще интереснее делать выводы.

В этот конкретный момент он размышлял, мысленно возвращаясь к разговору, произошедшему пару дней назад. Разговор снова зашел о прошлом, Солгара не отпускала эта тема. Хотелось все-таки достроить картину.

В принципе, в том, чтобы убить брата на охоте, царевич не видел ничего особо удивительного. Ради власти люди шли на большие преступления. Хотя, куда уж больше, чем братоубийство, но в этом вопросе Солгар мыслил масштабно. Для царства жизнь одного человека не имеет особого значения, если, конечно, это не жизнь правителя. Тут да...

Еще раз взглянув украдкой на Лесарта, подумал, интересно, что бы было, если бы трон занял он? Впрочем, зачем рассуждать о том, чего не было, гораздо важнее то, что было.

Воспоминаниями Лесарт делился неохотно, видимо, они доставляли ему боль. Солгар видел, что он пересиливает себя. Но царевича интересовало все, что касалось чудовища. И, конечно же, прошлого матери

Гесты. Потому что не бросают люди все просто так и не исчезают из своей обычной жизни, чтобы потом сделаться рабынями где-то за тридевять земель от дома и умереть в неизвестности и нищете. Для такого шага должна быть более внятная причина, чем просто какое-то туманное далекое предвидение.

Об всем этом он и спрашивал Лесарта два дня назад.

- И все-таки, - спросил царевич, морща брови. - Зачем Ивалион было скрываться несколько лет, забираться так далеко на север, она же могла просто укрыться в Салимском храме, где и жила до того? Кстати, а как она в Салимский храм попала? Ведь, я так понимаю, она была сиротой?

Лесарт странно глянул на него, пожевал губами и, проигнорировав его вопрос, спросил:

- Как по-вашему, царевич, от чего или от кого женщина может так скрываться?

- Ну... - начал Солгар, собираясь сказать, что причин может быть много.

И осекся, потому что Лесарт смотрел ему прямо в глаза, и в его взгляде светилась странная мысль, которую он, как ему показалось, прочитал.

- От мужчины, - пробормотал Солгар.

Лесарт кивнул и отвернулся.

- Которого она боялась, - Солгар продолжил мыслить вслух.

- Или любила, - тихо ответил Лесарт.

- Что?! - чуть не взвился царевич, когда до него наконец дошел смысл.

- Она любила Гелсарта? Когда ж она успела? А вы?! Вы знали... все знали и... Любили ее.

- Я уважал ее выбор.

Горькая улыбка скользнула по губам наставника, отражаясь болью и странным светом во взгляде. Некоторое время царило молчание, потом царевич спросил:

- А ваш брат, Гелсарт, он знал?

- Нет.

И опять молчание. Но был еще один вопрос, сильно волновавший царевича.

- Наставник, скажите, вы потом, ну, я имею в виду, после... э... после вашей официальной смерти бывали в Киремосе? Видели властителя Гелсарта? Или чудовище?

Наставник выдохнул, поморщился, но сказал:

- Да на все три ваших вопроса.
- А ваш брат, он видел вас, знает, что вы живы?
- Нет, не знает.

Односложные ответы не слишком располагали к продолжению беседы, но Солгар решил проявить настойчивость.

- А чудовище? Вы видели чудовище?

Лесарт и на этот раз кивнул.

- Видел.

- И... какое оно?

- Оно? - вскинул брови наставник, хмыкнул и обернулся. - Его зовут Зэйн. Сейчас это должен быть молодой мужчина, который из-за наложенного на него проклятия не может обрести свою истинную суть.

И опять это было за пределами понимания царевича, вопросы посыпались из него, как из дырявого мешка.

- Но разве он не страшное чудовище, пожирающее людей?

Наставник искоса взглянул на него и ответил уклончиво:

- Насколько мне известно, людей он не ест, но да, его животная форма чудовищна.

Солгар некоторое время молча осмысливал сказанное наставником, потом наконец понял, что именно зацепило его.

- Так. Простите, мне надо уточнить. На кого же было наложено проклятие? Я думал на Гелсарта...

- Гелсарт стал бесплоден. А проклятие легло на Зэйна.

Царевичу показалось, у него язык отнялся. Спустя какое-то время он все же спросил:

- Откуда вы знаете?

Тот пожал плечами и ответил просто:

- Мне известен смысл проклятия.

На этом разговор прервался. Лесарт не стал упоминать о том, что ему известен также и скрытый смысл двух первых предсказаний Оракула. Он не знал точного значения смысл последнего третьего предсказания. Надеялся, сомневался, хотел верить, что угадал, очень боялся ошибиться. Потому и ехал, чтобы убедиться на месте.

И, когда настанет время, вмешаться.

Но разговор с царевичем, его упорное желание докопаться до истины... Это разбередило Лесарту душу, заставив его переживать все заново.

Как взрослеют женщины? Почему это происходит мгновенно и

неожиданно? Еще вчера он любовался на юную Иву, замечая, как меняется резвое дитя, становясь девушкой. Был другом и страшим братом, не отдавая себе отчета в том, что давно уже Ива поселилась в его сердце и просто ждал, терпеливо ждал, когда она вырастет. И что? Заметит и полюбит его?

Сейчас Лесарт мог только горестно усмехнуться.

В одно прекрасное утро она пропала. А вернулась через неделю совершенно другая. Повзрослевшая, серьезная, знающая. Сожженной душой. Непреклонная решимость была написана на ее лице, будто отныне вся ее жизнь подчинена единственной цели, ради которой она готова похоронить себя.

Для Лесарта это был удар. Думал, после того, как его убил родной брат, ничего больше не сможет ранить его так сильно. Но он все еще был другом ей, а друзья существуют для того, чтобы разделить с ними горе.

Она рассказала ему все. О том, что видела во сне Гелсарта. Как ходила на него смотреть и поняла, что безнадежно влюбилась. А когда он заметил ее и бросился следом, убегая, Ива вдруг увидела в пророческом видении свою дочь. В ее предвидении Гелсарт смотрел на девушку жадным взглядом и одевал ей на запястья брачные браслеты. А еще она явственно видела рассеченное на куски тело, сожженное в огромной жаровне, растерзанных женщин, горы трупов...

Ива содрогнулась, понимая, что человек, которому она отдала свое сердце, чудовище. Чтобы скрыться от него в тот момент, ей пришлось применить магию. Но Ивалион и сейчас боялась, что этот страшный человек найдет ее, где бы она ни была. А потом заберет себе ее дочь.

Лесарт тогда готов был на все, чтобы защитить Иву, но она взяла с него слово, что он сохранит ее тайну. А потом она просто исчезла.

Он долго не мог понять и смириться. Чувствовал себя опустошенным, убитым. Тогда странствующий жрец, видя его смятение, открыл ему тайну Гелсартова проклятия и двух предсказаний. После этого Лесарт ходил в Киремос убить Гелсарта и не смог. Потому что увидел мальчика, его сына. Лесарт тогда просто ушел.

А спустя время ему было видение, которое заставило его разыскать в северных землях мужчину-воина и быть с ним рядом. И с болью в сердце смотреть на то, как распорядилась судьба. Впрочем, Ива все равно была потеряна для него. Но она просила сохранить все в тайне. Он дал клятву.

Случилось то, что случилось. Что значат для неумолимой судьбы слезы чьей-то души? Он сделал все, чтобы сохранить и обезопасить дочь Ивы, Гесту.

Но зачем-то же даются пророческие видения?! И почему они

неполные, как будто единая картина оказалась разделена на куски, и эти куски были у разных людей?

В том ли его предназначение, чтобы собрать эти куски воедино?

В таком случае, у него нет права на ошибку, и да поможет ему Господь.

Он тяжело вздохнул и склонился на ехавшего рядом Солгара. Хорошо, что в этом деле у него есть помощник. А помощник в это время, разинув рот и наморщившись, разглядывал пеструю сойку в ветвях. И не заметил, как чуть натянул поводья влево. Конь послушно повернул и уперся в куст на обочине, оттуда, заполошно хлопая крыльями, прямо на них выпорхнула куропатка.

Лесарт долго давился беззвучным смехом, припоминая, как шарахнулся белогривый конь, а царевич с вытаращенными глазами вылетел из седла. Помощник...

Потом сказал, как ни чем не бывало:

- Сегодня вечером мы пересечем границу Гелсартова царства. Дальше дорога пойдет по людным местам.

глава 33

В первый момент, когда Гелсарту пришлось позорно ретироваться, потому что мальчишка не пожелал его впустить, он сгоряча ушел и долго метался по террасе, мрачный и страшный, как песчаная буря в ночи. Однако ослепляющий гнев прошел, и родилась жажда мести.

Активировать ловушку и убить гаденьша к чертям, было первой мыслью. Но. Властитель громко и зло расхохотался. Чудовище был ему нужен. Одним фактом своего существования Зэйн обеспечивал полную покорность всех окрестных царств. Заменить Зэйна было некем, значит, без крайней на то необходимости убить его нельзя.

Черт бы его побрал!

Мелькнула мысль заморить его голодом, чтобы знал свое место в другой раз. Но и этого Гелсарт делать не стал. Свежайшая еда для Зэйна человека подавалась ежедневно прямо из дворцовой кухни, посредством магии через перемещательный шкаф. То же самое с едой для ящера.

И участвовало в этой процедуре целое полчище людей. Слишком много, чтобы это осталось незамеченным. Гелсарт знал по опыту, как мгновенно распространяются нежелательные сплетни. Быстрее, чем летят головы. Ни к чему были слухи, что чудовище перестали кормить и оно подохло.

Придется проглотить?! Стерпеть оскорбление, открытое неповиновение и объявление войны?! Рев вырвался из груди властителя, а в каменные плиты террасы ударили сорвавшиеся с его ладоней молнии. Он готов был раздавить Лабиринт изнутри.

Но. Там была девушка!

При мысли, что обладание ею откладывается не на неопределенный срок, властитель испытывал жестокую досаду. Неудовлетворенность плоти терзала его, порождая в мозгу странные видения. То, что он ощущал к этой девушке. Какая-то непонятная привязка, жажда, он не мог себе объяснить. Он и не хотел. Какие объяснения, если она должна была принадлежать ему? Она и ее ребенок.

И это, будь оно проклято, зависело от Зэйна.

Значит, на этот раз ему придется проглотить, стерпеть. Властитель знал, что победа все равно будет за ним, на его стороне опыт и сила.

Но было еще кое-то. Чужая магия. Барьер. Хоть у властителя и

скрючивались пальцы от желания немедленно расправиться с сыном, однако странное ощущение от той магии, сковавшей его в Лабиринте, не давало ему обрести обычную уверенность.

Это было смутно знакомое. Нечто сродни тому, чем обладал странствующий жрец Салимского Оракула. Но не совсем. Что-то неуловимое, чему властитель не знал названия. А оттого, что не смог ни преодолеть незнакомую магию, ни определить, в его груди против воли заворочался затаенный страх. И это злило Гелсарта еще больше.

Творилась какая-то чертовщина, и в ней надо было разобраться.

Поэтому, успокоившись немного, властитель решил отложить наказание Зэйна до того момента, когда сможет лучше осмыслить, разобраться, что именно произошло прежде, чем повторять попытку.

И все же, успокоившись, он сходил в то место, где под замком хранился артефакт, активирующий смертельную магическую ловушку, которая должна было оборвать жизнь чудовища. Стоял и смотрел, даже провел по нему пальцами, желая ощутить ток жизни. Потом убрал руку, закрыл все, и ушел.

Прошла неделя.

В тот день, после эйфорического глотка счастья Зэйн ощущал себя переполненным и пьяным от эмоций. Это было ново, необычно, неожиданно. Он даже не смог долго находиться с Гестой рядом. Сбежал.

Потому что надо было разогнать кровь, почувствовать ветер на коже. Если бы у него были крылья, взлетел бы и носился в небе, как сумасшедший.

Но крыльев не было, потому громадный ящер ветром мчался по Лабиринту, а к ночи пришел в то единственное место, где он мог размышлять о жизни. Туда, где в каменном ларце хранилась его смерть, ожидающая своего часа магическая ловушка.

Здесь он еще не так давно клялся себе, что не коснется девушки, станет защитником и другом.

А сегодня он ее коснулся. И теперь назад пути нет. Но... Если гром не грянул над его головой и земля не поглотила его живьем, значит, он может позволить себе эти маленькие глотки счастья?

Глупо было спрашивать ответа у каменного ларца. Ларец молчал, а Зэйн, посчитав, что его молчание можно принять за знак согласия,

наполнился радостным предвкушением, вновь почувствовав себя юным и чистым. А жизнь началась сначала, словно не было двадцати двух лет заточения, и он никогда не был чудовищем.

Гелсарт после того случая больше не появлялся. На другой день Зэйн сначала ждал его повторного визита каждую минуту, но потом поверил, что отец решил оставить их в покое хотя бы на время. И смог наконец вздохнуть полной грудью.

Ощувив себя в безопасности, они с Гестой больше не прятали своих чувств друг от друга. Зэйн приходил с самого утра и оставался с ней весь день. Они вместе ели, читали, занимались ерундой, смеялись. Целовались, как безумные, и носились по всему Лабиринту.

Это было самое счастливое время в их жизни.

А когда Геста пела, он сидел рядом, затаив дыхание, перебирая ее тонкие пальчики. И пусть его выкручивало от ее близости, а ночами он со стоном просыпался на скомканных простынях, весь в поту от желания. Зэйн готов был терпеть все, гореть на этом медленном огне. Потому что днем он мог пить эти блаженные глотки жизни. Этого ему пока хватало. Пока... Он не знал, сколько еще продержится, не хотел заглядывать в будущее. Ему было хорошо здесь и сейчас.

Выходить каждую ночь на разведку стало для Тигарда привычным занятием. А теперь, внимательно изучив график смен караула в отрядах охраны периметра, он улучил момент и выбрался сразу после смены, в свой час личного времени.

Потому что вчера ночью, обходя залы, в которых не бывал раньше, он заметил в потолке одного из них нечто, весьма напоминавшее вентиляционное отверстие. Встав точно под ним долго вглядывался и так и эдак. Тигарду показалось, что он видит там звезды, совсем как со дна глубокого колодца.

Дрожь возбуждения после такого открытия била его потом всю ночь, но наутро, успокоившись, Тигард понял, что нельзя доверять первому впечатлению, оно могло быть ошибочным. Слишком соблазнительно было бы принять желаемое за действительность.

Свое открытие Тигард решил проверить днем, пока светло, пока еще солнце есть на небе. Делиться он ни с кем не стал, пошел как обычно в одиночку.

Уже на подходе к залу услышал странный шум и не поверил, а сделал несколько осторожных шагов, застыл, пораженный зрелищем до глубины души. Сначала он зажмурился и изо всех сил впился ногтями в ладони. Но тут же снова открыл глаза.

Тигард увидел Гесту.

Она сидела верхом на ящере, подгоняя огромное чудовище пятками. А кошмарный ящер, раззявив пасть, полную огромных клыком, носился, как... как... Щенок или жеребенок! Остолбенев, не веря своим глазам, Тигард смотрел на смеющуюся девушку и приходил в ужас.

Вдруг ящер в одно мгновение как-то неуловимо обернулся человеком. И обнял Гесту, а она его. А потом они стали целоваться...

Этого Тигард не смог выдержать, он громко вскрикнул и побежал прочь, не разбирая дороги.

глава 34

Крик заставил Гесту обернуться. В душе все всколыхнулось.

- Тигард! Ти!! - стала кричать она. - Ти! Не бойся, Ти! Куда же ты! Брат!!!

Но тот уже успел исчезнуть и так и не обернулся.

- Ти... - слезы брызнули у нее из глаз, она поникла в объятиях Зэйна.

А тот стоял напряженный и мрачный, прижимая девушку к себе так, как будто кто-то пытался отнять ее у него.

Это было как гром среди ясного неба, и это показывало, насколько он утратил бдительность и контроль над собой. К ним подобрался практически вплотную, а он и не заметил. Зэйн злился на себя и никак не мог найти себе места от охватившего его внезапного тревожного чувства.

Просто, все эти дни до этого девушка нет-нет, да и спрашивала о своем молочном брате и об остальных, прибывших сюда вместе с ней. Он всегда отвечал односложно:

- Они живы. С ними все в порядке.

Стоило ей завести речь, что их надо искать, отвечал однозначно.

- Потом, еще успеем. Никуда они отсюда не денутся, - говорил он, посмеиваясь, и показывал на глухие каменные стены своей подземной тюрьмы - Лабиринта.

А после сразу же старался отвлечь. И надо сказать, ему хорошо это удавалось.

Разговоры вызывали у Зэйна глухую ревность. Умом он понимал, что эти люди могут быть важны для Гесты, потому что она все-таки блаженная. Слишком добрая и чистая, Зэйну моментами даже не верилось, что она может быть настоящей. Но Геста, такая как она есть, принадлежала ему. Только ему! Не готов он был ею ни с кем делиться.

А сегодня все случилось внезапно. И как все в его жизни, самым худшим образом из всех возможных.

- Зэйн, - наконец подняла к нему заплаканное лицо Геста. - Почему?

Он осторожно провел ладонью по мокрой щеке девушки, оглядываясь в ту сторону, куда удрал парень:

- Тишшш, на надо плакать. Он просто...

- Он испугался! Ты понимаешь? Но я же... Я же говорила ему, что бояться нечего...

Сбивчивая речь словно отняла у девушки все силы. Она тяжело вздохнула и, всхлипывая, уткнулась лицом в его грудь, переживая, почему брат ей не поверил.

Зэйн прекрасно понимая, отчего парень сбежал, едва не навалив в штаны от страха. Мрачно усмехнувшись своим мыслям, он уставился в дальний конец зала и, преодолевая собственное тревожно тянущее чувство в груди, проговорил:

- Ничего страшного не случилось.

Но Геста все равно не могла успокоиться, ее трясло от волнения. Увлеченная своими радостями, она начисто забыла о том, что говорил ей наставник Лесарт. А теперь, увидев Ти, горько сожалела, как могла быть такой слепой и эгоистичной.

- Зэйн, где теперь его искать? Умоляю, скажи, если знаешь. Давай найдем его, Зэйн!

Он только крепче стиснул руки, прижимая к себе девушку, в которой сейчас для него сконцентрировался весь мир. Предчувствие прошло по нему судорогой. Конечно же, он знал, где искать людей, живущих в Лабиринте. Но даже если он согласится, к чему приведет эта встреча?

Стоило только на секунду представить, что они наговорят ей, и ему стало страшно, что его счастливый мирок может рухнуть. Что Геста отвернется от него. Но она плакала... Зэйн выдохнул, закрывая глаза.

- Хорошо, я отведу тебя туда, - сказал он и, с болезненной жадой вглядываясь в ее глаза, добавил. - Но завтра.

Девушка подняла на него сияющий взгляд, в котором светилась благодарность, проговорила:

- Спасибо. Ты лучший...

И затихла, обхватив его тоненькими руками-веточками.

В тот день он ушел к себе позже обычного. А до того весь вечер был задумчив и все обнимал Гесту, словно боялся выпустить хоть на минуту. А неохотно покидая ее, подспудно желал, чтобы это завтра вообще не наступило.

Тигард еще долго бежал, не в силах остановиться. И не потому что испугался монстра, нет. Ему чудовищным казалось, как могла могла Геста целовать его? Его?! Ведь только что он был отвратительным ящером, и тут...

Он просто начинал задыхаться.

И был настолько потрясен, что забыв о всякой конспирации, пошел прямо навстречу патрулю. Его, естественно, остановили, трясли, о чем-то допрашивали. Он почти не слышал. Только упрямо твердил одно:

- Мне надо видеть вожака.

В конце концов, поняв, что ничего не добьются, его отвели к вожаку. Тот был не один, там присутствовали трое мужчин из совета и две женщины. Вожак смерил Тигарда взглядом, хмыкнул:

- Ну рассказывай, зачем ты таскаешься в Лабиринт по ночам? Что ты там потерял?

- Ввы знали, - разжал клацающие зубы Тигард.

Все это время он стоял, скованный напряжением, его трясло крупной дрожью.

- Знал, - шевельнул бровями вожак и склонил к плечу голову. - Надо же было дать тебе подергать смерть за усы, самоутвердиться. А то дурная голова ногам покоя не дает.

Тигард слушал его, сжимая и разжимая кулаки. Потом наконец выдавил:

- Спасибо, - и шутовски поклонился.

- Ох, горяч ты, парень. Горяч да глуп, - тихо проговорил вожак. - Ладно рассказывай, что ты там видел.

Надо было успокоиться. Глубоко вдохнуть и успокоиться. И выложить все по степени важности, а не по тому, какое оно на него оказало воздействие. Еще пара глубоких вдохов, а потом он начал рубленными фразами:

- Вчера ночью нашел выход на поверхность. Сегодня при дневном свете ходил убедиться.

На мгновение повисла тишина, а потом со всех сторон послышался ропот.

- Тихо! - вожак вскинул руку, обводя всех взглядом, потом обратился к Тигарду. - Говори.

- Отверстие под потолком, сквозь него видно свет. Думаю, это вытяжная шахта. Для проветривания.

Опять тишина, напряженная, Тигарду показалось, что он видит, как у них мысли в головах шевелятся. Теперь вожак смотрел на него иначе, недоумение и невольное уважение читалось в его взгляде.

- Покажешь? - спросил он.

Тигард кивнул.

- Еще что-то? Ведь не из-за этого же тебя так колотит.

- Нет, - затряс головой Тигард.

Ему трудно было говорить об этом. Трудно, стыдно и... ужасно до слез.
- Я... - начал он заикаясь и переступая с ноги на ногу. - Я... в-видел...

Пришлось выдохнуть. Опустить голову, сжать кулаки и закрыть глаза.
А потом он выдал разом:

- Я видел их. Чудовище и Гесту. Она его целует. А он ее катает на спине.

И замер, уставившись невидящим взглядом в пространство, перед глазами опять были Геста и это проклятое... Этот.

- Целует ящера? - уточнил вожак.

- Нет, - не сразу, но ответил Тигард. - Он... превращается. В мужчину превращается.

Звонящая тишина повисла, одна из женщин подошла к вожаку и встала рядом, положив ему руку на плечо. Ее лицо исказилось, она как-то странно отвернула голову вбок и спросила:

- А он?

- И он, - Тигард кивнул, вспоминая, как этот... обнимал Гесту.

Среди наступившего молчания особенно четко прозвучал тихий голос одного из членов совета:

- Целует, потому что она его самка.

Женщина бросила на говорившего пронзительный взгляд и зло проговорила:

- Что ты знаешь о его самках? Тут каждая побывала под ним! Спроси любую.

- Судя по тому, что он видел, она его самка, - упрямо повторил мужчина, ткнув в Тигарда пальцем. - Он не станет рвать ее. Будет оберегать будущую мать своего потомства.

Потомства? Тигарда передернуло от отвращения. Но мужчина продолжил говорить дальше:

- Если выкрасть ее, чудовище придет за ней. И мы его уьем.

Тигард кивнул, с этим он был согласен, но его волновала судьба Гесты, как-то уж слишком нехорошо светился ненавистью взгляд того мужчины.

- А с ней. Что?

- Самку чудовища надо уничтожить. Иначе она родит еще худшее чудовище.

- Нет! - вскрикнул Тигард, сжимая кулаки, что бы ни случилось, Геста оставалась его сестрой.

- Подождите, - остановил всех вожак. - Вы что думаете, просто убить чудовище? Черта с два. Так мы только разъярим его. Но подумать, как нам использовать девушку, надо.

Совет закончился. Все переговаривались, забыв о Тигарде, а до него постепенно доходило, Теперь эти люди начнут на Гесту охотиться и рано или поздно убьют. И пусть он до дрожи ненавидел чешуйчатого уroda ящера, Геста его сестра, а он только что предал ее, обрек на смерть.

Тихо, стараясь не привлекать к себе внимания, Тигард пошел в келью, где жил с остальными шестью белорцами. Не отвечая на расспросы, лег на свою постель, и отвернулся к стене. Когда все уснули, он выскользнул из помещения.

Однако на сей раз уйти незамеченным ему не удалось. За поворотом коридора, прислонившись к стене и скрестив на груди руки, его ждал вожак.

- Куда собрался? - спросил он тихо.

Тиград молчал, упрямо хмуря брови. Вожак кивнул каким-то своим мыслям и мотнул головой в сторону выхода. Мол, иди. А когда Тигард проходил мимо него, перехватил за руку.

- Тебе дадут выйти, но смотри, без шума. И... - отпустил он его и выдохнул. - Осторожно там. Чтоб вернулся живым.

Ты еще не показал нам выход. Этого не прозвучало, но Тигард понял, что имел в виду вожак. И что ему доверяют. И за него беспокоятся.

Он кивнул и, осторожно ступая, пошел к границе поселения.

Вожак смотрел ему вслед. Сейчас он возлагал на этого восемнадцатилетнего юнца большие надежды.

Конечно, люди захотят кровавой мести. Но, сделавшись с возрастом политиком, вожак понимал, что возможность улучшить условия жизни стоит гораздо дороже мести.

глава 35

Бродить ночью по Лабиринту было жутко. Тигард настороженно прислушивался, пытаясь уловить в мертвой тишине малейший шорох. Невольно вздрагивал, оборачиваясь, не зашелестит ли сзади хвост проклятого ящера. А по позвоночнику волны ужаса, будто чудовище уже впивается ему в загривок своими клыками.

И все же после сегодняшнего он не мог больше воспринимать чудовище просто как рептилию. Тигард видел его своими глазами. Мужчина. Вполне обычный на вид. Невозможно предположить, что он оборачивается в такое вот...

Тигард шел наугад, движимый отчаянием. Понимая, что фактически предал Гесту дважды, один раз, когда бросил ее и удрал спасать свою жизнь, и второй раз сегодня. Стоило ему вспомнить слова и полныененависти взгляды людей, как он сжимал кулаки и, кусая губы, быстрее шел дальше.

«Самку чудовища надо уничтожить»

Хотелось кричать:

- Она не самка! Она несчастная девушка, которую отдали на смерть! На съедение чудовищу!

Но... Тигард видел своими глазами, как Геста целовала его. Чудовище. Он уже не знал, что думать по этому поводу. Просто закрыл для себя эту тему, и все.

Неизвестно, что уж тут помогло, наитие свыше, или просто везение, но через много часов кружения в Лабиринте, уже под утро, он чудом набрел на комнату Гесты.

Словно что-то толкнуло ее, Геста внезапно проснулась и резко села на постели. В комнате кто-то был. Позвала:

- Зэйн?

Но вместо Зэйна с верхней площадки лестницы к ней, нервно оглядываясь, шел Тигард.

- Ти! - вскрикнула она, мгновенно подскакивая. - Ти! Я так рада тебя видеть!

И кинулась к нему. Но брат повел себя странно. Он как-то диковато на

нее глянул и посторонился, а потом проговорил:

- Можно, я сяду?

- Да, садись, конечно, - она не могла понять, что с ним, но ужасно рада была его видеть. - Поешь! Ты, где ты был? Я так рада тебя видеть, Ти! Иди скорее...

Тигард, все также озираясь, сел за стол и тупо уставился на посуду и еду на столе. Потом спросил:

- А этот... твой... Он где?

- Зэйн? Он у себя. Спит. Утр...

Не успела она договорить, как на площадку влетел ящер и замер, буравя взглядом Тигарда. Тот напряженно застыл, схватив со стола нож.

Она как увидела Зэйна, с радостным криком бросилась к нему. А тот медленно обратился из ящера человеком, обнял Гесту и, задвинув себе за спину, спросил:

- Этот что здесь делает?

Геста невольно съежилась, Зэйн весь звенел от напряжения, а в голосе явно читался гнев.

- Это мой брат. - тихо проговорила она. - Он пришел меня навестить.

Зэйн кивнул, продолжая при этом буравить взглядом Тигарда, а тот все также стоял сжимая нож в руке. Повисло опасное молчание, Гесте стало страшно. Наконец Зэйн произнес, прижимая ее к себе:

- Говори, зачем пришел. Видишь, ты ее пугаешь.

- Врешь! Это тебя она боится! - выкрикнул Тигард.

- Нет! Это неправда! - воскликнула Геста. - Я никого из вас не боюсь! Я просто не хочу, чтобы...

Ситуация была абсурдной, два самых дорогих ей человека зверями смотрели друг на друга. Она не выдержала, стала задыхаться, слезы брызнули. Сердито вытирая их ладонью, девушка проговорила:

- Я боюсь что вы... Что с вами что-то плохое случится!

Ее слезы, ее страх. Этого Зэйн не мог перенести.

Ему ничего не стоило раздавить поганца, посмевшегося заявиться сюда, как насекомое. Но Зэйн понимал. Нельзя. Человечек важен для НЕЕ.

Значит, он его не тронет. Сдерживаясь ради Гесты, проговорил уже спокойнее:

- Говори и не вздумай врать.

Парень, затравленным зверьком взглянув на него из-под бровей, выдал:

- Люди про нее узнали. Будут стараться выкрасть...

Кровь бросилась в голову Зэйну. С минуту он молчал, не веря, что выслушивает подобное. Его могло развлекать, что игрушки, которым он оставил жизнь, постоянно охотились на него, пытаясь убить. Но тронуть Гесту?!!!

- Ты понимаешь, человек, что я просто вас всех убью. И начну с тебя, - в этот момент в голосе Зэйна не было ничего человеческого.

- Попробуй!

Парень напрягся и вдруг улыбнулся, ощерившись. Так улыбаются в лицо смерти, намереваясь подороже продать свою жизнь.

На ее глазах творилось что-то ужасное.

- Нет! - вскрикнула Геста, хватаясь за крепкую, словно каменную руку Зэйна. - Нет! Ради всего святого! Нет, умоляю...

Ее трясло от волнения и страха. Слезы текли из глаз, она их не замечала. Не мог ее Зэйн превратиться в чудовище, лучше ей умереть прямо сейчас, чем это увидеть!

Закаменевшие мышцы под ее пальцами медленно расслабились, а грудная клетка Зэйна перестала вздыматься как кузнечные мехи. Наконец он глухо проговорил:

- Выкладывай, зачем пришел.

- Тебе нужно встретиться с вожаком, - Тигард тоже немного успокоился, в его голосе появились твердые и одновременно просительные интонации.

Это выглядело немного по-детски, Геста прикрыла глаза. Ее молочный брат, остался таким же горячим импульсивным мальчишкой, каким она его помнила. Вечно у него в голове было полно невероятных идей. Тихонько улыбнулась в плечо Зэйну и одними губами шепнула:

- Спасибо...

А тот немедленно обернулся, провел ладонью по щеке, и застыл, вглядываясь в ее глаза. Гесте показалось, что она видит, как нечто огромное, огненное ворочается у него в душе, не находя выходы. Потом Зэйн сказал, обращаясь к ее молочному брату:

- Я встречу с твоим вожаком.

После его слов Геста наконец смогла выдохнуть с облегчением. Тигард, уже приготовившийся умирать тоже. И, осмелев вконец, спросил, косясь на стол:

- Так я поем? Тут столько вкусного, давно такого не ел.

- Ешь, конечно!

Очнувшись, Геста дернулась, чтобы подойти, Зэйн опять напрягся, словно окаменел, и тогда она, глядя в глаза, просто потянула его за руку. Послушался, не сразу, но пошел за ней следом. За стол к Тигарду, правда, не пустил, сел на кушетку, посадил ее рядом и обхватил руками. Но и это для Гесты было великой победой. От счастья и облегчения она притихла в объятиях Зэйна, слушая, как гулко стучит его сердце.

Тигард жадно ел сырны лепешки и фрукты, все такое вкусное, напоминавшее ему об утраченной свободе и прошлой вольной жизни. А сам невольно косился на этих двоих. И пусть он не мог понять КАК, но эти двое, похоже, находили счастье в объятиях друг друга. Он отвернулся, потому что мысль об этой странной любви казалась неуместной и нескромной.

- Я передам жожаку, - проговорил он наконец.

Но от перенапряжения, усталости и вкусной еды его разморило. Тигард вдруг почувствовал невероятную усталость.

- Можно я где-нибудь посплю часок? А потом уйду?

Геста уже собралась ответить, но Зэйн опередил ее.

- Останешься здесь, - проговорил он отрывисто. - Потом уйдешь. И не вздумай привести сюда остальных. С жожаком я встречу там, где ты вчера нас видел. Время то же. Пусть приходит один. Максимум, несколько человек с ним. Все.

Потом обернулся к Гесте.

- Возьми отсюда все, что тебе кажется необходимым. Мы уходим.

Умом Геста понимала, что Зэйн прав, просто грустно было от всего этого. Как будто так недавно обретенный ею маленький светлый мирок вдруг оказался разрушен. Она оглядела свою спальню и взяла только книгу легенд, подаренную Зэйном. Браслет матери был с ней, а больше тут ничего особо ценного. Да, еще фляга, мох поливать. Мох разросся, теперь там был вполне приличный кустик с голубоватыми цветами.

А потом они ушли.

Всю дорогу Зэйн нес ее на себе молча. И когда пришли в его личные покои, тоже обнимал ее молча. Весь ушел в себя, Гесте самой было тревожно, эта предстоящая встреча с людьми, слова Тигарда, что на нее будет открыта охота. Все стояло между ними вязким отравленным туманом.

Ей хотелось как-то развеять это ощущение, нарушить мрачное молчание.

- Что там у нас сегодня вкусенького? - спросила она так весело, как смогла.

Словно очнувшись, Зэйн пошел к оконцу в одной из стен, прикрытому решетчатой ставней, открыл и вытащил корзину. Там было много чего вкусного и интересного, но еда на сей раз не отвлекла ни его, ни ее. И потому, желая во что бы то ни стало разогнать эту тучу, Геста стала читать.

Легенда оказалась про любовь.

Постепенно Зэйн, замкнутый и напряженный вначале, втянулся и слушал, затаив дыхание, как двое, юноша и девушка из враждующих семей, случайно встретились и полюбили друга*. Были безумные свидания украдкой, голод тела, голод души. А потом, они тайно обвенчались.

Но жизнь жестока, а выверты и шутки судьбы безжалостны. Вышло так, что он убил на поединке ее брата и вынужден был бежать, а девушку родители отдали другому. Они пытались бороться, но обернулось все ужасно. Оба покончили с собой. И словно в насмешку, после их смерти враждующие семьи помирились.

Дочитав последние строки, Геста долго молчала, подавленная и переполненная эмоциями, потом пробормотала:

- С любимыми не расставайтесь... - и добавила: - Зэйн. Я пойду туда с тобой.

- Нет, - резко возразил он, вырываясь из оцепенения. - Там может быть опасно.

- Не опаснее, чем без тебя здесь. - сказала она, беспокоясь на самом деле не за себя а за него.

А взгляд невольно уперся в проем лестницы, ведущей к двери из заговоренного серебра. Гелсарт. Это было понятно без слов.

Потом девушка, утомленная эмоциями и событиями, заснула, свернувшись калачиком на кушетке. А мужчина не спал, оберегал ее сон, думал. Он не хотел брать ее с собой, хоть и согласился. Внутри все сопротивлялось этой мысли.

Зэйн не боялся того, что людишки могут что-то сделать с Гестой, он порвет их на части раньше, чем они подумают это сделать. Пугало другое. Не хотелось, чтобы она узнала о нем то страшное, что делало его чудовищем.

Это отвратит. Разрушит, разорвет волшебную нить между ними.

Но и оставить ее здесь, куда в любой момент мог заявиться Гелсарт?

Зэйн содрогался при этой мысли.

С любимыми не расставайтесь...

Эта тоненькая светлая девочка была права. Во всем права.

Примечание:

* - легенда о влюбленных, которую читает Геста, бессмертная трагедия Шекспира "Ромео и Джульетта"

глава 36

Весь день Зэйн многократно прокручивал в голове мысль отказаться, спрятать ее, как можно надежнее, чтобы никто не нашел. И пусть все идет, как идет! И каждый раз смирялся, понимая, что должен. На встречу с людьми они направились вместе.

В том зале, где была назначена встреча, их уже ждали. Он узнал Тигарда, с ним было еще пять человек. Четверо мужчин и одна женщина. Все впились в него взглядом и напряглись, готовые в любой момент обратиться в бегство.

Вонь ненависти и страха. Он чуял ее за версту.

Потому и обратился из ящера человеком, уже подойдя совсем близко. А переговорщики, увидев, что он не собирается нападать, осмелели. Вперед вышел Тигард и начал было говорить, но все слишком быстро сорвалось. Они заговорили все разом, захлебываясь злостью и перекрикивая друг друга.

С застывшей на лице презрительной улыбкой Зэйн молча слушал обвинения и проклятия. И ведь отрицать невозможно, все, что кричали ему в лицо эти люди, было правдой. Но ужаснее всего и болезненнее были слова женщины, брошенные Гесте:

- Ты?! Как ты можешь прикасаться к нему? Он жестокое чудовище! Думаешь, он пощадит тебя, если будешь лебезить и пресмыкаться? Насытится и выбросит, - женщина зло расхохоталась. - Спроси любую, он трахал каждую из нас. Проклятый зверь! Из-за него мы все похоронены здесь!

Слова ледяными иглами впились в душу, ранили, рвали на части. Он не смотрел на Гесту, просто почувствовал, как она вдруг напряглась, будто задохнулась.

Ужас. Ее отвращение и ужас.

То, чего он и опасался.

Почему-то в его жизни все всегда развивается по наихудшему пути из всех возможных? Ах да... потому что он проклят.

Проклят. Проклят. Проклят.

Он ничего больше не слышал, ушел в себя. И вдруг почувствовал, как она нашла его руку и сжала в своей. И мир вместе с резким глубоким вдохом внезапно вернулся звуками. Еще не вполне осознавая, что

произошло, Зэйн стиснул ее пальцы и услышал:

- Мы хотим, чтобы ты помог нам выйти отсюда. Это наше главное условие.

Слово наконец-то взял вожак, которому удалось-таки уговорить своих расхोдившихся людей. И говорил вожак вполне разумно, но у Зэйна просто не осталось душевных сил слушать.

- Я подумую, - сказал он. - И дам ответ. Завтра. Здесь.

А потом, мгновенно обратившись ящером, забрал Гесту оттуда.

Ему нужно было срочно уйти, выдохнуть это, осмыслить. Что значил этот ее жест поддержки? Что?! Что она понимает, простила? Но будет ли она с ним прежней?

Зэйн не знал, и это его мучило.

Все это обрушилось на Гесту внезапно, как вода из бочки хлынула на голову. Оглушило. Особенно в первый момент. Но потом постепенно в душе родился протест. Да, в том, в кричала ей эта женщина, была правда, Геста чувствовала это. Но было и много... злобы, зависти, лжи. И даже женской ревности.

Наверное, потому слова и не смогли пробить брешь в ее сердце.

Но запало в душу другое. Она долго обдумывала и хмурилась. Зэйн тоже молчал, мрачный и отстраненный. Наконец Геста спросила:

- Зэйн, а почему бы нам самим не поискать выход отсюда? Мы бы ушли далеко, туда, где Гелсарт нас не найдет? Надо просто переодеться нищими, нищих никто не замечает. - Ей даже стало весело от этой мысли. - А по ночам, когда никто не видит, ты будешь обращаться и охотиться? А? Было бы здорово, Зэйн!

Реагировал он странно. Опустил голову и мрачно рассмеялся. Потом сказал:

- Выход есть. Пойдем, я покажу тебе.

И снова Зэйн молча нес ее куда-то по Лабиринту, раньше они никогда не ходили в эту часть. Это место отличалось от того, что Геста видела прежде. Зал, вместо синеватого, белесый магический свет, в центре на постаменте каменный ларец, покрытый резьбой.

- Что это? - спросила она, невольно поежившись.

- Это, - кивнул на ларец Зэйн. - Единственный выход для меня.

- Да? Но тогда... - она растерялась, не понимая, в чем дело, слишком уж много горечи было в его словах.

- Это моя смерть. Магическая ловушка. Если ее активировать, я умру.

А по-другому мне не покинуть Лабиринт, только мертвым. Магия держит меня в его стенах, иначе я бы уже давно нашел путь на волю. - он взглянул ей в глаза и невесело усмехнулся. - Впрочем, если... или когда я умру, Лабиринт станет моей могилой. Зато душа освободится.

Геста застыла, прикрыв рот ладонью. Только сейчас осознав до конца весь ужас положения Зэйна, рожденного проклятым чудовищем и запертого здесь жестоким отцом вместе с теми живыми «игрушками», что тот соизволил дать сыну. И полная безнадежность, отсутствие выхода.

Это заставило девушку содрогнуться.

Ящер улегся на пол, словно огромная собака, а она устроилась между его страшных лап с огромными когтями. Самое безопасное место на свете. Некоторое время оба молчали, потом Зэйн произнес:

- Но людей магия не держит. Я попробую помочь им уйти. Действительно, зачем держать их здесь... Ты можешь...

Она не хотела слышать, что он скажет. Не хотела знать этих его мыслей! Если ему отсюда путь заказан, она тоже никуда не уйдет.

С любимыми не расставайтесь!

На уме у Гесты сейчас было другое.

- Скажи, - перебила его она. - Ты ведь... был со всеми этими женщинами, да?

Ящер внезапно осекся, медленно превращаясь в мужчину, и встал, глядя на нее долгим взглядом.

- Да, - проговорил он наконец.

- Но ты... не хочешь быть со мной? - тихо спросила она потупившись.

- Ты не понимаешь! Проклятое обещание, что я дал Гелсарту!

И сразу отвернулся, пряча эмоции, но они хлестали из него, казалось его боли можно рукой коснуться.

Повисло молчание.

- Зэйн, - нахмурилась Геста. - В обещании Гелсарту речь шла о беременности? Так? А если беременности не будет? Я понимаю, о чем говорю, ведь я все-таки выросла на конюшне. И..

Он дернулся, будто его прижгли раскаленным прутком, резко обернулся и уставился на нее совершенно дикими глазами. Только губы шевельнулись:

- Что?

- Если я твоя жена, я хочу быть с тобой.

Опять этот дикий взгляд, ей даже показалось, он испугался. Но тут Зэйн прохрипел:

- Я... груб.

А Гесте вспомнила, как он аккуратно носил в зубах корзину, как целовал ее безумно, бережно и нежно. И что кричала ей в лицо та женщина.

- Позволь мне самой судить об этом.

Он с минуту стоял, глядя на нее вертикальными зрачками, потом сглотнул и глухо пробормотал, прикрывая глаза:

- Хорошо. Пусть будет так, как ты хочешь.

Как они вернулись в личные покои Зэйеа, Геста почти не помнила. Принятое решение будто сковало их странным обручем. Оба молчали. Но теперь в этом молчании было слишком много разных чувств и мыслей.

Слова сказаны, и неизбежное начало свой отсчет, словно песчинки в часах посыпались. Оно не остановится, пока все не свершится как должно. Но именно сейчас Гесте изменило мужество. Накатывало чувство, будто ее несет бурным потоком, и страх неизвестности, что ждала впереди.

Брачная ночь?

Мурашками по коже пробежала тревожность и волны томления, заставляя ее краснеть и задыхаться от смущения. Неловкость.

Похоже, Зэйн чувствовал то же самое, потому что и он молчал. Но на сей раз молчание было не мрачным, отгораживающим, а тягучим, словно темный густой мед. Он словно дышал им, а ее затягивало в этот мед, затягивало...

В личных покоях Зэйна кроме гостиной была еще его спальня, куда он и привел Гесту. Там стояло широкое низкое ложе, застеленное белыми шкурами неизвестных Гесте зверей, небольшой столик, несколько подушек, разбросанных прямо на ковре, устилавшем пол, и...

И больше ничего. Ах да, книги. Много...

А вот дверей здесь не было. Но он опустил и тщательно задернул несколько рядов занавесей. Отгородив тем самым от всего пространства небольшой островок. Все это Зэйн делал медленно, двигаясь плавно, хищно и одновременно грациозно. И снова казался Гесте совершенным и невообразимо прекрасным. Наконец, закончив все приготовления, Зэйн повернулся к ней и сказал глуховатым, прерывающимся голосом:

- Подожди меня, я скоро вернусь.

Ее и так трясло от волнения, а теперь она вдруг испугалась остаться одна.

- Куда ты?

- Я... помоюсь и приду, - проговорил Зэйн, не глядя на нее.

- А можно мне с тобой?

Ей показалось, что от него хлынула волна какого-то животного магнетизма. Зэйн едва заметно подался вперед, глаза зажглись на миг ярко, а потом затлели угольками в глубине. Он не сказал ни слова, просто показал рукой, куда идти.

Чего стоило ему себя сдерживать.

Она пожелала, чтобы их брак стал полным и завершенным!

Это было куда труднее, чем когда он сам себе ставил жесткие пределы. Теперь же он просто не знал пределов и потому титаническими усилиями сдерживал себя во всем. Старался не делать резких движений, чтобы не напугать, не отвратить.

А чувствуя на себе ее восхищенные взгляды, еще больше загорался изнутри. В какой-то момент понял, что так его просто разорвет от возбуждения, и если не хочет накинуться на девушку голодным зверем, надо охладиться.

Но она сказала, что хочет вместе с ним.

И тут его накрыло с головой. Не стало мыслей, слов, а стальные тиски, в которых он держал себя, на миг разжались и словно огонь и лед одновременно разлились по телу, даря странные, сладкие ощущения. Как будто оживали видения из его снов.

Капли, стекающие по тонкому золотистому телу. Зэйн сжал зубы и крепко зажмурился. Подошел к ванне, опустил в нее красный камень с горячей руной, и через секунду от воды пошел пар. А потом, не оборачиваясь, стал расстегивать одежду.

Она так и стояла в прострации, зачарованно глядя, как перекачиваются мышцы на его спине. Раньше одежда была табу. Раньше все было по другому. Даже когда Зэйн целовал ее, это был предел, непреодолимый рубеж.

А теперь пределов не было. Кроме собственной робости - ничего.

Ванна была большая, в ней можно спокойно уместиться вдвоем, и комната просторная. Но все вдруг стало тесным, а пространство сузилось, сжимаясь и подталкивая ее к нему. Ближе.

Он снял кафтан и рубашку, остался голый по пояс и только потом обернулся. Геста не могла отвести глаз. Тело у него было мощным и стройным, и таким же смуглым, как и лицо. Словно солнце навечно

оставило свои поцелуи на его коже.

Но сейчас он медленно сделал шаг к ней, потом еще и еще. Пока не подошел вплотную. У Гесты от его близости стала потихоньку кружиться голова. И Страшно. Желанно, томительно...

- Я раздену тебя.

- Да...

Большие, чуть подрагивающие руки стали снимать с нее одежду. Зэйн дышал глубоко и шумно, а ей казалось, что она слышит, как стучит его сердце. Или это стучало так громко ее сердце. А может, у них стучало одно сердце на двоих?

Она не знала, потому что его руки наконец добрались до кожи. Стали гладить, едва касаясь, а потом он опустился на колени у ее ног и... Стал целовать, а руки разносили по телу сладкие молнии и волны дрожи. Глаза закрылись сами.

- Я хочу сам искупать тебя, - услышала как сквозь вату, его глухой, хрипловатый голос.

Подхватил на руки и понес. У самой ванны поставилеена бортик и снял с себя последнюю одежду. Снова взял на руки и вместе с ней вошел в воду.

А дальше Геста уже почти не воспринимала реальности, потому что были прикосновения, от которых кружилась голова, закрывались глаза, а с губ рвались невольные стоны. Его сладко жалящие поцелуи и шепот в ушах.

Он говорил что-то, шептал, его голос как волшебная нить, вел ее.

Геста не слышала, только чувствовала.

Да... Пусть говорит еще... Ей бы руки поднять, коснуться его в ответ, но нет сил.

Тяжелым густым медом наполнилось все тело. Не вырваться из сладости его, не выдохнуть блаженный яд из легких, не открыть глаза...

- Я не оставлю в тебе своего семени, - его голос вибрирует. срывается от дрожи.

Она дрожит в ответ.

- Моя?

Кивает. Все и так на пределе, плывет, теснясь радужными пятнами перед глазами. Первые осторожные толчки... А дальше ее просто уносит вихрь.

Потом Геста долго обнимала его большое сильное тело, тесно прижавшись, обхватив руками и ногами. Закрыв глаза, прислушивалась к ощущениям. К счастью, блаженному свету, поселившему глубоко внутри.

Ну вот и все. Теперь они муж и жена.

Было немного больно, но только сначала. Все-таки... Он же такой большой и неумолимый. И такой нежный... Геста покраснела и хихикнула, уткнувшись носом в его мокрое плечо. Ее чудовище.

На задворках сознания промелькнула мысль о той женщине, что кричала ей в лицо гадости. Шевельнулась было ревность, заставив на миг нахмуриться, но тут же утихла. Только ее чудовище.

А Зэйн сидел на краю ванны, держа ее за спину. Гладил, касался губами ресниц.

- Представляешь физиономию Гелсарта, когда он узнает? - проговорила она наконец.

Он сначала напрягся, а потом сжал ее крепче и затрясся хриплым смехом.

глава 37

Сейчас Зэйн был переполнен. Его распирало от невероятной гордости и ощущения победы, богатства, всемогущества, власти на миром. А все это заключалось в душе девочки с чистыми светящимися глазами, сумевшей увидеть в нем, в чудовище, что-то хорошее. И в ее хрупком золотистом теле, которое он держал в руках, боясь сжать сильнее - сломается.

Но, вот же чудо-то какое...

Не ломалось! Ему ведь даже не пришлось сдерживать себя, хотя он и адски боялся навредить ей своей необузданной животной грубостью. И потому сначала сам себе давал команды, так было легче - пределы, которые нельзя перейти. А потом все пределы вообще слетели к чертям, осталось чистое, ослепляющее наслаждение.

Наверное, все просто. Она его свет, его солнце, и все это время шел к ней из своей беспросветной тьмы. Зэйн сжимал ее в объятиях и смеялся. Она сказала:

- Представляешь физиономию Гелсарта, когда он узнает?

Смеялся впервые по-настоящему, как счастливый человек, наконец-то дорвавшийся до свободы. И да, Геста была права, они сделали это.

Сделали Гелсарта в очередной раз.

Пусть теперь приходит и давится злостью. Зэйну было плевать. Геста его жена.

Однако смех еще звучал, а в душе кольнуло. Долго ли продлится его счастье? Ведь по острию ножа ходит. По лезвию. Чего стоило в последний момент сдержаться и выплеснуться наружу. Зэйн сжал зубы, ощущения снова накрыли его с головой, прокатываясь по телу волнами. Блаженной сытости как не бывало, он был готов. Горел для нее, кипел лавой изнутри. Но ей же больно. Наверняка.

- Геста? - легко прикоснулся губами. - Ты как? Я был груб. Тебе больно?

Почувствовал плечом ее улыбку.

- Не-а-аа, - покачала головой она.

Не поверил, заглянул ей в лицо. Хитрая улыбка, глаза сияющие и чуть пьяные, из них на него брызжет пережитыми эмоциями, наслаждением, счастьем. И от этого хмельного взгляда его снова повело. А она еще и ерзать начала.

- Геста? - выдавил через силу. - Что ты делаешь? Тебе же будет больно.
- Мм? Ты забыл, что я целитель? - тихонько хихикнула она.

И стала гладить его по плечам своими тоненькими ручками-веточками, пробовать на вкус губами. И тут уже пределов разумного снова не стало.

Как они потом выбирались из той ванны, как он заворачивал ее шершавой мягкой простыней, нес, не спуская с рук, в постель, все это для Гесты уже прошло словно в каком-то полусне. Единственная реальность - его смуглое тело, гладкое, красивое, налитое силой для нее.

Ее чудовище.

Неутомимый, ласковый, горячий, нежный. А руки у него такие... руки словно сами знают, где надо прикоснуться, чтобы она задрожала и, как натянутая струна, зазвенела стонами, как виуэла. Губы сладкие, жаркие, жадные. Он ее стоны пил, и от его голодных поцелуев огонь бежал под кожей. Гладил, шепча невнятное, сжимал до сладкой боли, наполнял собой, окружал собой, дарил счастье.

И насытиться этим невозможно. Это - все равно что дышать.

Спустя время. уже после того, как счастливые влюбленные наконец уснули в объятиях друг друга на своем ложе из белых шкур, вдруг ярко засветился в синеватом магическом свете браслет на руке девушки.

Бело-золотые сполохи света от древних рун на его пластинах вспыхнули в пространстве, переливаясь с голубым сиянием бусин. А потом свились в спираль и исчезли, рассыпавшись искрами.

Будто подали кому-то далекому знак.

глава 38

Весь этот день они ехали быстрой рысью. Наставник только и делал, что погонял коня, и вообще, вид имел такой целеустремленный, как выпущенная из лука стрела. Движения, собранные, четкие, скупые. Одно сосредоточенное лицо чего стоило. Взглядывая на него исподтишка Солгар отмечал и странный сухой блеск глаз, и сведенные брови, и жесткую складку губ. А моментами Лесарт и вовсе уходил в себя, словно прислушивался к чему-то.

И ведь, что интересно. До того они вынуждены были ехать шагом по изрытой колдобинам лесной дороге, цепляясь чуть ти не за каждый куст. А сейчас дорога как будто сама ложилась под ноги коней, а препятствия огибались легко. И скорость. Они явно двигались быстрее, чем способны обычные кони.

Уж своего-то белогривого царевич знал. Любил и берег как друга. И откровенно беспокоился, что в таком темпе загонит коня, однако белогрив шел ровно, без усталости, и даже не был в мыле. По некотором размышлении Солгар пришел к выводу, что это магия.

Он, конечно, был удивлен, но даже не пытался расспрашивать Лесарта. По опыту знал, что тот снова начнет отвечать вопросами на вопросы и еще больше запутывать и без того малопонятное для восприятия. А в очередной раз почувствовать свою умственную ущербность рядом с этим человеком царевичу не хотелось. Поэтому он принял все как есть и постарался восполнить недостаток знаний наблюдениями и анализом.

Вот, например. Сейчас он был почему-то уверен, что Лесарт в какой-то момент просто «открыл» им путь. Он помнил, как наставник рассказывал, что Гелсартовы воины, когда приходят за ежегодной данью, преодолевают дорогу до Белора за три дня, потому что Гелсарт открывает им путь. Лесарт, стало быть, тоже так умел. Ну да, он же маг.

Вопрос в том, почему он делал этого раньше?

Они плелись по всем этим деревням, постоянным дворам, степным и лесным дорогам, застревая везде, как водовозные клячи. Впрочем, Солгар и тогда подозревал, что Лесарт делает это умышленно, словно ждет чего-то. Сегодня он в этом убедился.

Наставник быстро, по-военному поднял его затемно с лесной ночевки, а потом они погнали коней без остановок. Солгар вспомнил кое-что и

мстительно взглянул на Лесарта. За все время один раз только разрешил на десять минут тормознуться в лесу, потому что царевичу необходимо было. э... ну, в общем, было надо. И то, над душой стоял, все спрашивал, не заканчивает ли он. Сомнительное удовольствие, однако.

И вообще, Лесарт вел себя так, будто получил какое-то важное сообщение, и теперь отчаянно спешил, боясь опоздать. Все это опять было за пределами понимания царевича. Но на ус он мотал.

Как бы то ни было, а дорога теперь позволяла двигаться быстрее в разы, и к вечеру они пересекли границу Гелсартова царства.

Ахард - первый большой город встретившийся на их пути, после пограничного поста. Который они, кстати, миновали весьма странно.

Еще на подъезде к пограничному посту Лесарт неожиданно остановил эту их бешеную скачку и заявил:

- Царевич Солгар, когда мы будем проходить пограничный досмотр, будьте любезны, объявить меня вашим слугой.

- Да, конечно... если вам так угодно. - проямлил царевич, не совсем еще понимая, о чем идет речь.

- Это нужно для дела, - проговорил Лесарт.

И просто изменился на глазах.

Вместо высокого, сухощавого, сильного мужчины, которого невозможно было не заметить, Солгар вдруг увидел перед собой нечто низкорослое, бледное и невнятное. Куда девался пронзительный умный взгляд, гордая посадка головы, осанка? А длинная толстая коса белых волос? На него смотрели блеклые водянистые гляделки, унылое лицо украшал крупный красный нос, свидетельствующий о том, что его владелец пристрастен к выпивке, и при этом губы бантиком. В довершение еще и жиденькая пегая шевелюра.

- Э... - только смог ответить царевич, потрясенно взирая на эту метаморфозу.

- Я бы попросил вас сохранять невозмутимость, царевич, - подобострастно поклонился Лесарт, показывая желтые зубы.

- Э... Кхммм... - царевич приосанился и повел шеей, поправляя ворот. - Раз уж нам предстоит ломать комедию, хотелось бы выяснить пределы допустимого.

Лесарт зыркнул на него, на мгновение превращаясь в самого себя, потом выдал, пожевав губами:

- Вам достаточно просто не замечать меня. Поверьте, все сделается без

вашего участия. И, кстати, верительные грамоты у вас с собой?

- Да, - с готовностью ответил Солгар, касаясь потайного кармана.

Действительно, перед отъездом Лесарт настоял, чтобы царевич заручился всевозможными документами. В том числе и верительными грамотами, подписанными царицей Фелисой и царем Мелиаром.

В общем, пограничный пост царевич Солгар из Белора, странствующий со слугой, пересекли без задержки, как Лесарт и предсказывал. Однако внешность свою он так и не изменил. Когда Солгар попытался спросить, до каких пор маскарад продлится, мнимый слуга с поклоном заявил:

- Столько, сколько потребуется для пользы дела.

Оставив Солгара гадать, что ж там за дело? В результате у царевича создалось устойчивое впечатление, что его используют втемную. Однако он осознавал, что речь идет о чем-то достаточно важном, поэтому сдержал эмоции и вновь предался анализу и наблюдениям.

Первый приграничный город на землях властителя Гелсарта поразил его шумом и людской пестротой. По прихоти Лесарта, а может, из каких-то еще тайных соображений, они въехали не через главные ворота, а через торговые. И теперь как раз проезжали мимо местного базара, расположенного на въезде в город.

Уже начался вечер, но народ тут сновал и галдел, торговля шла бойко. Солгар подумал, что в Белоре все давно уже затихло, а люди разбрелись по домам да по трактирам - пропивать наторгованное. Царевичу в голову пришла мысль, возможно, у них тут нет трактиров или, может быть, они все трезвенники и не пьют?

Но базар остался позади, и теперь Солгар имел возможность сдержанно дивиться двух-трехэтажным белокаменным домам с галереями и большими арочными окнами. А вскорости они подъехали к большому дому, обнесенному высоким забором из бронзовых копий с трехгранными наконечниками - тоже своеобразное диво.

Солгар оценил его сопоставимым по размеру царским дворцом в Белоре, только намного богаче. Оказалось, это был дворец наместника. Там ему, как царевичу дружественной страны был оказан почтительный прием.

И только сейчас выслушивая приветственные речи наместника, Солгар стал смутно догадываться, что Лесарт затевает на самом деле.

Официальный визит. И при этом сохранить инкогнито. А он, Солгар, будет ширмой.

Недовольная складка досады залегла между бровей царевича, он решил все же выпытать у Лесарта хоть какую-то правду, не хотелось

ощущать себя полным идиотом в этом деле. Потому взгляд, брошенный им на мнимого слугу был весьма красноречив. Но тот так и продолжал стоять с угодливо-невозмутимым видом. Святая простота да и только.

Царевич сердито выдохнул и, сосредоточившись на посланнике, спросил то, что ему казалось важным:

- Около месяца назад сюда должна была прибыть царевна Геста из Белора. Могу я, как э... дядя по отцовской линии, узнать о ее дальнейшей судьбе?

- Госпожа Геста! О да, конечно. Госпожа Геста со свитой останавливалась здесь на одну ночь, на своем пути в Киремос, - уважительно ответил наместник. - Властитель Гелсарт распорядился оказывать невесте его сына всевозможное почтение. На следующее утро царевну доставили ко двору властителя, где и состоялось бракосочетание.

- Кхम्म... - промычал Солгар, сведений было негусто.

И тут наместник проговорил, очевидно, желая сделать ему приятное:

- Царевич Согар, лично я не имел удовольствия говорить с царевной, девушку изолировали, на это был особый приказ властителя. Но если вам угодно, я могу предоставить вам те покои, в которых останавливалась госпожа Геста, и пришлю старшую над служанками, готовившими царевну к отбытию, она может рассказать вам больше о ее самочувствии.

- Да, благодарю. Если это вас не затруднит, - ответил Солгар, сохраняя невозмутимое выражение лица.

Потому что краем глаза заметил, как оживился взгляд Лесарта. В нем читалось удивление и... восхищение?

Наконец церемонии были закончены. От торжественного ужина с фокусниками и танцовщицами Солгар отказался, сославшись на усталость от долгого пути и необходимость выехать рано утром. Наместник то ли расстроился, то ли испытал облегчение, Солгар пока затруднялся понять тонкую дипломатию южного царства.

Главное, что их наконец отвели в покои, где до того останавливалась Геста.

Стоило остаться в одиночестве, Лесарт немедленно обошел все углы, что-то проверяя, а потом сказал ему:

- Отлично проведенный раунд. Горжусь вами царевич.

Солгар шевельнул бровями и прокашлялся. Что и говорить, услышать такое от вечно снисходившего к его умственному несовершенству наставника было приятно. Однако у Солгара имелись вопросы. Но только

он собрался открыть рот, Лесарт нахмурился и вскинул руку, приказывая молчать.

- Ну и кто из нас слуга? - подумал про себя Солгар, недовольно поморщившись.

Но его недовольство осталось незамеченным, потому что в комнату вошла сухонькая седая старушка, сделала несколько шагов и остановилась, глядя на него.

- Что угодно господину?

И тут вперед вышел Лесарт. Глаза старушки обратились на него и неожиданно вспыхнули узнаванием. Она приложила пальцы к губам и низко поклонилась.

- Приветствую тебя.

Неизреченная радость дрожала в ее голосе. Мало что понимая в этой пантомиме, Солгар уставился на Лесарта. Тот вроде и не изменил свою невзрачную внешность, только взгляд выдавал в нем того, кто он есть. Лесарт одними глазами сделал старухе какой-то знак и кивнул в ответ. Та понятиливо опустила голову и обратился к Солгару:

- Что господину угодно услышать?

У царевича опять создается то самое впечатление, что ему морочат голову, он даже разозлился на наставника. Выспросил все, что могу женщины и отпустил. Прежде чем уйти, она снова поклонилась Лесарту, а тот, выразительно шевельнув бровями, проговорил:

- Пошли весточку сыну.

- Я передам сегодня, господин, - низко склонилась она. - Да хранит тебя Господь.

После этого старушка ушла, а Солгар посмотрел на Лесарта и после короткого молчания спросил:

- Ничего мне рассказать не хотите?

глава 39

Он предпочел бы скрыть свое состояние за маской невозмутимости, но в голосе прозвучала обида. Царевич Солгар чувствовал себя использованным и испытывал досадливое двойственное чувство.

Лесарт прошелся по комнате, пригладил волосы, потом заложил руки за спину и спросил:

- Что именно вы хотели бы услышать, царевич?

Голос звучал мягко, Солгару даже почудились в его интонации отголоски боли. Молодой человек нахмурился и тряхнул головой, отгоняя впечатление. И все же оно осталось.

- Почему вы под личиной?

Лесарт взглянул на него с недоумением, мол, и это надо объяснять? Но Солгар продолжил:

- Я понимаю, что вы хотите остаться неузнанным и прикрыться мной. Но зачем вам это?

На этот раз Лесарт повернулся к нему всем корпусом.

- Вы правы, царевич, мне нужно попасть кое-куда и остаться неузнанным.

- Во дворец Гелсарта? - спросил Солгар.

- Да.

Повисло молчание. Ответа как такового не было, все это Солгар и без того знал.

- Еще вопросы?

- Да. Кто эта женщина, что она должна передать, а главное, кому.

Солгар и сам не заметил, как перешел на сугубо деловой тон. Ему уже приходилось принимать участие в военных действиях, бывал в походах с Мелиаром. Потому имел представление о том, что есть военная хитрость и план операции. Именно это сейчас и затевалось. И, черт побери, ему нужно было знать этот план.

Лесарт кивнул и заговорил уже серьезно, как будто принял негласное соглашение, и с этого момента они партнеры.

- Эта женщина знает меня с детства. Она... моя няня. После того, как я бесследно исчез, а Гелсарт объявил о моей смерти, - Лесарт усмехнулся, - Отправилась с паломничеством к Салимскому Оракулу. Там мы встретились вновь. Она осталась при храме.

Царевич воскликнул, пораженный внезапной догадкой:

- Так она могла знать Ивалион?

- Да, она знала Ивалион.

- А... - оторопело поскреб в затылке Солгар.

- Здесь она служит уже много лет. Уходя из Салимского храма на север, я просил ее об этом.

Надо было осмыслить. Умом Солгар понимал, что Лесарт мог провидеть этот момент, но все равно, принять подобное было слишком сложно. Неожиданно для себя он спросил:

- Так в жизни все предрешено?

- Можно сказать и так. Но многое, если не все, решает наш выбор.

Опять повисло молчание, с последней фразой царевич не мог не согласиться.

- А ее сын, кто он?

Лесарт хмуро взглянул на него из-под бровей и ответил:

- Главный повар на дворцовой кухне моего брата.

Что-то никак не увязывалось это в голове у Солгара. Послать весточку на кухню... На кухню? Нет, серьезно... У него слегка глаза на лоб полезли от усилий. Решил додумать после.

- Какова моя роль в этом? - спросил он у Лесарта.

- Вы очень удачно обозначили свою роль перед наместником, царевич. Ее и придерживайтесь.

- В смысле... что я - дядя Гесты?

- Да. И по закону моей... кхम्म... Гелсарта страны вы, как близкий родственник, имеете право видеть девушку, чтобы удостовериться, что с ней все в порядке и условия брачного договора соблюдены.

- Я? Да? О...

С точки зрения Солгара это была ошеломительная новость.

- Значит, я смогу увидеться с Гестой? А вы, стало быть, пойдете вместе со мной и... - начал он развивать свою мысль.

- Нет, царевич. У меня другая цель.

- Какая?

- Сейчас я вам этого сказать не могу. Если вы будете знать, поверьте, мой брат сможет вытащить это из вашей головы.

Обидно, но в словах наставника был резон.

- Остальное на месте, - устало проговорил Лесарт. - А сейчас я бы посоветовал вам обмыться, поужинать и лечь спать. Завтра нам понадобятся силы.

На этот раз Солгар возражать не стал.

Отправив царевича восстанавливать силы, сам наставник Лесарт не пошел спать. Молодой человек уже десятый сон видел, а он еще долго сидел, застыв в одной позе, и смотрел на огонь.

Обдумать еще раз, сотый, тысячный.

У него нет права на ошибку. Потому что теперь в его руках тоненькие ниточки слишком многих жизней. Их судьбы, счастье...

Лесарт смотрел на огонь и видел то, что показал ему когда-то в видении странствующий жрец.

Женщина, не молодая, не старая. Из тех, кто живет в лесу у границы, промышляя травами. Бедная хижина. Знахарка. И у нее сын, десятилетний волчонок-оборотень. Первый оборот, его стало корежить, а во дворе как раз стоял один из отрядов, посланных Гелсартом для зачистки. Солдатам велено было уничтожать всех оборотней, без разбора. Мол, разоряют угоды и отказываются платить дань.

Воины Гелсартовы убили мальчишку прямо на глазах у матери. Несчастливая с криком бросилась на тех, кто разрубил волчонка на части, и страшно прокляла жестокого властителя. Вероятно, в пароксизме чувств у женщины в тот момент случилось провидение, потому что она назвала еще нерожденное дитя Гелсарта бескрылым чудовищем, зверем, лишенным человеческого разума. Ужасом, сеющим смерть вокруг. И предрекла, что чудовище так никогда и не обретет свою истинную суть, ползая в подземных норах, пока не издохнет.

А других детей у властителя не будет.

Женщина кричала долго. Солдаты ее, конечно же, убили. Однако и сами вскоре погибли там же при невыясненных обстоятельствах. Пересказать властителю слова проклятия было просто некому. Лесарта не интересовала смерть солдат, они ее заслужили.

Слова той женщины.

Бескрылое, лишенное человеческого разума... Не обрести истинную суть...

Он видел племянника своими глазами - обыкновенный человеческий ребенок. Потом странствующий жрец объяснил ему, что проклятие начало действовать в полную силу с первым оборотом. И показал ему чудовище.

Лесарт осознавал, что это из-за чудовищной жестокости отца Зэйн родился проклятым, искалеченным драконом. Лишенным крыльев,

теряющим человеческий разум в обороте. Но как??? Как такое могло произойти, что у его брата, на какую-то сотую долю демона в крови, мог родиться дракон?! Как...? Это было выше его понимания.

Жрец не стал ничего объяснять, просто открыл ему смысл двух первых предсказаний Оракула. А потом случилось еще одно, третье.

глава 40

Проснуться утром и не верить, что все это правда.

Слишком много счастья. Страшно качнуть чаши равновесия судьбы, стронуть песчинки в часах. Пусть замрет время, хотя бы ненадолго, пока она лежит в теплом коконе его сильных ласковых рук.

Кажется, уже нельзя больше пить хмельной пылающий мед близости, уже выпито все до дна, до капли. Пресыщено тело, переполнено до истомы, до изнеможения.

Но ярко горит мед, до безумия сладко. Хочется еще и еще, и еще...

Просто надо сделать усилие над собой и прерваться.

Глянуть на себя в зеркало... И ужаснуться. Ну и вид, волосы всклокоченные, глаза сияют звездами, зато по всему телу полно следов любви... Кошмар!

Геста тут же понеслась в ванную, приводить себя в порядок, в который раз вспоминая воспитательницу, приставленную к ней царицей Фелисой. Та говаривала не раз, что рядом с супругом надо выглядеть безупречно. Любая мелочь может его отвратить...

Нет. Ее чудовище, похоже, ничто не может отвратить, потому что именно это Зэйн ей молча доказывал. А после, когда они вместе нежились в теплой воде, Геста вспоминала урывками, что он шептал ей ночью. Стихи на хакс, языке степных кочевников. Геста и знать не знала, что это может звучать так красиво.

«Как рассказать о том, чего хочу?

Быть возле сердца твоего хочу.

Молить об исполнении желаний

Тебя, живое божество, хочу.

Глаз не смыкая, праздновать с тобою

Ночь нашу, наше торжество хочу.

Жемчужное зерно сверлить блаженно

Всю ночь, со дна добыв его, хочу.

Тебя одну, желанную награду,

Отраду сердца моего хочу.

С любимых ног хочу снимать пылинки

Губами - только и всего хочу».

(Хафиз)

Когда они выбрались из ванны, Зэйн на минуту отошел за пределы их отгороженного занавесями мирка, но тут же вернулся, неся в руках два плоских золотых браслета. Просто полированные пластины безо всяких украшений. Замер перед ней, глядя в глаза.

- Геста?

Брачные браслеты. Геста замороженно застыла, понимая, чего он хочет, и как во сне протянула ему обе руки.

- Моя?

- Твоя.

И тогда он надел на ее запястья браслеты и чуть поджал пальцами, чтобы пластины сошлись. На них даже не было замочков, чтобы защелкнуть. Однако под его руками по гладким краям золотых пластин пробежали искры, запаивая их в литые обручи.

- Я должен был сделать это в день нашей свадьбы. Но... - Зэйн болезненно поморщился. - А отец, как всегда, постарался все испортить. Нацепил на тебя свои браслеты.

Гесте вдруг стало неудобно, что она вроде как соучаствовала в этом поступке Гелсарта. Но она и не подозревала, что властитель может надеть свои обручальные браслеты на невесту сына.

- Я... прости, я не знала.

Он улыбнулся, прижимая ее к голову к своей груди.

- Откуда тебе было знать, на что способен мой отец?

Сегодня все казалось не таким радужным, как вчера ночью.

- Зэйн, Гелсарт ничего тебе не сделает? - спросила Геста, поднимая на него глаза.

- Нет, - усмехнулся тот. - Пока обещание не нарушено, я в полной безопасности.

Ей все равно было не по себе.

- А он сильно взбесится, да?

- Еще как, - весело протянул Зэйн, приглаживая ладонями ее волосы. - Но это его трудности.

Геста была далеко не так оптимистично настроена, девушка нахмурилась и засопела.

- Довольно о нем, - проговорил Зэйн. - Давай есть, а потом займемся чем-то более приятным. Я, например, еще не видел интимный танец в твоём исполнении...

Она немедленно вытаращила глаза и закрыла рот ладонью, а потом

замахала на него руками:

- Уверяю тебя, там не на что смотреть! У меня...

Но он скрестил руки на груди и выдал:

- Да-да, у тебя медвежья грация, это я уже слышал. И тем не менее, я хотел бы его увидеть.

- Э... Нам надо на встречу с жожаком, если ты не забыл!

- Ладно, но после...

- Ой, - закатила глаза Геста. - Да! Хорошо. Но я не виновата, если тебе не понравится!

Несмотря на игривый тон, произнесенное вслух имя отца так и повисло тревожным фоном на границе сознания. Зэйн понимал, что Гелсарт не отступится. Следующий ход только вопрос времени. Надо было как-то обезопасить от него Гесту.

Властитель который день уже был мрачен. Бродившая в нем досада выливалась в жестокие игрища.

По его приказу в пиршественный зал по ночам приводили осужденных на смерть преступников. Две команды по десять человек, короткие мечи. Властитель предлагал им добыть свободу в смертельном поединке. Более того, победители получают столько женщин, сколько смогут покрыть, и столько еды и вина с царского стола, сколько в них влезет. Все. Прямо здесь и сейчас.

Маленький бой. Но настоящий, жестокий и кровавый, до смерти. И сразу награда. На его памяти не отказался никто.

Умиравшие еще стонали, дергаясь в своей крови, а оставшиеся в живых, не чувствуя боли ран, покрывали разбегавшихся с визгом женщин, словно обезумевшие животные. Обжирались и упивались. И снова, и снова.

Властитель смотрел и смеялся.

Потом по его приказу убивали всех. И мужчин, и женщин.

Обычно это его бодрило, вносило перчинку, возбуждало. Насмотревшись, как эти несчастные агонизируют, Гелсарт потом предавался плотским удовольствиям сам.

Но то, что доставляло удовольствие раньше, теперь вообще проходило фоном. Ни смертельные поединки, ни оргии, ничего не волновало кровь. Гелсарта ела досада, а в мозгу бродили мрачные мысли.

Как могло произойти, что он не смог войти в им же созданный

Лабиринт? Наполненный ЕГО магией? Что за чуждая, незнакомая и такая знакомая магия остановила его? Почему?!

Зэйн. Его сын стал взрослым. И не родился он таким, не окажись запертым в Лабиринте, скованный родовой властью... Гелсарт понимал, что сын давно уже заявил бы свои права и постарался свергнуть отца. Этот мир был бы тесен им двоим. Он уже тесен!

В который раз Гелсарт задумывался над тем, а так ли ему нужно это чудовище в подземелье? Однако что-то его все время останавливало.

До ночи с ее кровавыми прелестями было далеко, и пока властитель предавался размышлениям, в его личных покоях звучала расслабляющая тягучая музыка. Извивались тонкие и гибкие женские тела, едва прикрытые полупрозрачными белыми покрывалами. Главное, чтобы не было видно их лиц. Если не видно лица, все женщины одинаковы.

Танцовщиц властителю теперь подбирали исключительно тонкотелых и смуглых, с длинными густыми волосами. Чтобы создать нужный оттенок, посыпали золотой пудрой. И все равно, даже не видя лица, даже закрыв глаза, он не мог представить на их месте другую. Девушку, которую он отдал в невесты сыну. Болезненное желание, как гнойный нарыв в душе, разъедало его. И не было этому никакого объяснения.

На ум властителю приходили древние стихи:

«Когда любовь свои шатры в груди твоей раскинет,
И боль жестокая терзает душу, сердце раня,
И нет спасения ни в чем, ни днем, ни ночью,
И муки нестерпимые жгут пламенем свирепым,
То все готов отдать несчастный узник страсти
За торжество любви, за рай земной, за счастье».
(Фарид-ад-дин Аттар)

Любовь?! Счастье?! Гелсарт заходился злым саркастическим хохотом. Однако терзавшая его неудовлетворенность от этого не становилась меньше. А в душе постепенно зрело желание наказать виновницу этого безумия. Со всем пристрастием, жестокостью и страстью.

Однако Гелсарт не был бы великим царем, не умей он видеть истинную выгоду. Младенец, сын Зэйна, необходим. Ему нужно кому-то передать царство. Пусть это случится еще неизвестно когда, Гелсарт вообще умирать не собирался, но наследник нужен. Наследник рожденный женщиной из рода Катх.

Провидящий истину. Властелин неба. Дракон.

Истинное всесилие. Нужно ли ему в том случае будет чудовище?

Он знал ответ. Но еще не готов был принять его окончательно.

Танцовщицы все извивались в дыму возбуждающих ароматических курений, а у Гелсарта внезапно созрело решение как попытаться пробить чуждую магию и открыть себе вход в Лабиринт.

глава 41

Идея пришла спонтанно. Он смотрел на это танцующее мясо и вдруг понял, надо просто пустить кого-то перед собой. Танцовщицы для этой цели подходили идеально. Либо магия, остановившая его, уничтожит их, либо пропустит. Если пропустит, они могут его пригласить.

Гениально, просто. Но.

Было несколько шероховатых моментов.

Магия, как он еще в первый момент почувствовал, светлая и очень сильная. Ему приходилось когда-то давно слышать, что светлые маги способны ставить такой защитный контур против потусторонней нечисти. Стоит нечисти приблизиться к границе охранного контура, ее просто режет лучом света, и она сгорает.

Почему его не перерезало лучом? Пффф, он же не нечисть! Однако шутки шутками, а Гелсарт задавался этим вопросом. Вероятно, сработала защита, которой он себя окружил, не зря же он считался сильнейшим темным магом. С другой стороны, и защитный контур воспринимался не как луч, а скорее свечение. Мягкое золотое свечение, желанное для души, но для него непреодолимое. Опять мелькнула странная ассоциация, прошившая вместе давно забытое и совсем недавнее прошлое.

Девушка. Беззвучный рык поднялся из его груди. Когда-нибудь она точно ответит за все эти выверты.

Еще один момент заставлял Гелсарта недовольно кривиться. Зэйн.

Может не впустить танцовщиц? Надо сделать так, чтобы впустил. Это будет несложно. Как он заметил, его сынок изрядно размяк душой за последнее время. Значит, если этим жалким потаскухам будет грозить смерть, он их впустил. Не захочет показаться чудовищем перед невестой.

От этой мысли властитель внезапно повеселел и, задрав голову к потолку, расхохотался. Потом резко махнул рукой, подавая знак. Девицы, вертевшиеся перед ним, немедленно бросились нему и замерли, опустившись на колени.

Пять шлюх. Властитель протянул руку и, сбрасывая белое полупрозрачное покрывало, схватил за волосы ту, что оказалась ближе остальных.

- Хочешь трахаться по-настоящему? М?

- Да... властитель я... мечтаю... - пролепетала та, испуганно сглатывая. -

Доставить вам удовольствие.

- Доставишь. Вы все, - он отшвырнул ее и обвел взглядом остальных девиц.

- Да, господин, мы счастливы, господин, - выстонали они, пряча страх в глазах.

Он расхохотался и снова схватил за волосы ближайшую. Подтянул к себе и, зашептал, задевая губами ухо:

- Запомни. Когда попадешь на место, позови меня, - тряхнул за волосы, заглядывая в глаза. - Если хочешь жить. Поняла?

Девушка закивала, уставившись на него как цыпленок на удава.

- Молодец, - приговорил Гелсарт, отпуская ее. - Скажи остальным.

Их в любом случае ждала смерть, но почему бы не дать им надежду? Будут охотнее стараться. Властитель встал и уже, выходя на террасу, собрался приказать, чтобы пятерых танцовщиц под охраной отправили во внутренний двор, как в покоях появился распорядитель и доложил:

- Властитель, прибыл гость. Царевич Солгар из Белора.

- Из Белора? - переспросил Гелсарт, кривясь.

- Дядя царевны Гесты по отцовской линии. Он хочет копию брачного договора и право видеть девушку.

Гелсарт просиял, это был куда лучший выход! Настоящий подарок судьбы.

- Скажи, что он получит право. И копию. Но сначала отведи его в малый зал у фонтана. Я хочу на него посмотреть, - приказал он и вышел на террасу.

По дороге на встречу с жоаком они сначала заскочили в старое жилище Гесты, как она в шутку сказала, в ее невестинскую горницу. Ну да, теперь-то она жена. Зэйн с тайной радостью наблюдал, как она время от времени гладит брачные браслеты и улыбается, а у самого сердце начинало заходиться непонятным светлым трепетом.

Геста хотела переодеться. Вытащила из сундука то самое темно-зеленое шелковое платье, которое было на ней, когда он впервые подошел. Повертела платье в руках. Наморщила нос, глянула него загадочно и пошла в ванную. Зэйна одолело любопытство, и он решил пойти следом.

- Может, ты выйдешь? Я стесняюсь.

- Кого? Меня? - оторопел он.

Это после их ночи? И утра?

- Зэйн, ну это же не наша спальня...

Ему стало весело, сложил руки на груди, глядя на нее, хотелось послать все к черту и любить ее снова. Но он понимал, что сейчас надо прежде всего думать о ее безопасности. И ради этого Зэйн готов был использовать все доступные ему пути. Соглашение с людьми один из них. Оставалось лишь удивляться, как он не дошел до этого раньше.

Когда пришли на место, люди уже были все в сборе. В этот раз Зэйн решил обойтись без демонстраций, потому обратился человеком перед входом, и в зал они вошли рука об руку. Гесте было безумно приятно осознавать, что теперь они муж и жена.

Тигарда она увидела издалека, он выглядел чем--то недовольным, но увидев ее, сразу замахал рукой и хотел было двинуться навстречу, однако вожак удержал его на месте. Наконец они подошли вплотную и остановились друг против друга.

От людей сегодня присутствовало вдвое больше народу, и все они застыли и пристально смотрели на их с Зэйном соединенные руки. Гесте не очень понравилось такое повышенное внимание. Будто дыру сейчас прожгут.

Но сегодня во всяком случае не было тех полных ненависти выкриков. Люди молчали. Даже Тигард. Вожак выступил вперед и вместо приветствия спросил:

- Ты подумал?

- Да, - ответил Зэйн, по-прежнему сжимая ее руку.

Вожак скользнул по ним острым взглядом.

- И? Каков будет твой ответ?

- Я помогу вам.

Мгновенный ропот волной прошелся по толпе за спиной вожака, люди заволновались. Зато Тигард подбоченился и весь, казалось светился от гордости. Вожак не оглядываясь поднял руку, заставляя ропот стихнуть, и проговорил:

- Мы много лет строим ход на поверхность...

- Вы понимаете, что ваш ход выйдет не где-нибудь в лесу, а посреди дороги, опоясывающей дворец, и тогда вы наткнетесь прямо на оцепление?
- спросил Зэйн.

- Понимаем, не глупее некоторых, - недовольно зыркнул на него вожак, утихомиривая очередную волну ропота. - Наш малец на днях нашел другой выход.

И показал пальцем на неприметное отверстие вытяжной шахты на

потолке.

- Но нам туда не достать. Ты должен помочь.

Наблюдая за разговором, Геста видела, как Зэйн поморщился, и не могла понять, что же ему не нравится. А он проговорил:

- Хорошо.

Толпа за спиной вожака заволновалась, люди неосознанно подались вперед и зашумели.

- Тихо! - выкрикнул тот, свирепо вращая глазами.

Но бесполезно, никто и не старался радостного возбуждения.

- Я помогу вам, потому что дал слово, - проговорил Зэйн, разглядывая ногти, а потом перевел взгляд на еле заметное отверстие далеко на потолке.

- Но как вы себе это представляете?

- Э...хмм! - осекся вожак, проследив его взгляд.

У него вырвалось нервное движение, а на лбу обозначились упрямые складки. Повисло молчание. Зэйн все также разглядывал ногти со скучающим видом, Гесте стало не по себе. Он тронула его руку и тихонько спросила:

- Но что-то же можно сделать?

- Можно, - так же тихо проговорил он. - Но сначала надо хотя бы знать, куда эта шахта ведет. Иначе вылезут и попадут прямо в лапы моему папаше, то-то он обрадуется.

Потом повернулся к людям и, обращаясь ящером, спросил:

- Добровольцы есть?

Судя по тому, как быстро рванула в рассыпную толпа, добровольцев не было. Ящер затрясся от хохота. А вожак, отбежав на почтительное расстояние, выкрикнул, стискивая кулаки:

- Ты обещал помочь!

- Я и собираюсь. Кто-то из вас должен подняться и проверить, куда ведет шахта.

В толпе людей произошел спор на повышенных тонах, кому добровольно идти в пасть скалящемуся чудовищу. В итоге вперед вытолкнули Тигарда, под тем соусом, что это была его идея. По лицу парня было видно, что ему не слишком хочется геройствовать, и Геста, на глазах которой все это происходило, заволновалась.

- Ти, не бойся! Клянусь, Зэйн ничего тебе не сделает!

Подбежала к ящеру, обхватила руками огромную лапу со страшными когтями и выкрикнула:

- Правда?! Скажи ему, Зэйн!

Тигард уже видел их вместе и знал, что они пара. Но этот внезапный жест доверия со стороны Гесты, и главное - то, как ящер мягко ткнулся огромным носом в ее волосы...

- Я готов! - крикнул он, делая шаг вперед.

Ящер повернул к нему голову и выдохнул с шипением:

- В штаны не наваляешь, храбрец?

Это была насмешка. И вызов. Но, не смотря ни на что, вызов уравнивал кошмарного ящера и человека. В этом был элемент игры.

- Ты, не бойся, - зашептала Геста, глядя на него. - Ну хочешь, я пойду с тобой?

А он, глядя на огромную пасть, полную острых клыков, ответил, упрямо сцепив зубы.

- Не дождешься! - и с опаской, бочком, но все же подошел к чудовищу вплотную.

Он готов был поклясться, что ящер ухмылялся. Однако жуткая пасть захлопнулась, зубы клацнули совсем рядом, заставляя Тигарда побелеть от ужаса. Потом ящер аккуратно перехватил его лапой поперек туловища и быстро поднял в воздух.

Тут уж не только Тигард, криков ужаса не сдержал никто.

А ящер, не обращая внимания на вопли и визг, поднялся на задние лапы, и вытянувшись во весь свой рост, уцепился когтями свободной лапы за потолок у самого отверстия. Из-под когтей немедленно пошел дым.

- Давай, парень, - прошипел ящер, подпихивая его к отверстию.

Вблизи шахта была достаточно большой, чтобы в нее могло пролезть несколько человек одновременно. И скобы на стенах. Уцепившись за скобы, Тигард полез вверх. В спину услышал, как прошипел ящер:

- Не высовывайся там. Будь осторожен, чтобы тебя не заметили.

Тигард лез все выше, трясясь от возбуждения, руки слушались с трудом. Но свет, настоящий, дневной, становился ближе и ближе! Наконец, с трудом сдерживая дыхание и колотящееся сердце, почти глухой от бухавшего в ушах тока крови, очень осторожно выглянул наружу.

Черт... Шахта выходила над кровлей первого уровня дворца. На ту самую площадь, куда их всех привезли с самого начала. Все как ладони. Полно стражи.

Разочарование было ужасным. Тигард полез обратно. Когда был уже на нижних скобах, услышал шипение ящера:

- Руки отпускаяй, поймаю.

Парень был настолько подавлен, что просто отпустил руки и

повалился назад. Как приземлился в когтистую лапу и потом почти сразу очутился на полу, Тигард почти не заметил.

- Ну?!?! - обступили его люди.

Смог только покачать головой.

- Что?! - спросил вожак. - Говори, не молчи!

- Там... площадь. Полно людей, солдаты.

Возникла пауза, заполненная звенящим молчанием. Люди сбились в кучку, отказываясь верить. Видя, как в них зарождается отчаяние Зэйн, который к тому моменту успел обернуться человеком и сказал:

- Есть и другие шахты.

- Где? Где?! - все разом повернулись к нему.

- Надо делать карту, - проговорил он, теребя обожженную руку.

- Сделаешь? - после минутного молчания спросил вожак.

Зэйн кивнул.

- Завтра встречаемся с утра. - и обернулся к Гесте. - Пошли.

Она бросилась к нему, глаза большие, тревожные.

- Что с рукой?

- Ерунда, обжег магией, - сказал он, подсаживая ее на спину. - Руны не пускают меня за охранный контур. Сейчас пройдет.

- Зэйн, спусти меня сейчас же! Я должна полечить!

- Ты должна мне интимный танец, помнишь? - прошипел он, посмеиваясь, и оскалился во всю пасть, услышав, как она сопя и охая, поправляет звякающие брачные браслеты.

Пусть первая попытка и вышла неудачной, это только начало. В тот момент Зэйну казалось, что все получится. Что означало для него это самое ВСЕ, он предпочитал не задумываться.

глава 42

Властитель сейчас примет вас.

Царевич Солгар, высокий гость из захолустного Белора, уже полчаса прогуливался по залу, выходявшему открытыми дверями на террасу с фонтаном.

Приняли его здесь сначала надменно, но стоило распорядителю услышать, что он дядя царевны Гесты, как тон распорядителя мгновенно изменился. Солгар мог бы даже сказать, что в глазах царедворца мелькнул испуг. Ему было предложено подождать, а когда распорядитель вернулся, из него разве что мед не капал.

Все эти тонкости чужеземной дипломатии, откровенно отдававшей лицемерием и опасным коварством, здорово напрягали молодого человека. Не сказать, чтобы он был бесхитростным, но разговоры с двойным дном претили его душе. Царевич предпочитал не лгать без особой нужды и если делал это, то крайне неохотно.

Сейчас Солгар разглядывал здешнюю шокирующую роскошь, а в голову все время лезли последние наставления Лесарта. Сам наставник появляться перед распорядителем отказался, вместо этого он, стоило въехать на территории Гелсартова дворца, тут же смешался с толпой слуг. Солгар вполне мог понять его маневр и желание остаться неузнанным.

Но получалось, что Лесарт бросил его одного в логово зверя.

Да зверя непростого.

- Мой брат, - говорил Лесарт, описывая, властителя Гелсарта. - Подобен змее. Также ловок, опасен и быстр. И поверьте, царевич, заморозить какого-то цыпленка до такой степени, что тот с обожанием сам влезет в его пасть, для него пара пустяков. Мой брат умен, обаятелен, он прекрасный собеседник. И да, Гелсарт довольно хорош собой, но чрезвычайно порочен. Будьте осторожнее с ним.

- Что вы имеете в виду? - вскинулся царевич, уловив двойной смысл в словах наставника.

- Только то, что сказал, - ответил Лесарт тогда. - Будьте с ним предельно осторожны. Думайте, что говорите и постарайтесь не лгать, он это почувствует. Контролируйте все, эмоции, желания, мысли. Все может быть использовано против вас. Не верьте ему на слово, он вас обманет.

Царевич только хмыкнул, по словам наставника Гелсарт получался

самым настоящим чудовищем.

- Надеюсь, он хоть не убьет меня? - пробормотал Солгар, скрывая досаду.

- Вы можете отказаться, царевич. Никто вас за это не осудит.

Сказано было совершенно серьезно, и во взгляде Лесарта не было ни тени насмешки. Спокойный взгляд, взвешенные чувства. Он просто давал ему выбор. Принять бой или отказаться, постичь свое предназначение или отступить. Струсить.

- Должен же я исполнить то, зачем приехал сюда, - сказал Солгар, глядя наставнику в глаза.

И вот теперь он вышагивал по залу, скользя взглядом по изумительным, словно живым фрескам на стенах, и с невольным холодком в груди ожидал встречи с неизвестным чудовищем. А в открытую дверь с террасы доносилось тихое журчание фонтана. Вода, прохлада, мерный тихий звук дарящий успокоение.

Понимая, что властитель задерживается, и может отсутствовать еще долго, Солгар уже собрался выйти на террасу. Но тут в дверном проеме словно ниоткуда возник мужчина в дорогой одежде и шагнул в зал. Стоило Солгару только взглянуть, он сразу понял, кто перед ним.

Властитель Гелсарт.

Новость о том, что у царевны Гесты есть дядя, который приехал удостовериться, по всем ли правилам заключен брачный договор, и увидеться с девушкой, была как нельзя кстати. Его требования законны и проигнорировать это Зэйну не удастся.

Прекрасный шанс. Но властитель Гелсарт хотел сначала посмотреть на него. Если ты собираешься использовать человека в своих целях, следует сперва расположить его к себе, внушить правильные мысли.

Гелсарт был неприятно поражен, когда вместо солидного дяди увидел красивого, а главное, молодого человека, гораздо больше похожего на любовника. Гостю не было и двадцати пяти на вид, едва сбросил пушок невинности. Оставаясь невидимым. Гелсарт довольно долго наблюдал за ним, ожидая увидеть свойственные незрелым юнцам горячность и порывистость.

И, не желая себе в том признаваться, ревниво искал признаки влюбленности. Потому что такие как этот мальчик скорее поедут за женщиной и будут сломя голову кидаться в авантюры, чтобы любимую вызволить, чем улаживать какие-то там договорные дела. Обычно такими

вещами занимаются опытные люди, давно отжившие свою молодость. Те, для кого власть и богатство значат куда больше, чем женские прелести.

Однако молодой человек оставался все это время невозмутим и даже апатичен.

Властитель не мог склониться к какому-то единому мнению. Он понимал, конечно, что бывают унылые сухари и смолоду. Не все же рождаются настоящими мужчинами, как он...

И все же Гелсарт чуял подвох. Но не мог понять, в чем, и это ему не нравилось.

Поэтому, чтобы понять, как именно лучше всего использовать неожиданного гостя из Белора, властитель решил пронаблюдать молодого человека подольше и поближе. Выяснить, чем тот дышит.

И только после этого вышел из укрытия.

Увидев перед собой властителя Гелсарта, Соргар в первый момент немного растерялся, слишком уж неожиданно тот возник, будто из воздуха появился. Но быстро взял себя в руки и приветствовал великого властителя, как требовал того этикет. А сам при этом не переставал удивляться, насколько точную характеристику дал брату наставник Лесарт.

Однако то, что властитель принял его не в тронном зале, а малом, камерном, по-свойски, наводило на странные мысли. Глядя в его желтоватые глаза, Солгар не мог отделаться от ощущения, что они с Лесартом действительно неуловимо, но очень сильно похожи.

Та же сухощавая сильная фигура, осанка, посадка головы. Тот же взгляд, моментами пугающе пронизательный, проникающий в душу и насмешливый. Но Гелсарт выглядел гораздо моложе брата, на вид ему можно было бы дать не больше сорока пяти. И в общем, да, обаяние ума и харизма определенно присутствовали. А радушие властителя невольно навело его на ассоциацию с дремлющим удавом или сытым тигром.

- Рад видеть в своем доме родственника нашей дорогой невестки. - благосклонно проговорил на его приветствие Гелсарт,

По губам Гелсарта скользнула улыбка, а у Солгара почему-то засосало под ложечкой. Сочтя обмен приветствиями законченным, Солгар решил сразу приступить к делу. Говоря о праве увидаться с племянницей, ему даже удалось сохранить серьезную физиономию.

Властитель смерил его взглядом, в котором читался странный интерес и весьма двусмысленно усмехнулся в ответ:

- К чему спешить? Возможно, наши молодые в это время уже спят...

Или каким-то еще приятным делом заняты? Вы устали с дороги, отужинайте со мной, отдохните. А завтра с утра обсудим все вопросы.

Солгар чуть не подавился.

- Благодарю, э... это большая честь для меня, - пробормотал он, сотворив на лице учтивую улыбку.

- Вот и славно, - сказал Гелсарт и, сделав жест, приглашающий следовать за ним, вышел на террасу.

Ничего не оставалось, кроме как идти за ним, похоже, от липкого Гелсартова гостеприимства не отвертеться. Солгар решил отнестись к этому философски. Он действительно устал, весь день в седле, да и есть хотелось зверски.

Так почему бы не поужинать с властителем?

Не отравит же он его в самом деле? Или...

Довольно сомнений. Царевич Солгар незаметно оттянул рукой душивший его ворот и двинулся следом за властителем.

глава 43

Отправляя царевича в пасть змея, как он мысленно называл своего брата, Лесарт не слишком волновался. За то время, что они провели в дороге, он всесторонне изучил молодого человека. Проследил, как тот держится в различных ситуациях, как воспринимает моральное давление. И, самое главное, как ведет себе в неожиданных и неприятных ситуациях.

Наставник не раз с удовлетворением отмечал про себя и способность молодого человека неординарно мыслить, делая из далеко не полных сведений исчерпывающие выводы, и внутреннее благородство. А также некоторую хитрость, скрытность, умение контролировать эмоции и созерцательное отношение к жизни.

По всему выходило, что царевич должен справиться с возложенной на него ролью. Лесарт специально не дал ему многих знаний из опасения, что тот в разговоре с Гелсартом может нечаянно себя выдать. Слишком уж необычно юный царевич выглядел в роли «дяди».

Но это была возможность увидеться с девушкой, узнать, что с ней.

Почти целый месяц Лесарт томился ожиданием, волновался, не ошибся ли. Ошибиться было страшно. И вот наконец получил сигнал. Браслет. Случилось то что он провидел, брак подтвержден по любви.

Люби. Невероятное, несбыточное нечто, сродни рождению новых звезд и смене множества судеб. В первый момент, осознав это, он долго не мог успокоить сердце, нахлынули воспоминания. Вновь встало перед глазами, как он нашел Иву в шатре Мелиара, но было уже слишком поздно, и она приняла свою судьбу.

Этот браслет с древними рунами, подаренный спасшим его странствующим жрецом, он тогда отдал Иве, чтобы уже больше не потерять ее. А потом браслет перешел к дочери Ивы Гесте, которую Лесарт никогда не выпускал из вида. И вот теперь этот его подарок должен был помочь ему уберечь девочку и ее любовь.

Чтобы простить себя за то, что не уберег когда-то Иву.

Странная судьба. Не ведать счастья самому, но быть рядом.

Отмахнувшись от воспоминаний, Лесарт вернулся мыслями к царевичу. В том, что братец заинтересуется необычным гостем из Белора, он нисколько не сомневался. А Лесарту и нужно было его отвлечь.

И пока царевич отправился вкушать ужин за столом властителя,

Лесарт, улучив момент, проник на кухню для слуг, где его замечательно накормили с дороги. А потом, мотивируя это заботой о том, что молодому хозяину нужна особая пища, добрался и главного повара дворцовой кухни.

- Войди! - раздался недовольный окрик из небольшой комнатки, в которой главный повар имел обыкновение отдыхать.

Лесарт вошел. Грузный мужчина с большим рыхлым животом повернулся ему навстречу. Вернув на миг прежнюю внешность, Лесарт увидел, как мгновенно изменился взгляд главного повара. Мужчина немедленно поднялся, склоняя перед ним голову. Однако Лесарт тут же подал знак, чтобы тот молчал. Мужчина все понял.

Потер пухлыми пальцами подбородок, проговорил громко, так, чтобы его услышали те, кто мог находиться поблизости:

- Говори, что за особую еду желает получить твой господин?

- Есть тайные ингредиенты в том, что молодой господин ест по утрам, - уклончиво ответил Лесарт.

- Хе-хе. Хороший слуга, хорошо заботишься о молодом господине. Ладно, не стой на пороге, проходи. И закрой за собой дверь. Мне дует.

Как только дверь закрылась, насмешливый тон сразу же изменился.

- Господин, - склонился главный повар. - Не чаял уже тебя когда-нибудь увидеть.

Улыбка радости осветила лицо толстяка, сделав неузнаваемым. Лесарт молча смежил веки и приложил руку к сердцу. А потом спросил:

- Ты подаешь еду для НЕГО?

- Да.

Лесарт вынул из потайного кармана округлый металлический футляр, в таких обычно хранились письма, и передал со словами:

- Это должно попасть ЕМУ в руки.

Главный повар кивнул и тут же забрал футляр, ловко пряча его в складках одежды. Передав что хотел, Лесарт выдохнул с облегчением и сказал:

- Утром подашь моему молодому господину простоквашу, рисовый отвар и огуречный рассол.

Повар воззрился на него в удивлении, а Лесарт многозначительно шевельнул бровями.

- Он сегодня ужинает, - и показал на потолок, намекая на властителя. - Сам понимаешь, его постараются подпоить. Обьестся непривычной пищи, живот расстроится, голова с утра разболится...

Повар сдержанно фыркнул, пряча улыбку, и проговорил:

- Все будет исполнено в точности, господин, можете не сомневаться.

Человек, которого он уже не чаял когда-либо увидеть, ушел, закрыв за собой дверь. Главный повар опустился на скамью, брови его хмурились, а рука сжимала спрятанное под одеждой тайное послание.

То, что брат властителя жив, ему было известно от матери, как и то, что Лесарт отказался от мести и просто ушел. Он не пытался его судить, у каждого свой путь в жизни. Неожиданным оказалось, что Лесарт захотел передать послание племяннику. Главный повар помнил царевича Зэйна, когда тот был еще обычным ребенком.

Что можно написать чудовищу, заточенному в Лабиринте? Почему сейчас? Много вопросов. Впрочем, это не его дело, ему надо передать послание.

Задача простая и, вместе с тем, крайне трудно выполняемая.

Когда они добрались «домой», Геста все-таки настояла в первую очередь заняться лечением. Зэйн пытался отмахнуться, но она сказала просто:

- Я не смогу. Если тебе больно, мне еще больнее.

И он сдался.

- Да, моя владычица, - проговорил, с усмешкой. - Хорошо.

Владычица...

Молнией мелькнуло из прошлого. Она в келье Лесарта.

«Овладев страхом других, станешь владычицей»

Геста вздрогнула, отгоняя странную мысль, что наставник мог все это предвидеть. Осмотрела руку, кончики пальцев у ногтей были сожжены до черноты.

- Зэйн, - у нее навернулись слезы. - Почему так?

- Магия. Она не пускает меня за периметр. Но это не страшно, скоро заживет.

- Конечно, заживет! - сердито засопела девушка. - Обращайся, Зэйн. Ожоги были получены в той форме, так и будем лечить.

Он замороженно смотрел, как с ее рук текло на него золотое сияние, и ожоги исчезали, словно их и не было. Зэйн не мог оторвать взгляда от ее

сосредоточенно сведенных бровок. Геста все спрашивала, не больно ли ему. Да даже если бы его сейчас резали, он бы все равно не почувствовал.

Наконец она закончила, тщательно проверив каждый коготь.

- Ну вот, - пробормотала, поднимая на него взгляд и отчаянно краснея.
- Теперь я могу исполнить... Но ты обещал не смеяться!

На миг Зэйн онемел, в груди случился сладкий спазм. Сам не заметил, как обернулся человеком и выдавил:

- Пойдем... в спальню. Там покажешь.

Глядел, задыхаясь, как у нее глаза зажглись внезапным пониманием и предвкушением чуда. За руку брал, едва касаясь, сдерживая себя из последних сил.

- Ты забирайся на кровать и пока не смотри, ладно? Закрой глаза...

Чтобы свести его с ума, достаточно было всего лишь шороха одежды. И снова мед запылал в крови. Хорошим танцам обучают девушек в Белоре.

С царского ужина царевич Солгар возвращался в сопровождении каких-то придворных, имена которых он помнил довольно смутно. А эти люди, как назло, все время что-то говорили. И тогда он вразумительно мычал в ответ:

- Угу, передайте властителю мою... мое... восхищение. Ужин бы...л великолепен.

Его покачивало и штормило, а в голове, словно муха в киселе, плавала мысль.

Зачем, спрашивается, он так напился... фуууу... И наелся этой острой пицци... Во рту теперь факельное шествие...

Но тут навстречу этой мысли медленно выплыла другая. Пришлось напрячься и услышать.

Что? Наложниц? Властитель распорядился?

- Нет, - категорически возразил Солгар, частично протрезвев и размахивая перед носом руками. - Предайте мою сс-с-сугубую благодарность. Но у меня э... обет.

Только наложниц ему не хватало. Он и так насмотрелся сегодня на полуголых девиц, извивавшихся в сладострастных танцах. Было в этом во всем что-то отталкивающее и ущербное, словно это не женщины, а вещи. И им все равно, кого ублажать, что прикажут, то они и будут делать.

Он еще не дожил до того, чтобы его надо было ублажать по приказу. Брррррр...

Поэтому нет. Увольте, никаких наложниц.

В конце концов, в сотый раз выразив свое назойливое участие гостю, провожатые таки довели его до двери и оставили в покое. А Солгар, важно покачиваясь из стороны в сторону вплыл в заботливые руки слуги - Лесарта. Еще сколько-то шагов, и он плавно повалился на кровать.

- Ну, как прошел вечер? - ехидно осведомился Лесарт, помогая царевичу выпутаться из рукавов.

- Отлично... - выдохнул тот.

Лесарт поморщился, в царевича, похоже, влили столько разных крепких напитков, что ему впору пламя изрыгать. С рассолом он не ошибся. И усмехнулся про себя, интересно, пригодится ли завтра рисовый отвар?

Но тут царевич, не открывая глаз, прошептал, прерываясь, чтобы выдохнуть очередную порцию адского выхлопа:

- Вы были правы насчет вашего брата... Но я кое-что заметил. Завтра... если вы не возражаете... обсудим завтра.

И мгновенно уснул. А Лесарт еще некоторое время смотрел на него с отеческим восхищением. Он действительно не ошибся с учеником!

глава 44

Ужин прошел не совсем так, как рассчитывал властитель. Нет, конечно, все было идеально, но осадок. Осадок остался, и Гелсарт не мог отделаться от неприятной мысли, что проиграл в словесном поединке какому-то сопливному мальчишке из Белора. Не смог вытрясти из юнца тайные мысли, увидеть движения его души.

Этот царевич Солгар был словно запаян со всех сторон в какой-то гладкий кокон. Выражаясь фигурально, зубы некуда вонзить - соскальзывают. Гелсарт видел, что мальчишка непривычен пить и специально подводил все к тому, чтобы его развезло от обилия выпивки, острой пищи и манящих женских тел вокруг. Чтобы он получил удовольствие, расслабился и развязал язык.

Выяснил он только одно - женские тела интересуют юнца в основном с точки зрения эстетического удовольствия, и то, ненадолго. Потом он снова отворачивался и таращился на него осоловелыми глазами, но нить разговора не терял.

Конечно, кое-что о нем Гелсарт все-таки понял. Например, что царевич Солгар интересуется судьбой «племянницы» по собственной инициативе. Да и родства между ними, несмотря на обилие верительных грамот от царского дома Белора, как такового нет. Значит, парень здесь по личным причинам.

Однако, когда речь заходила о Гесте, в эмоциях царевича не ощущалось мужского интереса или страстного подтекста. Разве что отголоски какого-то чувства, которое Гелсарт мог бы определить как смесь досады и недовольства собой. Гелсарт снова и снова возвращался к этому в разговоре, сбивая с толку сменой темы и шокирующими вопросами.

Ни одного прокола. Это раздражало! Оставалось либо принять то, что мальчишка невероятно изворотлив, либо он так чист душой, как хочет казаться. В чистые души Гелсарт не верил. Значит, первое.

Неожиданно попался экземпляр, почти равный ему по ловкости ума?

Властитель был озадачен и решил присмотреться к молодому человеку уже новым взглядом. Понять, насколько тот может быть опасен в будущем.

И тут Гелсарта внезапно осенила мысль.

Если этот царевич Солгар по собственной инициативе интересуется судьбой своей родственницы Гесты, значит, у девушки может быть к нему

особенное отношение! Она могла быть влюблена в мальчишку или испытывать какие-то еще чувства. Это предположение слегка бесило, вызывая глухое недовольство. Но. Но!

Властитель внезапно расхохотался, откидываясь затылком на подушки у спинки ложа. Подумать только, как взбесится от этого ревнивый сукин сын Зэйн!

У него резко подскочило настроение. Гелсарт даже простил этому Солгару бесцельно потраченный вечер. Черт с ним, пусть сегодня спит, а завтра с утра надо будет продолжить.

И обратил наконец внимание на девиц, вертевшихся перед его ложем. Выбрал одну, с длинными кудрявыми волосами и большой стоячей грудью на тонком почти лишенном изгибов теле.

- Иди сюда. Остальные вон.

Рабыня подошла, глаза в пол. Он поманил пальцем, когда она подобралась ближе, становясь перед ним на колени, протянул руку и больно ущипнул, вытягивая сосок. Девушка тихо охнула.

- Почему ты сделала ничего, чтобы привлечь внимание царевича?

- Я? Господин, я... - вскидывая на него влажно блестящий страхом взгляд.

Прелесть игры состояла в том, что рабыня не могла видеть царевича, этих прислали уже после того, как ужин закончился. Значит, ей и оправдаться нечем. Гелсарт усмехнулся.

- Молчи. Здесь вопросы задаю я.

Девчонка умолкла, ниже опуская голову, ее беззащитная покорность доставила ему внезапное удовольствие. Он вдруг на миг увидел в этой склоненной фигурке другую девушку, которая скоро точно также будет стоять перед ним на коленях. Темное возбуждение поднялось откуда-то из глубины души, завибрировало желанием.

- За это ты будешь наказана, - проговорил он, продолжая причинять ей боль.

Голова склонилась еще ниже. Страх. Дрожь на коже. Хорошо.

- Хочешь доставить мне удовольствие?

- Да, мой господин... - с затаенным отчаянием в голосе проговорила девица, понимая, что ее ждет.

Еще немного. Немного ускользающих остатков желания, а потом все сменилось отвратительной досадой. Не то!

Ему мало было страха. Покорности. Знания того, что может сделать с

рабыней что угодно, хоть выпотрошить, хоть в куски изрезать. Это не давало душе желанного.

Не хватало того чудесного тонкого привкуса магии, аромата невинности, ощущения свежести и солнца на коже.

Проклятие!

Вместо темного тягучего возбуждения, сулившего невероятную разрядку, хлынул черный гнев. Гелсарт одним движением отбросил испуганно взвизгнувшую рабыню прочь.

- Пошла вон!

Рабыня сначала уставилась на него круглыми от ужаса глазами, а потом умчалась, придерживая разорванный на груди лиф. А Гелсарт рывком встал и выскочил на террасу. Ночь висела над головой черной чашей неба, утыканного мириадами огромных мерцающих звезд. Ночь не давала успокоения, дразнила запахами, шептала, будоража тайного зверя в его душе.

Пойди и возьми то, что принадлежит тебе по праву.

Зачем ждать? Если она может быть твоей уже сегодня.

Еще не осознал, откуда эти эмоции, а ноги уже несли его к потайной лестнице, вниз. У двери из заговоренного серебра Гелсарт замер, сжимая и разжимая кулаки. Хотелось снести ее, к чертовой матери разворотить весь Лабиринт и взять то, что ему было нужно. Подавить сопротивление животного, запертого внутри. Животного, посмевшего противопоставить его воле свою. Зэйна.

Рык вырвался из груди Гелсарта. Ладонь уже вскинулась, чтобы снести дверь.

Несколько секунд он стоял раскачиваясь. Гнев kloкотавший внутри, постепенно сходил на нет, оставляя после себя ядовитый холодный пепел.

Когда все прошло, Гелсарт ушел.

Уже бы надо спать, а ей все не хотелось уплывать в сон.

Немного теплой нежности после пылавшей огнем страсти. Угнеститься в кольце сильных рук Зэйна, у его груди. Слушать, как стучит сердце, гладить горячую гладкую, словно атласную кожу. Ее любимое чудовище.

И вдруг спросила:

- Зэйн, а почему ты все время такой горячий?

Он пожал плечами, уткнувшись носом в ее макушку.

- Не знаю. Сколько себя помню, всегда таким был.

Ладонь Гесты остановилась против его сердца, пальцы раскрылись звездой, полностью вбирая. Словно она держала его сердце в руке.

- А знаешь, ты очень добрый. И красивый. Когда я тебя в первый раз увидела, ты показался мне совершенным...

Неожиданное признание заставило мужчину вздрогнуть, кожа покрылась мурашками. Спазмом сдавило горло. Он привык быть каким угодно, только не добрым и красивым. В это было трудно, невозможно поверить, Зэйн предпочел отшутиться.

- Это потому ты от испуга вазу разбила, стоило меня увидеть? - хмыкнул он, отводя глаза.

- Не-а, - заерзала, пряча лицо у него на груди, смущаясь и краснея. - Тогда, в первый день. Ну, в самый первый. Знаешь, если бы у тебя были крылья, ты был бы настоящим драконом.

Болью отдавались в его душе ее слова, руки сами сильнее сжались вокруг тонкого тела.

Мммм, - потянулась она, мечтательно прикрывая глаза. - Если бы у тебя были крылья, мы могли бы улететь отсюда... И никакой Гелсарт ничего бы не смог нам сделать. Нет такой силы, чтобы могла удержать дракона.

Если бы у него были крылья. Если бы он был не проклятой ползучей рептилией, запертой в подземной норе, а настоящим властелином неба, могучим и свободным...

Он бы забрал ее из этой могилы. Унес высоко в горы. И там, в жилище, где будут только они и небо, родился бы их первенец.

Зэйн закрыл глаза. Зажмурился до боли. Ничего этого не будет. Нельзя.

А Геста вздохнула и затихла. Где-то в очень дальнем уголке сознания тонко трепетало сожаление. Ей хотелось бы родить ему сыновей, но... Видимо не судьба.

- Что-то давно твой отец не появлялся у нас в гостях, - проговорила она и поежилась. - Мне почему-то тревожно.

- Не бойся. Все будет хорошо, - прижал ее к себе Зэйн.

Сна все равно не стало. Поцеловал Гесту в макушку и встал.

- Ты куда?

- Спи, - усмехнулся он. - А я займусь картой.

И подмигнул:

- Надо же помочь твоему Ти выбраться на свободу.

глава 45

Ничто так не разъедает душу человека, как ядовитый пепел неудовлетворенности и досады. Властитель был зол на весь мир, потому, что исполнение ЕГО желания откладывалось. На себя, что не владел собой, повел себя как сгорающий от страсти желторотый юнец.

Гелсарт не помнил такого за собой с тех пор, как избавился от старшего брата, стоявшего на его на пути к власти. Даже Оракул Салимского храма, три раза нагло вторгавшийся в его жизнь, не раздражал до такой степени.

Впрочем, все это не имело значения сейчас.

Сейчас властитель был взбешен. Время уже под утро, а он даже не ложился. И за отвратительное настроение и перебитый сон властителя кто-то должен ответить. По приказу Гелсарта распорядителя выдернули из постели, и теперь тот стоял перед ним навтыжку, нервно кося глазами.

- Доложи во всех подробностях все, что тебе известно об этом царевиче Солгаре.

Распорядитель хорошо знал своего господина, а также и то, как легко бродивший в нем гнев может обрушиться на его голову. Поскольку ничего интересного о чужеземном царевиче рассказать он не мог, ибо о некоем Солгаре из Белора здесь вообще услышали впервые, распорядитель доложил почти поминутно о его пребывании во дворце. А также о том, что могло бы показаться интересным или заслуживающим внимания.

- Его слуга был на кухне и посещал главного повара? - переспросил Гелсарт.

- Да, властитель. Его слуга был у главного повара и сказал, что молодому господину по утрам требуется особая пища.

От этой новости у Гелсарта буквально зазвенела интуиция.

- Хорошо, - сказал он отмахнувшись, можешь идти.

Распорядитель убрался, нервно подергивающийся, но счастливый, что отвел гнев властителя от себя. А Гелсарт задумался.

Несколько минут сидел. Постукивая пальцами по подлокотникам, а потом резко встал и направился напрямиком на дворцовую кухню.

Дворцовая кухня это место, где никогда не спят. Приготовление еды,

заготовка продуктов, подача, мойка, сервировка, особые заказы, все это происходит круглосуточно. Можно было только подивиться, как главный повар дожил в этой непрерывной соковыжималке до своих лет. Но он не только дожил.

Главный повар держал вся кухню в своих пухлых руках. Только ему были ведомы все секреты особых блюд. Специи, приправы. Какое и когда кому подать, какие ингредиенты когда и как заготовить и как хранить. Если и были во дворце властителя незаменимые люди, то главный повар несомненно был из их числа.

Вчера Лесарт здорово его озадачил. На самом деле, передать послание господину Зэйну в Лабиринт было совсем не сложно, достаточно положить его вместе с корзиной еды в перемещательный шкаф, и тогда магия переместит все в такой же шкаф, расположенный внизу. Трудно было выполнить это на практике.

То, что доставлялось к личному столу сына властителя, будь он хоть трижды чудовищем, находилось всегда на самом видном месте, многократно пробовалось, проверялось охранялось. Мало того, что в кухне постоянно мельтешили люди, так еще у стола, на котором готовились продукты для господина Зэйна всегда присутствовал страж.

В общем, главному повару пришлось проявить немалую смекалку, чтобы у стража скрутило живот в строго определенный момент, а несколько подмастерьев получили задачу немедленно искать по всем хранилищам особый сорт риса для утреннего отвара высокого гостя из Белора. А кроме того, для царевны Гесты должны были быть испечены особые пирожные, секрет крема для которых...

И так далее, и тому подобное.

И при этом, чтобы никто не заподозрил в его поведении ничего необычного.

Наконец, когда все уже было готово, момент идеальный, в ближайшие пару минут рядом не будет никого, главный повар не спеша пошел к столу с едой, подготовленной для Зэйна, и уже собирался взять корзину, чтобы по дороге к перемещательному шкафу сунуть туда послание...

Как гром среди ясного неба.

Властитель Гелсарт.

Сам. В кухне. Ночью. Злой.

Главный повар так и застыл с поднятой рукой.

- Что ты делаешь? - спросил властитель.

- Я...? Господин, - главный повар отмер и показал на корзину. - Готовлю пищу для господина Зэйна.

Властитель подошел ближе и уже другим тоном спросил:

- Что там?

- Там... э... особые пирожные для царевны Гесты, Господин мой. Из заварного теста с нежным сливочно-молочным кремом и сахарной пудрой, - сглатывая вязкую слюну, проговорил главный повар.

И зачем-то добавил:

- Я сам испек.

- Хорошо, - проговорил властитель, подходя вплотную, и взял из корзины пирожное.

Главный повар замерев и боясь дохнуть смотрел на него. А властитель откусил кусок и с каким-то сладострастным видом облизал палец, испачкавшийся в креме. Повторил:

- Хорошо.

И сразу, без всякого перехода:

- Что хотел от тебя слуга царевича Солгара?

- Мой Господин, он просил приготовить для молодого господина наутро три вещи, - главный повар стал загибать пальцы. - Простоквашу, огуречный рассол и рисовый отвар.

- Рисовый отвар? На кой черт? - переспросил властитель, доедая пирожное.

- Э... слуга сказал, что у... простите, мой Господин, он сказал, что у царевича с перепоя разболится голова, а от непривычной пищи может расстроиться живот.

Как бы ни был зол Гелсарт, услышав эти слова, громко расхохотался. Потом не без ехидства заметил:

- Хороший слуга, заботится о молодом господине.

Подхватил двумя пальцами еще одно пирожное из тех, что предназначались для царевны Гесты, вгрызся в него зубами, жадно слизывая выступающий крем, и ушел.

Эти пирожные удивительным образом помогли ему вернуть хорошее расположение духа. Съев предназначенное для желанной женщины лакомство, он словно стал к ней ближе. Нежное, сладкое, вкусное до умопомрачения. Это было как аванс на будущее.

К тому же, уже сегодня он рассчитывал ее увидеть. Разумеется, после того, как царевича прослабит с утра, а потом его вылечат простоквашей, рисовым отваром и огуречным рассолом.

Гелсарт посмеиваясь вернулся к себе и лег спать со сладким

послевкусием во рту и предвкушением в мыслях.

А главный повар, после того, как ушел властитель, еще секунду стоял в пространии. Потом враз очнулся, вытирая холодный пот со лба, пробормотал:

- Благодарю тебя, Господи...

Схватил корзину и понес к шкафу, по дороге незаметно сунув туда футляр. Положил все это в перемещательный шкаф, закрыл дверцу и в изнеможении закатил глаза. Все, его миссия выполнена, магия довершит остальное.

Сделал. Смог.

Правда, после этого рисовый отвар и настойка валерианы уже срочно потребовались самому главному повару.

глава 46

Утро у царевича Солгара было мрачное. Сначала его чуть свет разбудил добросердечный наставник Лесарт, настаивая, чтобы он чуть ли не с головой влез в холодную ванну.

Потом по-отечески утешал его, дробно стучавшего зубами от озноба. Растирал шершавым полотенцем, попутно вливая в него все три лечебных компонента. В результате через час всех этих садистских процедур хмурый и обиженно смотревший на мир царевич был практически трезв и свеж настолько, насколько в той ситуации вообще возможно.

Убедившись, что Солгар окончательно пришел в себя и обрел ясность мышления, Лесарт приступил к расспросам. Но прежде он обвел взглядом комнату и как-то по-особенному щелкнул пальцами. У царевича возникло ощущение, как будто он в пузыре. Лесарт пояснил:

- Так нас не услышат лишние уши. Итак, царевич, что вам вчера удалось выяснить. И простите за нескромный вопрос, но что такого вы вчера на ужине выболтали Гелсарту? Потому что он ночью носился по дворцу как наскипидаренный.

Царевич ссутулился, заложив ладони между коленей.

- С чего начать?

- Начинайте с того, что вы ему выболтали.

- Ну, я в основном рассказывал, - насупился царевич, - о своих успехах в области изучения философии и расшифровки загадок древности. И ничего смешного, это именно то...

- Ладно, - усмехнувшись проговорил Лесарт, останавливая его справедливое возмущение. - Что вам показалось важным?

- Важным? Скорее странным. У меня создалось впечатление, что ваш брат испытывает к интересующей нас девушке отнюдь не отеческие чувства. И еще мне показалось странным другое. Ну, вы понимаете, цари не просят о таком, они приказывают. Он пожелал сопровождать меня и был слишком заинтересован. Этот жадный блеск глаз...

Лесарт опустил руки, лицо как будто заострилось, а взгляд стал стальным. И вдруг вскинул ладонь. Снова странный пасс, а потом он произнес:

- Царевич, за вами пришли. - и уже тише добавил: - Ради Бога, будьте осторожны.

Зэйн работал весь остаток ночи, и к утру подробная карта Лабиринта, нарисованная им по памяти была готова. Закончив, решил ненадолго прилечь рядом с Гестой, просто прикрыть глаза, и сам не заметил, как провалился в сон.

А она, проснувшись, увидела его, крепко спящего рядом, сначала долго любовалась, а потом тихонечко выскользнула в ванную. Вернувшись, заметила карту на столе, и застряла, с изумлением разглядывая чертеж похожий на какое-то странное переплетение нитей - ходов и крупных бусин - залов.

Особо были помечены шахты, выходящие на поверхность, и технологические ворота, которых оказалось четыре. Это помимо больших основных, через которые она в свое время входила в Лабиринт. Четыре технологических выхода, по одному на страны света. С одной стороны, она заметила, было указано стрелкой в сторону поселения людей. Остальные числились замаскированными.

Но больше всего Гесту поразило то, что за западными технологическими воротами Зэйн условно показал извивающуюся ленту и подписал:

«Есть ход к реке».

Геста застыла, нахмурившись. Получалось, из Лабиринта все-таки был выход?

Решив расспросить Зэйна, когда он проснется, взяла книгу легенд и залезла в постель. Хотелось быть к нему ближе. И только углубилась в чтение, как буквально кожей почувствовала - потянуло магией, словно где-то открылась неведомая дверь.

Ей стало жутко, волосы зашевелились на голове, сразу всплыли в голове собственные слова:

- Что-то давно твой отец не появлялся у нас в гостях...

О Боже... Зачем она только о нем вспоминала!

Мгновенно проснулся Зэйн, Геста даже среагировать не успела, как его сдуло с постели. Хотела крикнуть:

- Ты куда? - а язык не поворачивается.

Но меньше, чем через минуту Зэйн вернулся. Вид недоуменный, странное выражение на лице, будто прислушивался и не мог понять, что происходит. Она и сама не могла понять. Откуда-то тонко тянуло магией, как сквозняком. Наконец, сделав над собой усилие, Геста осторожно спросила:

- Там кто-то пришел?

- Нет, - резко мотнул головой он. - Никого. Но это странно... Я же чувствую...

Потом уставился на нее дышащими вертикальными зрачками. Видно, что дико взволнован. Геста бросилась ему на шею. Целовать, гладить по щеке, успокоить.

- Зэйн, все хорошо. Все хорошо. Никого нет, и это главное.

А его тело как каменное, никак не расслабится. Заглянула в глаза.

- Я есть хочу. Там так вкусно пахнет, но я не хотела без тебя.

Понемногу он успокоился, взял ее ладони, приложил к губам, улыбнулся:

- Сейчас, обжорка ты моя.

- Это я-то обжорка?!

Но он на возмущенный вопль не ответил, только прижал ее к себе теснее, чмокнул в макушку и пошел к оконцу с решетчатой дверцей. Видя, что он оттаял, Геста и сама успокоилась, ну тянет магией и тянет, главное, что Гелсарт по их душу не появлялся. И выдала, устраиваясь на постели:

- Ты такую карту сделал, четкую, подробную. Знаешь, я не думала, что Лабиринт настолько велик. И так все запомнить! - она восхищенно закатила глаза и развела руками. - Не представляю, как тебе это удалось.

Зэйн принес корзину и уселся рядом с ней на кровать.

- Я вошел в Лабиринт, когда мне было четырнадцать лет, и был достаточно взрослым, чтобы соображать. - он усмехнулся, снимая с корзины скатерку. - Чтобы не морочить тебе мозги, признаюсь, я просто видел чертежи. Кое-что запомнил. Ну и вот... О!!! Пирожные!

На некоторое время воцарилось молчание, потому что Гесту уже ничто не могло отвлечь от поедания невиданно вкусного и нежного лакомства, а Зэйна не отрываясь смотрел на нее. Крем на губах, пальцы и кончик носа, перепачканные в сладкой пудре, как тут отвлечься на что-то еще? Никак.

В конце концов, когда весь крем с губ и пальцев Гесты был весь съеден, Зэйн засмеялся и не глядя запустил руку в корзину:

- Ну, что тут у нас еще? - и вздрогнул от неожиданности.

Пальцы наткнулись на гладкую металлическую поверхность. То, чего тут никак не должно было быть. Зэйн напрягся, все неожиданное могло таить в себе опасность, и медленно вытащил это нечто.

Золотистый цилиндр - футляр для писем.

Недоверчиво повертел его в руках, переглянулся с замершей Гестой, и

очень осторожно отвинтил крышку.

И в то же мгновение он словно пропал для мира.

глава 47

Распорядитель был немало удивлен, увидев молодого гостя из Белора трезвым и даже просветленным. Это после вчерашнего-то перепою. По лицу царедворца читалась усиленная работа мысли, наконец он проговорил:

- Властитель Гелсарт справлялся о вашем здоровье, царевич Солгар. Готовы ли вы продолжить приятное общение за завтраком?

- О да, - учтиво поклонился Солгар. - С удовольствием принимаю приглашение властителя. И простите мою откровенность, но я голоден как волк.

Лесарт отвернулся, пряча неуместную лыбку.

- Э... - проямлил распорядитель. - В таком случае следуйте за мной.

И царевич, мужественно кивнув, ушел в сопровождении распорядителя продолжать приятное общение с властителем Гелсартом за завтраком, а может, и за обедом, и ужином.

Как только на ними закрылась дверь, Лесарт поднял вверх ладони и провел по воздуху, словно создавал плоскость. А потом слегка толкнул эту невидимую плоскость рукой. Покои царевича тут же накрыло охранным контуром по периметру.

Проделав эту манипуляцию, Лесарт исчез.

На самом деле Солгару в хитроумном плане настанника отводилась одна роль - отвлекать внимание Гелсарта. И пока он с ней успешно справлялся, это развязывало Лесарту руки, позволяя привести задуманное в исполнение.

Материализовался он в темном каменистом проходе, ведущем к обрывистому берегу реки. Как раз недалеко от того места, где сбрасывались городские нечистоты. Мужчина поморщился, закрывая лицо рукавом, и углубился дальше в проход. Через некоторое время перед ним возникла фоящая магией толща кладки. Западные ворота - запечатанный Гелсартом технологический выход из Лабиринта.

Прежде всего нужно было скрыть следы вторжения, сделать их невидимыми для Гелсарта. Пришлось щедро напоить печати своей кровью и магией, чтобы после короткого заклинания они отвалились, словно насосавшиеся клещи. После этого Лесарт, приложил к кладке раскрытую ладонь, открывая проход.

Свою часть плана он выполнил. а дальше предстояло самое главное. Выбор.

Но выбор делать не ему.

Очнулся Зэйн также внезапно. Он был на скальной площадке где-то среди гор. Ветер, слепящее солнце. Не веря своим глазам, уставился на руки. Не понимая, что происходит... И тут на другом конце скальной площадки увидел мужскую фигуру, в первый момент удивительно напоминавшую ему отца. Однако мужчина повернулся, а Зэйн понял, что ошибся.

- Почему я здесь?! Что происходит?! Где Геста, что с ней?!

- Правильные вопросы. Тебя здесь нет, это только твое сознание. Ты по-прежнему в Лабиринте, а Геста рядом с тобой.

- Что? Верни меня назад! Ей может грозить опасность!

- Ты здесь, потому что открыл мое послание. Назад вернешься только после того, как выслушаешь меня. Или ты хочешь так же как и твой отец, проворонить все три предсказания так и не узнав главного?

Зэйн вздрогнул.

- Ты жрец? Оракул?

- Нет, - покачал головой мужчина, похожий на его отца. - Но я скажу тебе все, чего не услышал Гелсарт. Сначала о проклятии. Ты должен был родиться драконом.

Зэйна прошило внезапной дрожью, словно через него прошла волна ледяных игл.

- Из-за проклятия Гелсарт остался бесплодным, а ты был обречен родиться бескрылым чудовищем, зверем, лишенным человеческого разума. Ужасом, сеющим смерть вокруг. Чудовищем, не способным обрести свою истинную суть. И ползать в подземных норах, пока не издохнешь.

Ужасные слова. Но все правда. Зэйн невольно подался вперед.

- Оракул сделал о тебе три предсказания. Первое, что он предрек Гелсарту, было:

«В наказание за твою самоуверенность, твоя жизнь и жизнь порожденного тобой чудовища будут связаны до смерти».

Второе было о том, что ты не останешься таким навсегда, только до тех пор, пока «чудовище не обретет человеческий разум, а человеческое сердце не познает любовь».

И третье, последнее: «Девушка снимет проклятие и подарит властелина неба. Дитя должно родиться, а чудовище умрет, когда под

землей взойдет солнце».

Зэйну показалось, у него сейчас выскочит сердце, но странный гость не еще окончил свою речь:

- Я открыл западные ворота, - произнес он, поднимая вверх указательный палец левой руки.

Так вот откуда было ощущение вторжения и будто сквозняк... Зэйну стало страшно, что Гелсарт узнает.

- Не узнает, - мужчина, казалось, слышал его мысли. - Лабиринт открыт только для одного из вас. Либо уйдешь ты, либо Геста. У тебя есть выбор. А теперь иди, тебя зовут.

И Зэйн опять провалился в небытие.

Боже, как ей стало страшно, когда Зэйн повалился без сознания. У него только глазные яблоки шевелились, да временами подергивался кадык. Она не знала, сколько это уже длилось, несколько секунд? Минуту? Вечность? Но он никак не приходил в себя. Геста трясла его, кричала, смахивая слезы:

-Зэйн! Что с тобой?! Очнись, Зэйн! Очнись!

Наконец он открыл глаза, мутный взгляд прояснился.

- Ты... - пробормотал он, и схватил девушку в объятия. - Ты... Ты!

- Я так испугалась, - улыбалась она сквозь слезы. - Неужели это от пирожных?

Зэйн внезапно нахмурился.

- Нет. Со мной все в порядке, - проговорил он неожиданно серьезно и встал, мягко отстранив от себя ее руки. - Одевайся, нам пора на встречу с вожакком.

Гелсарт был поражен, увидев царевича свеженьким, как огурчик. Потом пришел к выводу, что три чудодейственных средства от похмелья следует освоить и взять на вооружение. А дальше он просто наслаждался маленьким самоистязанием.

Он сознательно оттягивал момент встречи, заставляя себя томиться предвкушением, пробегавшим волнами по коже. Скоро. Но оттянуть еще немного, продлить это ощущение. Он не чувствовал себя таким живым уже великое множество лет.

Однако в какой-то момент Гелсарт стал ощущать непонятную тревогу. Странное чувство, будто он что-то теряет. И понял - пора. Или начнется откат.

- Ну что же, царевич, готовы вы посетить племянницу? - спросил он внезапно прерывая беседу.

Тот слегка поперхнулся, удивленно на него уставившись, однако с готовностью произнес:

- Разумеется, ваше величество. Ведь я ради этого и приехал.

- В таком случае, идем, - поднялся Гелсарт. - Я провожу вас в Лабиринт.

глава 48

Геста уже была одета, а Зэйн свернул карту в трубку и искал во что бы упаковать. Ее взгляд упал на раскрытый футряр, так и оставшийся лежать на кровати, и Геста вдруг вспомнила, где видела эту вещь.

У наставника Лесарта. И даже царапины сбоку на крышке, Ошибки быть не могло.

- Зэйн? Слушай... Я знаю, кому раньше эта штука принадлежала.

- Кому? - резко повернулся Зэйн.

- Наставнику Лесарту, - она повела бровями, глядя куда-то в пространство, и сказала, - Знаешь, он ведь предсказал, что ты... что мы... Ну, что мы будем очень счастливы. И сказал, чтобы я тебя не боялась.

И покраснев от смущения, добавила:

- Интересно, как попал сюда его футляр для писем?

Зэйн застыл, странно приоткрыв рот, потом подошел, чтобы забрать у нее блестящие половинки, и вдруг спросил:

- Какой он, этот Лесарт?

- А? - очнулась от воспоминаний Геста. - Он наставник, великий маг. Учил меня магии и вообще, всему. Мне кажется, он знает наперед знает все, что будет. А еще он любит говорить загадками и насмешничать. Ты только не злись, но перед отъездом сюда Ти готовил мне побег, а я не смогла, казнили бы всю нашу семью. Лесарт сказал тогда, что никто не знает своей судьбы. Выбор, единственное, что всегда остается за нами.

Геста затихла, перед глазами встало недавнее, но уже давно прошедшее прошлое. Ее коротенькая жизнь. Вздохнула, пожимая плечами.

- Знаешь, удивительно, но он так похож на твоего отца, властителя Гелсарта.

Словно гвозди в разум эти слова. И то странное сходство, о котором говорила Геста. Он ведь и сам сначала ошибся, думал, это отец.

И странный выбор.

«Лабиринт открыт только для одного из вас. Либо уйдешь ты, либо Геста. У тебя есть выбор».

Мысли метались в голове бесконечным кольцом, сталкиваясь и уничтожая друг друга. Это разрывало душу. Потому что...

Если уйдет он, Геста достанется Гелсарту. Если уйдет она, Гелсарт все равно ее найдет, унюхает своей магией, затравит солдатами. И он, проклятое бесполезное чудовище, не сможет оградить ее, защитить. Так не лучше ли вообще ничего не предпринимать, не менять, пусть все застынет как есть, в мнимой, но реальной безопасности?

Зэйн с отчаянием спрашивал себя: зачем предлагать выбор, если его нет?

Сулить спасение, которое спасением не является?

Что это, изощренная насмешка или... такое испытание?

Теперь были ему известны все три предсказания, но что это давало?!

Ничего!

Что с этим знанием делать?

Новое знание еще предстояло осмыслить.

Решать сейчас что-либо Зэйн был не в состоянии. Значит, надо просто делать намеченное по плану. Впрочем, ему пришла мысль, раз Лабиринт открыт, почему бы просто не отдать карту людям? Они смогут выбраться, их магия не держит. Пусть хоть кто-то обретет свободу, раз уж ему суждено ползать в этой подземной норе до смерти.

Потом пришла другая мысль. Геста. Что если она все-таки захочет уйти...

Сердце сжалось болью, но он заставил себя дать ей этот выбор. И только открыл рот, чтобы сказать, как замер, вздрагивая от неприятного ощущения, словно плетью хлестнувшего по позвоночнику.

Открылась дверь из заговоренного серебра.

Гелсарт.

Путь, который они проделали с многочисленными тайными предосторожностями, показался Солгару невероятно длинным и извилистым. Сплошные тайные двери, переходы с одного уровня на другой. Еще более странном казалось все усиливавшееся возбуждение властителя, которое он даже не думал скрывать.

То как он потирал руки. Жутковатый скрипучий смех. Брррр...

Пришли внезапно.

Перед ними была белая, металлическая дверь, блестящая серебром. Гелсарт приложил руку к выемке в центре, дверь открылась. Потом повернулся к нему и проговорил указывая рукой на ход вниз, куда вела неширокая крутая лестница:

- Прошу вас, царевич.

Солгару стало откровенно муторно при мысли, что его сейчас запрут тут на веки вечные, и никто не узнает. Он даже готов был отказаться, но вспомнил Гесту, которую они всем миром отправили с это самое подземелье к чудовищу, выпрямился, расправил плечи, и ступил на лестницу.

Сзади послышался раздражающий скрипучий смешок, от которого у царевича мороз подрал по коже, и закрылась дверь. Он ожидал темноты, однако темно не было, синеватый свет. Еще два пролета, а потом остался один последний спуск. Внезапно Солгар увидел яркое пятно золотистого свечения на стене, засмотрелся и не заметил, как у подножия лестницы, словно ниоткуда возник мужчина.

- Кто ты и что тебе нужно?

Прозвучало резко. Солгар аж отдернулся. И тут из-за его спины донесся язвительной голос властителя:

- Ай-ай-ай, сын мой, как ты встречаешь гостей?

Сын? Поразился царевич, теперь уже поневоле разглядывая не только красивого темноволосого мужчину с диковатыми желтыми глазами, но и само огромное помещение с очень высоким потолком, словно рассчитанное на каких-то гигантов.

- Я не жду гостей. Стойте, где стоите, а еще лучше...

- Зэйн, - жестко оборвал его властитель. - Это царевич Солгар из Белора, требует родственное право видеть нашу невестку Гесту.

Откровенно говоря, Солгар в этой ситуации резко почувствовал себя идиотом. Не трудно было понять, что отец с сыном на ножах, и присутствовать при их перепалке сомнительное удовольствие. Но он здесь ради Гесты, потому и вмешался:

- Добрый день, господин Зэйн. Я бы хотел увидиться со своей родственницей Гестой, чтобы убедиться, что с ней все в порядке.

Этот мужчина, Зэйн, сразу потемнел лицом.

- Вы увидите ее, - проговорил он глухо.

Бросив быстрый взгляд на властителя, добавил:

- Стойте, где стоите, - и куда-то ушел, так и оставив их стоять на лестнице.

- Не хочешь пригласить нас, сын? - зло выкрикнул ему вслед Гелсарт.

Тот даже не ответил. Солгар почувствовал себя еще более неудобно, а властитель сжал кулаки и, кажется, даже зарычал от гнева. Однако прошло не больше полминуты, как перед ними снова появился негостеприимный хозяин подземелья, а рядом с ним Геста.

Вот это вот ОН и есть? Чудовище?

Однако Геста стояла с НИМ рядом, доверчиво держась за ЕГО руку, и, настороженно прячась за ЕГО спиной, смотрела на властителя. Потом наконец перевела взгляд и поздоровалась:

- Здравствуй, Солгар. Я рада тебя видеть.

А мужчина рядом с ней был напряжен и старался закрыть ее своим телом. Что ж, царевич понял, что видел достаточно. Проговорил с учтивой улыбкой:

- Ваш батюшка шлет вам поклон. И Царица Фелиса с дочерьми. И Ким с Селлой тоже.

Внезапное просветление обозначилось на лице Гесты. Она только собиралась что-то сказать, но тут вмешался властитель Гелсарт, и Солгар поразился, каким торжеством, какой злой радостью сочился его голос:

- Что я вижу?! Поздравляю, сынок, НАША девочка беременна!

Дальше все произошло внезапно. Солгар мало что понял, потому что мужчины Зэйна как не бывало, на его месте возник огромный страшный ящер. Он даже не успел испугаться, видя, как Геста вместо того, чтобы броситься бежать, спряталась между его жутких когтистых лап в поисках защиты.

- Нет, - прошипел ящер.

Властитель оттолкнул Солгара и выставив вперед руки, ударил в ящера волной магии, но вспыхнувший золотым свечением контур у подножия лестницы не пропустил, погасил волну.

- Ты обещал! - выкрикнул властитель.

- Нет! - рыкнул ящер и ударил хвостом.

- Ты об этом пожалеешь! - прошипел Гелсарт и развернулся, стремительно поднимаясь вверх.

Солгар последовал за ним. Уже за дверью Гелсарт, успевший натянуть на дышавшую гневом физиономию надменное спокойствие, произнес:

- Вы убедились, что что ваша родственница жива и здорова, а теперь уезжайте. И как можно скорее!

Вот уж царевич не собирался заставлять себя ждать и повторять что-либо дважды. Его немедленно как ветром сдуло.

глава 49

Когда незваные гости ушли, Геста испуганно пробормотала:

- Зэйн... что же нам делать...

- Я не отдам тебя ему!

- Но... Зэйн... - слезы першили где-то в горле, не решаясь выйти на поверхность.

- Пошли!

Он схватил ее, усаживая на спину, метнулся в спальню, разнося к чертовой матери весь их уютный мирок. Схватил в зубы карту и понесся прочь. А Геста вдруг с горечью поняла, что они больше никогда сюда не вернуться, и задохнулась беззвучным рыданием.

- Не плачь, - проговорил он. - Есть выход! Твой Лесарт открыл Лабиринт.

- Что? Что?! Откуда ты...

А он все мчался вперед, бросая отрывистые фразы:

- Долго рассказывать. Ментальное послание. Западные ворота открыты. Ты со своим братцем Ти выйдете вместе с остальными. Поняла?!

- Я никуда без тебя не пойду. - проговорила она, вытирая слезы.

- Не спорь, Геста, - сказал он уже спокойнее. - Мне нужно кое-что сделать. Я присоединюсь. Сразу. Потом. После.

- Зэйн! Я без тебя не пойду!

- Не спорь, прошу тебя. Мне просто надо кое-что сделать, а потом я сразу присоединюсь. Ты же знаешь, какой я быстрый.

- Это из-за меня... Он убьет тебя, Зэйн!

- Нет, - проговорил он.

И еще раз уверенно повторил:

- НЕТ.

Именно в эту минуту Зэйн понял, какой ему предоставлен выбор. Потому что мысленно сложились в единую картину все разрозненные кусочки из предсказаний.

И это был хороший выбор. Стоил всего в жизни.

Лесарт вернулся в покои царевича с тяжелым сердцем. Сделано главное, к сожалению, теперь от него уже ничего не зависит. Остается только верить тому, что он видел в будущем. И уверенности странствующего жреца.

Мужчина застыл, потирая изрезанную ладонь. Сейчас он думал о том, чего так и не смог постичь. Ведь странствующий жрец не открыл ему тогда до конца третье предсказание. Сказал, ты сам поймешь на месте.

Ну вот, он на месте. Ждать недолго.

Но перед этим ему предстояло еще одно дело - разговор с братом.

Быстро черкнув царевичу несколько строк, он незаметно покинул комнату, чтобы также незаметно материализоваться в другом месте. И не ошибся, ждать почти не пришлось. Навстречу ему по тайному коридору стремительно даже не шел - летел Гелсарт.

Едва не наткнулся на него, и заметил только тогда, когда Лесарт выступил на середину.

- Брат, - поклонился он приветствуя Гелсарта.

Тот невольно оглянулся и махнул на него рукой:

- Кыш!

- По-твоему, я призрак? - усмехнулся Лесарт. - Нет, брат. Я живой.

- Убирайся туда, откуда пришел, нечисть. Мертвецы не встают из могил.

- Но я, как видишь, встал. А вот ты сейчас собираешься совершить великую глупость.

- Какую еще? С какой стати ты вздумал меня учить! - прошипел Гелсарт, обнажая кинжал.

- Зря ты не дослушал предсказание, - спокойно выдал Лесарт уходя от удара. - Знал бы сейчас одну простую вещь.

- Какую?! - выкрикнул Гелсарт, снова кидаясь на него.

- Жизнь Зэйна и твоя связаны до смерти. Умрет он - умрешь ты, чудовище, - проговорил Лесарт и исчез.

Властитель не сразу пришел в себя, а когда понял, что стоит посреди коридора с кинжалом в руке и только что видел призрак убитого брата, все-таки бросился туда, куда стремился до этого. В помещение, где хранился артефакт - ключ от смертельной ловушки. Чтобы запустить ее и уничтожить Зэйна. Обещанное Оракулом дитя есть, значит, чудовище больше ему не нужно.

И тут до него наконец дошло, что сказал брат.

«Умрет он - умрешь ты, чудовище»

Гелсарт страшно зарычал, вскидывая руки, от волны силы задрожало все вокруг. А потом вышел, снося в ярости дверь. Он не посмел запустить смертельную ловушку. Надо искать другие пути.

Прибыв на место Зэйн не стал тратить время и вдаваться в подробности, просто сунул жожаку карту и сказал:

- Открыты Западные ворота. Идти короче всего здесь, здесь и здесь. Все. А теперь уводи людей.

Как бы не был потрясен жожак, смотревший на него, открыв рот, отреагировал он сразу. Бросил клич, и люди забегали как муравьи, в считанные минуты готовиться к исходу. А Зэйн выцепил и отвел в сторону Тигарда.

Геста хотела идти с ними. Но Зэйн как-то странно на нее глянул и сказал:

- Надо сказать твоему братцу пару слов наедине. Мы сейчас вернемся.

Послушалась. Но Зэйн видел ее настороженный взгляд, и это упрямое выражение, и сведенные брови.

- Ти! - выкрикнул он. - Пошли, давай, времени нет.

А когда отошли на безопасное расстояние сказал:

- Ты сейчас возьмешь Гесту за руку и не выпустишь, пока не окажетесь в безопасности. Понял? Головой за нее отвечаешь.

Парень странно на него взглянул и недоверчиво спросил:

- А ты?

- Мне надо активировать ловушку.

- Что? - пробормотал Тигард. - Нет...

- Следи за лицом. Она ничего не должна узнать.

- Но ты же умрешь.

- С моей смертью умрет Гелсарт. И не будет больше чудовища, - усмехнулся Зэйн, а потом добавил, глядя на Гесту: - Все, время вышло. Она ничего не должна заподозрить. Идем к ней.

Вернулись, он быстро поцеловал ее, шикнул, чтобы не смотрела букой.

- Идите со всеми! Я сейчас приготовлю сюрприз папаше и догоню вас. Все! Бегом пошли! Давайте!

Ти подхватил за руку отчаянно упирающуюся Гесту и потащил за собой, крича:

- Бежим скорее, Зэйн подоспеет через минуту!

Все удалось, подумал Зэйн, глядя, как тащит за руку Ти его уходящую жизнь.

Теперь главное - обезопасить их от чудовища. Зэйн волновался, еще не зная, как запустит эту проклятую ловушку. Но запустить должен.

До того особого зала он домчался в считанные секунды. Вошел в белесый свет и приблизился к стоявшему на постаменте каменному ларцу. Он даже не стал оборачиваться человеком. Зачем? Тут лежит смерть чудовища.

Чудовище умрет. Дитя родится.

Ящер глубоко вдохнул, прикрывая глаза. Вспомнил невозможные голубые глаза, их первую встречу. Бог чудом дал ему этот глоток счастья. Разве мог он, чудовище, просить о чем-то? Столько душ на его совести. Но иррациональная надежда, горевшая огоньком в груди... Пора

А потом просто вырвал ларец зубами и искрошил его в пыль.

В первый момент Геста сама не поняла, почему позволила Тигарду тащить ее за собой. Но с каждым шагом в ней крепла уверенность, что она поступает неправильно! Сердце просто вопило об этом. Остановилась, резко дернула парня за руку:

- Стой! Куда ты меня тащишь?!

- Как куда, - оторопел тот. - На выход... Бежим, нельзя останавливаться!

А сам глазами по сторонам стреляет. Врет. Врет!

- Говори правду! - рявкнула Геста, тряхнув его за руку. - Где Зэйн? Что он задумал? Говори!

Тигард склонился, покачал головой.

- Пошли, он велел...

- ГДЕ Зэйн?!

- Пошел активировать ловушку, - проговорил парень, скидывая на нее глаза, полные сожаления.

- Что?! - обернулась Геста.

Не зря же она чувствовала, что они ей врут!!!

Вдруг резкий толчок сотряс Лабиринт, словно волна прошлась по нему. И скрип и вой, будто вокруг его стен стонала сама земля. У Гесты от страха сжалось сердце. Помчалась назад, крича, размазывая слезы.

- Зэйн! Не смей умирать! Зэйн!

Тиград бежал с ней рядом, она ничего не замечала, неслась туда, куда

Зэйн водил ее однажды. В тот страшное место, где хранилась его отсроченная смерть. Но странно, вроде бежать очень далеко, а добежала быстро.

Он лежал там. Огромный бездыханный ящер, укрытый словно коконом сполохами синеватых искр. Искры потихоньку гасли, я силуэт ящера смазывался, превращаясь в человека. Когда она добежала, на полу уже лежал Зэйн.

Мертвый? Нееееет... Геста не могла поверить, не хотела! Нет!

- Зэйн! - позвала она, опускаясь рядом на колени.

Но молчал, не слышал, и сердце не билось.

И словно что-то лопнуло в ее груди, взрываясь силой, хлынуло на него светом. Не дать ему умереть, не дать уйти. Вернуть!

Ошарашенному Тигарду, показалось, что взошло маленькое солнце.

Войти внутрь Тигард не посмел, остановился у входа и смотрел, а на глаза наворачивались слезы. Умер чудовище... Ему было ужасно жаль и его, и Гесту.

Но за слепящим золотым сиянием ему ничего не было видно. Потом сияние стало спадать, теряя понемногу свою яркость. Наконец, когда он смог разглядеть, на полу сидела Геста, держа голову Зэйна на коленях и всхлипывала:

- Ти, иди сюда... Его вынести надо. Он дышит...

- Живой?! - вскинулся Тигард.

- Живой, я же целитель. Вот и... смогла, - пробормотала Геста, наклоняясь и целуя Зэйна в лоб, и улыбнулась.

Лабиринт трещал по швам, все гудело словно шевелилось, но на то было плевать. Геста стащила с себя платье, Тигард с себя и Зэйна верхнюю одежду. Кое-как соорудили что-то вроде большой тряпичной сумки и, благо пол мощен гладкими плитами, волоком потащили по полу его неподвижное тело.

Он не шевелился, но дышал. И это главное!

Наверное, когда жизненно необходимо, силы удесятятся, потому что они и сами не заметили, как нагнали толпу. А тут уж мужчины пришли на помощь, посмеиваясь над беспомощным «чудовищем». Отпускали соленые шуточки. Были те, кто проклинал его, крича, что чудовище надо бросить, пусть подыхает в своей подземной тюрьме. Но доброжелательно

настроенных все-таки было гораздо больше.

Так всем миром и дотащили тело Зэйна до западных ворот.

А потом выбрались из проклятой подземной могилы! Дальше был каменистый ход, выходящий к реке.

- Фуууу! - протянул вожак, затыкая нос. - Узнаю запах нечистот родного города. Столько лет прошло, а ничего не изменилось!

Но сейчас эта вонь значила только одно - они на свободе. И люди, охваченные радостью, бросились бежать еще быстрее. Кто-то из женщин сунул Гесте свой сшитый из лоскутов балахон. В подарок на прощание. Ну да, она-то только сейчас заметила, что осталась почти голая. Да и Тигард тоже. И Зэйн.

Только обернулись к нему, вроде уже можно распутать, чтобы дальше уже вынести на плечах, и тут его стало корезить. Так неожиданно, Геста испугалась, вскрикнула. А он вдруг очнулся, вытаращил глаза, потрясенно на них уставившись. Наверченная на него одежда стала расползаться в клочья, потому что Зэйн обращался прямо на глазах.

И крылья. Крылья... Огромные крылья!

глава 50

Никто не видел странствующего жреца, стоявшего поодаль. А он смотрел, и по губам Оракула змеилась странная улыбка. Ну вот и третье его предсказание исполнилось.

«Девушка снимет проклятие и подарит властелина неба. Дитя родится, а чудовище умрет. Когда под землей взойдет солнце, крылья обретет дракон».

Баланс восстановлен, здесь ему больше делать нечего. Однако остались дела в других местах этого гигантского дворца, да и за его пределами.

И надо бы поторопиться, пока там не наломали дров...

Пока в подземном Лабиринте разыгрывались драматические события, наверху дико и страшно умирал властитель Гелсарт. Его жизнь, связанная с жизнью порожденного им чудовища, уходила из тела вместе с потоками магии. Магия закручивалась темными смерчами, наполняя огромный дворец ревом и странными стонами. Словно это отнятые им души жертв, которые он впитывал в себя на протяжении стольких лет, вырывались сейчас на свободу.

От этих звуков всем, кто находился внутри, казалось, что весь дворец ходит ходуном, грозя развалиться и погрести их под своими развалинами. Жутко, опасно! И никто не посмел приблизиться к властителю, подать ему руку помощи. Даже когда он уже испустил дух, не сразу нашлись храбрецы, чтобы подойти и закрыть его остекленевшие глаза.

К несчастью царевич Солгар обратиться вовремя успел.

Его по приказу распорядителя задержали вместе со слугой, когда те в страшной спешке хотели покинуть дворец. И гостю из Белора пришлось выслушивать обвинения. Что и говорить, ситуация выглядела абсурдной до крайности.

Царевич Солгар спускался с властителем в Лабиринт без свидетелей. Что они там делали и как вернулись, тоже никто сказать не мог. И сразу после этого началось ЭТО!

В страшных корчах умер властитель. А подземный Лабиринт местами расселся, из него сполохами вырывались и гасли потоки магии. Когда

толчки сотрясавшие дворец, стихли, распорядитель, оставшийся теперь главным действующим лицом в этом сумасшедшем доме, отправил сотню лучших воинов в Лабиринт. Но магия больше не питала это место. Лабиринт в одночасье превратился в пустой темный подвал, в который лишь в некоторых местах сквозь трещины проникал дневной свет.

Не стало ни властителя, перед которым трепетали все цари, ни его чудовища. Великое царство, наводившее ужас на окрестные страны, в один миг осиротело. Ничего удивительного, что в подобной ситуации распорядитель в первую очередь кинулся искать виноватого. И Солгар на эту роль подходил лучше всего.

Нервный распорядитель в десятый раз задавал Солгару один и тот же вопрос:

- Что вы сделали с властителем, когда спускались вместе с ним в Лабиринт?

У несчастного царедворца от нервов уже глаз дергался. Лесарт, прикинувшийся слугой, молчал, скромно опустив голову, а царевич упрямо повторял:

- Я всего лишь осуществлял свое родственное право, желал удостовериться, что с царевной Гестой все в порядке.

- Кто может это подтвердить? То, что вы не причинили властителю вреда?

- Сам властитель Гелсарт, его сын, господин Зэйн и царевна Геста.

Три свидетеля. Но вот беда, Властитель был мертв, а господина Зэйна и царевну Гесту нигде не могли найти.

Хаос тем временем все разрастался. Потратив на них драгоценные минуты, распорядитель, в конце концов плюнул, и велел запереть царевича и его слугу в покоях. Выставил охрану и ушел заниматься ликвидацией последствий катастрофы. Но предварительно отдал войскам приказ немедленно разыскать и взять под арест сбежавшее чудовище и царевну Гесту. Теперь под подозрением были все.

Когда дверь закрылась, царевич выждал некоторое приличествующее время и спросил у Лесарта:

- Объяснить ничего не хотите?

Тот сделал знак молчать, поднимая вверх указательный палец. Потом жестом создал невидимую плоскость и толкнул ее к стене, образуя защитный контур.

- Теперь нас не потревожат, - проговорил он.

И как ни в чем не бывало, осведомился:

- Так что вы сказали, царевич?

- Я сказал, ничего объяснить не хотите? - повысил голос Солгар, обводя взглядом помещение.

- А, вы об этом? Поверьте, на дорогах сейчас небезопасно. Вооруженные всадники мечутся туда-сюда, зашибут еще ненароком. Переждем, а к вечеру выберемся.

Возмущение сдулось, и гнев царевича как-то сам собой угас, но досада осталась.

- Что ж, раз вы контролируете ситуацию, подождем, - чопорно проговорил он. - И все же, вы могли поставить меня в известность о своих планах. А так моя роль во всем этом незавидна.

- Но вы ее отлично сыграли, - одобрительно произнес Лесарт. - Поверьте, я сам не справился бы лучше.

- Э... ну что вы... - засмутился царевич. - Э... спасибо.

И тут же вскинул голову:

- Кстати, а почему бы вам не объявить во всеуслышание кто вы есть на самом деле и не принять царство?

Лесарт воззрился на него, вскинув брови:

- Я что, похож на человека, готового взвалить на себя эту массу проблем? Царство моего брата начнет трещать по швам уже сегодня. А завтра ему предъявят счет все те, кто вчера еще безропотно платил дань.

- Пожалуй, вы правы, - не мог не согласиться царевич. - Но почему же тогда мы не уехали тайно, уверен, у вас была такая возможность.

- Потому что на Белор не должно пасть ни тени подозрений. Иначе, сами понимаете, умирающий лев опасен. Разорить ваш дом у них еще хватит сил.

Разговор как-то сам собой иссяк. Ждать так ждать. Но Солгар в очередной раз поразился прозорливости этого человека. А когда Лесарт сказал, прислушиваясь к чему-то извне, что их сейчас выпустят, так и вовсе поверил в сверхъестественное.

Как бы то ни было, дверь отворилась, вошел серьезный и какой-то растерянный распорядитель и сказал:

- Царевич Солгар, приношу вам свои извинения. Нас посетил странствующий жрец. Он объявил, что пророчества, данные Салимским Оракулом властителю Гелсарту, исполнены. И предрек мне принять царство до тех пор, пока не объявится истинный наследник. Или если? Я не совсем понял, - он мучительно наморщился, вздыхая. - И э... если вам угодно остаться...

- Кхммм, - прочистил горло царевич. - Я бы предпочел отбыть сейчас же. Сами понимаете, дома ждут дела.

Не прошло и часа, а Солгар с наставником Лесартом уже выезжали за пределы дворца. Лесарт перед уходом заскочил на дворцовую кухню. Правда, Солгар так и не узнал, с какой целью, но вернулся тот с двумя баулами, наполненными чем-то одуряюще вкусно пахнущим.

Теперь наставник Лесарт ехал рядом, с невозмутимым видом оглядывая окрестности. А Солгар из-завсей этой нервотрепки изрядно проголодался, у него от волнующих запахов начала слегка кружиться голова. И тут наставник вдруг повернулся к нему и, заговорщически подмигнул:

- Ну что, проверим, как обстоят дела у царевны Гесты?

Огромный отливавший золотистой бронзой дракон был великолепен... Но он же занял собой весь проход!

Поза глупая, крылья прижаты к туловищу, толком и не распрямиться, ни дать ни взять, петух в трубе. Потрясенный, недоумевающий Зэйн так и застрял в проходе. Он еще не осознал, что жив, что свободен. Не понял изменений.

Первые секунды эйфорического шока прошли, и Геста стала звать его, смеясь от радости:

- Зэйн! Зэйн!

А он взглянул на нее сумасшедшими золотыми глазами и уже собрался расправить крылья, как между его ног ловко выскользнул вожак, шедший последним за всеми своими людьми.

- Куда! Стой! - заорал он, размахивая руками перед драконьей мордой.
- Превращайся обратно! Ты же тут все к чертям разнесешь!

Ужас отразился во взгляде Зэйна, обращенном на Гесту, в следующую секунду это уже был человек. Голый. Вожак, глядя на него, покачал головой.

- Парень, ты, конечно, прекрасен, но своими телесами всех тут распугаешь, - скинул с себя верхнюю одежду и кинул ему: - На вот, прикройся.

Потом закатил глаза и выдал:

- Никогда не думал, что скажу это, но я ужасно рад видеть тебя живым, дракон!

Зэйн не мог ответить, горло свело, он просто сжимал в объятиях Гесту и улыбался. Глупо, блаженно, так... по-людски.

- А теперь быстро! Давай Бог ноги! Они там, наверху, сейчас очухаются и вышлют за нами солдат. Тебе, дракон, лучше пока спрятаться где-нибудь, отсидеться до глубокой ночи.

И обернулся к Тигарду, деловито ткнув в него пальцем:

- Отвечаешь за них, парень. А то дракон-то, почитай, новорожденный, жизни не видел.

Глянул на Зэйна и добавил:

- Девочку береги. Не простая она. Ох, непростая. Владычица... - закрыл глаза и затих, а потом поклонился ей в ноги.

Геста и засмущаться толком не успела, как вожак гаркнул:

- Все! А теперь бегом! Иначе сейчас нас всех тут переловят. А не переловят, так от вони задохнемся.

Пахло там действительно ужасно, все как-то забыли об этом на время, а вожак напомнил. Потому они устремились к выходу из извилистого карстового тоннеля наружу. Там пришлось разделиться, вожак пошел к своим, а Геста, Зэйн и Тигард, обряженные в самые настоящие лохмотья, вниз по течению, пока не добрались до небольшой сети речных промоин и гротов.

Место выглядело диким, кругом заросли, до города вроде далеко. Там и решено дожидаться ночи, а заодно подумать, что делать дальше. Неожиданная свобода тоже может оказаться неслабым испытанием. Потому что хочется есть, надо подумать, где спать, что делать завтра. Да и других проблем, как выяснилось, было немало.

Тигард жарко убеждал, что надо найти остальных белорцев, а потом всем вместе пробираться к дому. У Зэйна его активность вызывала глухое раздражение. Хотелось спрятать Гесту от всего мира и больше всего от него. Любой взгляд в сторону Гесты был словно красная тряпка для быка. С другой стороны, этот парнишка ее брат, к тому же спас ему жизнь. В общем, ощущая душевный раздрай, дракон хмуро слушал речи Тигарда, и только крепче прижимал к себе свое сокровище.

Наконец они дождались темноты, чтобы попытаться найти какую-то добычу, но тут невдалеке послышался топот копыт.

Всадники.

ЭПИЛОГ

Геста вздрогнула и сжалась, а у Зэйна кровь вскипела при мысли, что ей может грозить опасность. Тигард мгновенно подскочил, распластался по стенке и шикнул, свирепо округляя глаза:

- Тихо! Спрячьтесь, а я попробую посмотреть, что там.
- Ти! - пискнула Геста. - Куда ты?
- Уведу их подальше и вернусь кружным путем.
- Ти! Тебя же схватят или убьют...
- Не бойся, сестренка, ничего со мной не станется, - отмахнулся парень.

На самом деле Зэйн только сейчас, пока они сидели в этой норе, смог разглядеть его как следует. Совсем мальчишка, на щеках юношеский пушок, которого еще не касалась бритва. Храбрый, смешной, импульсивный, глупый. Преданный. Добрый. Тигард был очень дорог Гесте. Зэйн просто не мог допустить, чтобы с парнем что-то случилось.

- Слушай, герой, - проговорил он, впервые открывая рот с тех пор, как почувствовал себя драконом. - Тут и без сопливых найдется, кому сходить на разведку.

Тигарда заело:

- Послушай, ты, варан-переросток...

Когда они начинали ссориться, Гесту сразу накрывало волнением.

- Зэйн! Ти! Прекратите сейчас же!

Спорщики умолкли, меряя друг друга взглядами. Потом Тигард посторонился, указывая рукой на выход из грота, и ядовито процедил:

- Прошу.

- Зэйн, умоляю, будь осторожен... - потянулась за ним Геста.

Он обернулся, погладить ее по щеке:

- Тшшш, - и пожал плечами, словно извиняясь. - Что со мной станется, я же чудовище.

Куда они ехали и зачем, царевич так и не смог понять. Кружили по улицам города, петляли, пробирались задрами-огородами и наконец вышли к реке. А по пути им слишком часто попадались странные группки нищих. Вид у этих людей был какой-то диковатый и подозрительный, но Лесарт

оставался внешне спокоен и невозмутим как всегда. Солгар тоже предпочел промолчать.

Чем ближе подходили к реке, тем явственнее можно было почуять следы цивилизации. Столь явные, что у царевича нос заложило. Однако Лесарт и тут виду не подал. Они спустились к самой воде и дальше все время двигались куда-то вдоль берега.

Солгар уже махнул рукой, воспринимая все как очередную придурь наставника, тотот резко остановился, привлекая внимание, и прошептал на грани слышимости:

- Предлагаю спрятаться и понаблюдать интересное зрелище. Вы как, царевич?

Царевич молча закатил глаза. Он был не против.

Спрятались в зарослях неподалеку, затаились и стали ждать. Сначала ничего не происходило. Зато потом...

Чуть выше по течению реку перешел отряд всадников и теперь направлялся к темневшим за излучиной расселинам, промытым рекой в высоком берегу. Копыта коней цокали по гальке, всадники о чем-то оживленно галдели и пересмеивались. Солгару было не разобрать слов.

- Разбойники, - тихо выдохнул Лесарт. - Похоже, основательно почистили дворец моего покойного братца, пока там творилось Бог весть что.

Но вот всадники уже почти добрались до берега.

- А теперь выход нашего чу... - Лесарт не успел договорить.

Откуда-то из темноты навстречу всадникам выскочило крылатое огнедышащее чудовище. Солгар был порясен! Дракон, самый настоящий дракон! Живой, не сказочный!

Дракон слегка дохнул пламенем, и все смешалось так мгновенно, просто уму не постижимо. Насмерть перепуганные люди посыпались в воду и стали разбегаться кто куда, истошно вопя от ужаса. Кони с диким ржанием заметались вдоль берега, вздымая тучи брызг. Один, обезумев вконец, зачем-то запрыгнул дракону в пасть, а тот так и замер, выпучив глаза от неожиданности.

И тут опять же из-за спины дракона вынырнул какой-то парень и заорал на него, размахивая руками:

- Выплюнь его! Выплюнь, говорю, варан-переросток, не стой как пень!

Дракон секунду смотрел на него, потом выплюнул брыкавшееся животное и гордо удалился, волоча по воде длиннющий хвост.

У Солгара случилась смеховая истерика. Лесарт невозмутимо взирал на это безобразия, когда царевич наконец отдышался, глубокомысленно

произнес:

- Кажется, настало время обозначить свое присутствие, а то пропустим все самое интересное.

Спустя короткое время они уже сидели у маленького костерка, угощаясь вкусностями от дворцового повара. Практичный Тигард, перекусив, побежал ловить лошадей, царевич Солгар поглядывал на Гесту и деликатно улыбался. А Зэйн с трудом сдерживается, чтобы не вызвериться на него от ревности.

Наставник Лесарт откинулся назад, опираясь на локоть, и мягко улыбнулся Гесте:

- Вот видишь, девочка, я же говорил, никто не знает, что сулит ему судьба.

- Да, выбор, единственное, что всегда остается за нами, - ответила та, взглянув на Зэйна. - Но выбор и делает нас теми, кто мы есть.

Тут наставник вскинул левую руку, поднял вверх указательный палец и выдал:

- Верно.

Потом повернулся к Зэйну и без всякого перехода спросил:

- Как насчет того, чтобы принять царство, властитель Зэйн?

- Что?? Царство? - опешил тот.

- Дворец ждет вас, властитель и владычица, - продолжал Лесарт, поглядывая на них с какой-то скрытой хитринкой.

Они с Гестой переглянулись и дружно в один голос сказали:

- Нет.

- Нет? - с видимым облегчением переспросил Лесарт. - Вот и хорошо.

И добавил, обращаясь к Солгару:

- Ну что ж, царевич, придется нам с вами проследить, чтобы в свое время царство досталось их сыну. Сыну дракона и девушки из древнего рода Катх.

Зэйн пораженно застыл, глядя на Гесту. Это было... Как продолжение той легенды о драконе и его сокровище. Словно время сделало петлю, чтобы судьба могла исправить свою ошибку.

- Помнишь то место, где мы встречались с тобой? - спросил его Лесарт.

Зэйн вспомнил скальную гряду высоко в горах и встрепенулся. Он никогда не видел его, но нашел бы с закрытыми глазами. Идеальное место для драконьего жилища.

Тем временем подоспел Тигард, груженный баулами. Разбойники и впрямь знатно порезвились во дворце Гелсарта, Еще и пятерых лошадей сумел поймать, сокрушался, что остальные разбежались.

За разговорами начал брезжить рассвет.

Не было долгих прощаний.

Как только на востоке появилась первая розоватая полоска, в небо поднялся дракон, унося с собой свое сокровище. Блеснули золотом могучие крылья, махнула рукой с его спины казавшаяся совсем крохотной девушка. Несколько взмахов, а потом они скрылись из виду.

А три всадника с четырьмя запасными лошадьми, груженными всяким разным барахлом, не спеша двинулись от реки в сторону ближайшего городка и дальше на север. Постепенно наступило утро, солнце стало припекать, Тигард задремал, монотонно покачиваясь в седле.

Идеальное время интеллектуальной беседы.

Царевич Солгар, которого давно уже мучил один вопрос, обратился к невозмутимо молчавшему наставнику:

- Не объясните ли, уважаемый Лесарт, как так вышло, что у вашего брата, человека с малой толикой, как вы говорите, демонской крови вдруг взял и родился сын дракон?

Лесарт искоса взглянул на него и прищурился, вытягивая губы трубочкой.

- Царевич, я предлагаю вам самому найти объяснения для этого феномена. Помнится, вы хвалились успехами в изучении древней истории и философии...

Царевич пожевал губами, и отвернулся. Что и следовало ожидать.

Однако впереди обозначился первый на их пути постоянный двор, где можно было поесть, постираться и отдохнуть перед дальней дорогой, и они свернули туда. Чтобы стать свидетелями яркого и драматического рассказа двух бандитского вида молодцово том, как храбрый юноша на их глазах убил ужасное огнедышащее чудовище.

Тигард вытаращился, не донеся до рта ложку, когда до него стало доходить, о чем речь. а Лесарт ехидно промолвил:

- Царевич, не находите, что этот великий подвиг следует увековечить в легенде?

Красный как рак Тигард хотел было возразить, но Солгар с совершенно серьезным видом выдал:

- Будет лучше, если в глазах людей Тигард останется тем, кто покончил с чудовищем. Я подумаю над этим.

Прищурился, уйдя в свои мысли, и мечтательно произнес:

-Будет огромный дворец и узники. Злой царь и страшное чудовище в подземном Лабиринте. Мечи. И кровь. И непременно черные паруса...

- Почему черные? - заинтересованно спросил Лесарт.

- Для большего трагизма, - невозмутимо ответил царевич.

- А девушка?

- Э... Девушка?

Тиград закатил глаза, слышали бы этих двоих сейчас Зэйн и Геста.

Но Зэйну и Гесте в этот момент было не до них.

P.S. Из путевых записок и личных дневников царевича Солгара.

«Дорога назад казалась короче. Немного грустно, взгляд нет-нет, да и устремлялся в небо, в надежде увидеть, не блеснет ли в лучах солнца золотое крыло дракона».

Неплохо, но чего-то не хватает.

Царевич понимал, что для написания эпических легенд ему еще предстояло выработать собственный стиль, хорошенько отточить слог и пополнить знания. К тому же, в его дальних планах присутствовало написание неких философских трудов, посвященных исследованиям в области драконологии. Путевые заметки и стали первой пробой пера.

И пополнялись эти заметки на каждом постоялом дворе, где их неизменно встречал рассказ о победителе чудовища, постепенно обраставший все новыми деталями и подробностями. Откуда-то возникли сверкающие доспехи и лучезарное копье, а также меч-кладенец, летающий конь и прочее, и прочее.

Воодушевленный народ уже начал сочинять о герое песни и баллады.

Наслушавшись всего этого, Тиград стал всерьез задумываться о карьере странствующего рыцаря. Царевич выразил готовность заняться его жизнеописанием. В шутку, конечно. Но в любой шутке, как известно, есть доля шутки, остальное правда.

Кстати, добыча, оприходованная хозяйственным Тигардом после тех разбойников, по ценности могла сравниться с золотым запасом Белорского царства. С точки зрения царевича Солгара это вполне тянуло на звание национального героя.

Лесарт всю дорогу в своих лучших традициях с загадочным видом молчал.

А в родном Белоре по возвращении через три неполных месяца наблюдалась неприглядная картина. Словно с момента отъезда Гесты тут прекратилась жизнь.

Царь Мелиар не просыхая пил, забросил дела, которыми всегда занимался так рьяно, резко постарел и для своих сорока четырех лет выглядел просто ужасно. Царица Фелиса, видя, как Мелиар стремительно спивается, в ужасе бросала взоры на окрестные царства, но в сорок один год да при живом пока муже, жениться на ней не было желающих.

Еще хуже дело обстояло с ее дочерьми. Выяснилось, что обе, и Лия, и Гелия, спят со стольником Винго. Когда Фелиса узнала об этом, хотела его казнить. Да не посмела, потому что на тот момент он оказался единственным мужчиной, способным держать войско Мелиара в узде. Дочери Фелисы перегрызлись из-за любовника и пытались отравить друг друга, а царский стольник, подстрекавший обеих, уже фактически видел себя на троне. И тут наконец вернулся Солгар.

Царевич с полным основанием мог бы сказать, что по приезде они увидели разруху.

Мелиара Лесарт взял на себя. Шепнул ему пару слов на ухо, после чего пьяный царь плакал как дитя. И в тот же день они оба отбыли в неизвестном направлении. Впрочем, царевич знал, где их искать, ибо все дороги ведут в Салимский храм.

Солгару же пришлось срочным порядком впрягаться в дела царства.

Одного Тигарда Белор встретил как героя. Еще бы! Не стало чудовища, которому каждый год приходилось платить кровавую дань. Но парень дома не задержался, отправился странствовать. Надо же было как-то оправдать лавры героя в своих глазах.

Кстати о чудовище.

Некоторое время назад в Белор приходили двое, одетые нищими. Высокий мужчина и худенькая женщина. Лица у обоих скрыты капюшонами. Искали старшего конюха царской конюшни Кима и его жену Селлу.

В тот же день они покинули город, а конюх с женой вышли проводить их за стену оттуда далеко в поля.

Стражник, стоявший в тот день в карауле угородских ворот, видел на руках нищенки широкие золотые браслеты. Потом еще более странную

вещь - будто далеко над полями блеснули темным золотом гигантские крылья. И что странно, старый конюх и его толстуха жена, когда притащились обратно, казалось, светились от счастья.

Но стражник решил, что просто перегрел голову на солнце, потому что день слишком жаркий. Доложить об этом было некому, царь с утра пьян. Вот и он приложился к бутылке да и забыл. Откуда ему было знать, что те двое оставили конюху тайное послание для царевича Солгара.

И теперь Солгар, стоя на городской стене, перечитывал написанное рукой Гесты:

«Спасибо тебе за все, Солгар!
Ты настоящий друг. Отцу передай, что я жива.
Солгар, я очень, очень счастлива. Ты даже не представляешь как...
У нас все хорошо. Спасибо еще раз!»

И маленькая приписка размашистым мужским почерком:
«Захочешь нас видеть, иди на восток до гор, а потом дальше. Там я тебя встречу.

Но не раньше, чем через год».

Царевич улыбнулся. Через год как раз удастся немного разгрести дела царства и успокоить сестру, может быть, даже выдать замуж племянниц.

А потом уже с чистой совестью заняться драконологией. Натурные исследования, генеалогия и все прочее.

Собственно, первые наброски своего фундаментального труда он начал уже сейчас.

P.P.S. Через год.

Через год разгрести дела царства не удалось, зато вернулся из Салимского храма Мелиар. Вел он себя немного странно. Особенно эти его утренние ритуалы, когда одетый в простые холщовые штаны и рубаху царь с рассветом поднимался на городскую стену и выполнял некий таинственный комплекс упражнений.

Однако вид у царя был просветленный и вполне вменяемый. Разве что перестал интересоваться набегами на соседей, не пил и не посещал спальню царицы Фелисы. Но в остальном, если не обращать внимание на недовольство сестры отсутствием мужа в постели, Солгар вполне мог оставить Белор на Мелиара и ускользнуть от нескончаемых дел царства

хотя бы на время.

Ибо первый том его фундаметального труда по изучению драконов начинался с генеалогии. Понятно, что сведения следовало собирать в эпицентре событий, и Солгар отправился в Киремос. Помимо всего прочего, будучи человеком ответственным, он считал своим долгом не упускать из виду царство, истинными наследниками которого являлись Зэйн и Геста.

В приграничном Ахарде к нему неожиданно присоединился Лесарт. Царевич был удивлен, однако, зная наставника, он, наверное, был бы удивлен куда больше, если бы этого не случилось.

- Приглядываете за наследством племянника? Или, может быть, решили сами занять трон? - не без ехидства поинтересовался Солгар.

- Ни то, ни другое, - невозмутимо ответил Лесарт, потом добавил, глядя вдаль: - Я иду отпустить брата.

Солгар не очень понял, что имел в виду наставник, впрочем, он и раньше часто не понимал его туманных речей. Но Лесарт был серьезен, и царевич предпочел не задавать лишних вопросов, а увидеть все на месте.

В Киремосе было как в Белоре год назад. Состояние, которое можно охарактеризовать, как разруха. Нет, конечно, там не наблюдалось того развала и запустения. Царство не разрушили враги, но пропала волшебная атмосфера, лоск, совершенство. Казалось, даже сиявшие жизнью фрески потускнели и истерлись.

Как будто со смертью жестокого тирана, все внезапно утратило краски. Как ни странно, но в той красоте, что поражала всех, кто прибывал в Киремос, было слишком много от магии и личного обаяния самого Гелсарта. А теперь огонь, подсвечивавший все это изнутри, погас. Остались просто стены. Голые и мертвые.

Лесарт грустно усмехнулся:

- Вот это и полюбила внем Ивалион. Красоту, которую он мог творить. А вы думали, в Гелсарте не было ничего хорошего? Было...

- Но почему тогда... - с трудом выдавил потрясенный Солгар.

- Во всем виноват выбор, что мой брат сделал когда-то. А судьбу уже не изменить. Но он отчаянно нуждался в свете, потому и искал потом Иву во всех женщинах. И так до безумия хотел обрести в Гесте.

- Получается, если бы он смог удержать Ивалион, все было бы иначе?

- Возможно, - потупился Лесарт отряхивая полу кафтана. - Но тогда бы не родилась Геста, а Зэйн так и остался бы чудовищем и никогда не обрел свои крылья. Но ведь не просто же так рождается в мире дракон? Все взаимосвязано, и древние предсказания и легенды должны исполняться,

иначе, какой в них смысл?

Солгар пожевал губами. Возразить тут было нечего.

- Кстати, царевич, вы нашли объяснение феномену, - вклинился в его раздумья голос Лесарта. - Откуда у Гелсарта мог взяться сын дракон?

- Э... Нет, - выразительно кивнул внезапно покрасневший царевич. - Пока нет. Но я занимаюсь исследованиями. Именно за этим я сюда и приехал.

И тут же парировал:

- Кстати, было бы очень интересно посмотреть, как вы станете отпускать брата.

- Что ж, для этого нам придется отправиться в Лабиринт.

Больше всего Солгара в Лабиринте, в который теперь можно было беспрепятственно проникнуть, поразил специфический мох. Его кустики с голубоватыми светящимися цветочками были повсюду, прорастали на поверхность, заполняли все трещины и углы.

Внутри было темно, как в пещере, лишь из трещин просачивались лучи света. Собственно, на гигантскую пещеру, заросшую корнями и паутиной и был теперь похож Лабиринт. Гулко отдавались шаги по растрескавшимся плитам. Взлетели к потолку стаи летучих мышей и сов.

- Здравствуй, брат. - позвал Лесарт, остановившись в центре зала.

У Солгара зашевелились волосы на голове, когда перед ними материализовалась полупрозрачная тень властителя Гелсарта. Надо отдать ему должное, царевич был человеком мужественным, иначе...

- Я отпущу тебя к той, кого ты всю жизнь искал, - проговорил Лесарт, протягивая призраку раскрытую ладонь.

Тот взглянул с недоверием, потом протянул было руку и сразу отдернул.

- Мне страшно.

- Уйти не страшно, брат, страшно никогда не найти свою любовь, - ответил Лесарт

- Примет ли она меня? - мрачно проговорил призрак.

- А это уже будет зависеть от тебя. Здесь тебе все равно делать нечего.

Странно было видеть, как руки братьев сомкнулись, а потом тень властителя исчезла. И все? Вот так просто? Даже грустно стало как-то.

Вроде бы теперь можно заняться исследованиями в области драконологии, а у Солгара было такое странное чувство... Осадок. Да и Лесарт засобирался, и время, выделенное себе, заканчивалось.

Поэтому, нанеся короткий визит вежливости регенту-распорядителю, а также заглянув на дворцовую кухню, они уехали. Расстались в Ахарде, договорившись встретиться на границе Белора через три месяца и вместе отправиться проведать Гесту и ее дракона.

Но так уж вышло, что повидаться с Зэйном и Гестой царевичу Солгару удалось не через три месяца и даже не через год, а только спустя десять лет.

P.P.P.S.

Дракон и его сокровище.

Три всадника поднимались по горной дороге от отрогов в сторону главного хребта. Солнечный день. Жара. Грифы над головой.

Самый молодой из троих, однако и самый суровый на вид мужчина в легких походных доспехах, склонился на грифа, зависшего по левую руку, сплюнул сквозь зубы и вполголоса процедил:

- Сгинь, птичка, или твои перышки пойдут на украшение моего шлема.

Другой мужчина, тоже, несомненно, мужественный, но выглядевший немного старше и утонченнее, в нем угадывался скорее не воин, а философ, проговорил, не без ехидства:

- Тигард, вряд ли они почтут за честь украсить своими перьями чей-то шлем, пусть это даже шлем великого героя, самого победителя...

- Еще одно слово, господин Солгар, и я припомню все ваши грязные секреты, - парировал Тигард, приосанившись и уперев одну руку в бок.

- Это какие еще грязные? - возмущенно воззрился на него Солгар, невольно оборачиваясь за поддержкой к третьему лицу.

Третий всадник, наставник Лесарт, сухощавый беловолосый мужчина неопределенного возраста (по виду невозможно было догадаться, сорок лет ему или все триста пятьдесят), невозмутимо смотрел в другую сторону, словно происходящее вокруг его не касалось.

И вдруг птицы как по команде исчезли. А Лесарт, вытянув правую руку, указал на белесую скалу, видневшуюся вдалеке:

- Вот он.

На скале стоял мужчина. Издалека его высокая стройная фигура казалась маленькой, однако ни у кого не возникло сомнений, кто перед ними. Хозяин этих гор.

Солгар приложил руку ко лбу, согнув ладонь козырьком, а Тигард замахал обеими руками. В ответ на его жест, мужчина прыгнул со скалы вниз, на глазах оборачиваясь великолепным темно-золотым драконом. Все

трое замерли, пораженные невероятным зрелищем. Одиннадцать лет прошло с того дня когда они видели его в последний раз. А словно вчера...

- Ну понятно, куда исчезли птички, - пробормотал Тигард, зачарованно глядя на сверкавшие золотом в лучах солнца огромные крылья.

А дракон подлетел ближе, покружил на ними, заложил вираж и очень медленно полетел в одном направлении. Показывал дорогу. И тут уж Солгар с Тигардом сорвались в галоп в странном желании догнать и перегнать огромную тень дракона, а Лесарт только усмехнулся в усы и, выравнивая для молодых глупцов дорогу, поскакал следом.

Несколько непроходимых на вид ущелий, и наконец дорога вывела их к высокому скальному плато. А за ним даже не пещера, а какой-то очень необычный дворец в скалах. Жилище дракона. На площадке перед входом стояла Геста. Почти совсем не изменилась. Рядом крупный мальчишка, похожий на Зэйна, и девочка лет пяти, вылитая Геста. Такая же маленькая, худенькая, золотистая. И голубые глазички в пол лица. София.

Дракон не приземлился, а покружил над площадкой, отлетел на дальнюю скалу и сел. Словно изваяние, устремленное в пространство.

А там были радость встречи, слезы и объятия. Потом Геста потащила всех в дом. За стол, кормить с дороги, все не могла успокоиться, смеялась и плакала. Столько лет не виделись.

Наконец Лесарт проговорил, с удовольствием оглядывая детей:

- Я смотрю, вы времени даром не теряли.

- Мы? - лукаво засмеялась Геста, блестя невозможно голубыми глазами. - А вы? Расскажите, что было у вас? И почему не приходили так долго?

Мужчины как-то враз посерьезнели.

- Потому что в мире была война, девочка, - просто сказал Лесарт.

За это время отгремела даже не одна, а несколько войн, в которых они сражались бок о бок. Лесарт смог отстоять наследие племянника и при этом умудрился даже сохранить инкогнито. Тигард стал прославленным героем, а Солгар дальновидным правителем и сильным союзником, ибо считал, что, помимо личной дружбы, Белор в бывшем Гелсартовом царстве имеет неплохие инвестиции. К тому же его занятия драконологией... Но об этом позже.

Когда рассказ был окончен, Лесарт многозначительно взглянул на Гесту и проговорил:

- Истинным наследникам настала пора возвращаться.

Онаненадолго застыла, глядя через широкий арочный проем на видневшегося вдалеке дракона. Потом сказала, подавляя беспокойство:

- Вы не понимаете. Наш дом здесь... Нет. Нет.

Словно почувствовав ее состояние, дракон немедленно сорвался с места и подлетел к площадке. Через несколько секунд Зэйн уже был внутри. Подошел к жене, обнимая ее за плечи, а она доверчиво к нему прижалась.

- Рад видеть вас в своем доме, - сказал он и поклонился каждому.

- Зэйн, тебе пора возвращаться. Царство ждет, - проговорил Лесарт.

Он нахмурился и весь собрался, так, будто дядя принес неприятную новость. Взглянул на Гесту, настороженно замершую в его руках. Немой разговор состоялся между ними, после чего он погладил ее ладонью по щеке и отрицательно качнул головой.

- Нет.

А Лесарт, словно только того и ждал, взглянул на Данияра, сына Зэйна, рослого, развитого не по годам десятилетнего парнишку, и произнес, поднимая вверх указательный палец левой руки:

- Ну что ж, очень хорошо. Значит, царство унаследует сын дракона и девушки с древней кровью Катх.

Все взоры устремились на мальчика, а он в свою очередь уставился на родителей.

- Но он же совсем молод... - охнула Геста.

- Пфффф! - фыркнул Тигард, стукнув себя кулаком в грудь. - У него такой дядя! Я научу тебя сражаться, парень!

- Кхम्म! - возразил Солгар. - Мой юный принц, не слушай этого солдафона, дядя Солгар научит тебя правильно мыслить!

Парнишка застыл, разинув рот. Лесарт помалкивал, слушая тех двоих, только брови его как-то двусмысленно топорщились. Глядя на все это Зэйн тихонько усмехнулся, успокаивая взволнованную Гесту:

- Пусть едет. С такими дядьями парню точно ничего не страшно.

На обратном пути Солгару пришлось примириться с тем, что Тигард с боем отвоевал право везти мальчишку. И теперь засорял ему мозги разговорами о сражениях, и тот слушал геройские байки, восторженно блестя глазами. Солгар испытал нечто похожее на ревность и легкую досаду. Зато у него вышла неожиданно интересная беседа с наставником Лесартом.

- А знаете ли вы, Солгар, что сын дракона рождается человеком?

- Э...? - промолвил, осмысливая. - Странно...

И тут у Солгара в голове щелкнуло, будто наконец сложилась некая

закономерность.

P.P.P.S.

Тезисы, подсмотренные в Трактате по драконологии, написанном Солгаром из Белора. А также новейшие легенды.

Первый том фундаментального труда включал в себя классификацию целого отряда существ, которым Солгар дал научное обозначение «драконообразные».

К драконообразным относились:

Ископаемые четвероногие ящеры гигантских размеров, вымершие еще в древние времена. По внешнему виду и способу питания могли быть различны. Объединяющее свойство - тип размножения - все они откладывали яйца. Из дошедших до наших дней описаний следует, что данные существа имели довольно отталкивающий внешний вид. Огромные, слюнявые, неопрятные и дурно пахнущие животные. Рассудочная деятельность не обнаружена, речевой аппарат отсутствовал. Их мясо и яйца были пригодны в пищу, а шкуры, кости, скорлупа и т.д. использовались для различных хозяйственных нужд.

Ископаемые крылатые ящеры, также вымершие в далекой древности. По типоразмеру различны. Отдельные особи, согласно древних свидетельств, в размахе крыльев достигали размеров пяти этажного дома. Тип размножения тот же - откладывали яйца. По внешнему виду могли различаться, но все были покрыты видоизмененной чешуей или перьями. Рассудочная деятельность также не выявлена, речевой аппарат отсутствовал. Мясо и яйца были пригодны в пищу, а перья, кости, скорлупа и т.д. использовались для различных хозяйственных нужд.

Предположительно и те, и другие вымерли в результате охлаждения климата. Наиболее вероятна версия, что они были уничтожены (съедены) людьми. Однако в истории описаны случаи использования данных видов драконообразных в качестве ездовых животных.

Так называемые химеры. Мифические существа, образованные посредством магии. Состояли, как правило, из частей животных и человека. Размножение отсутствовало. Рассудочная деятельность и отвратительный характер отмечены многими источниками. Последний из представителей наблюдался несколько веков назад в районе Фив. Это был Сфинкс - чудовище с головой женщины, лапами и телом льва и крыльями грифона. Прославился тем, что задавал путникам трудные загадки, которые те не могли отгадать, а потом убивал их. Когда одному из путников, Эдипу удалось отгадать его загадку, Сфинкс с досады покончил с собой - бросился со скалы разбился.

(Грифоны и гарпии - еще один тип животных, образованных магией, к драконообразным не относятся).

Собственно ДРАКОНЫ. Высшие двухсущностные магические существа, способные по желанию принимать как человеческий облик, так и обращаться в огромных огнедышащих крылатых ящеров. В обоих обликах отличаются высоким интеллектом. Магические способности в той или иной степени.

В отличие от остальных двухсущностных, то есть оборотней волков, воронов, котов и прочих, у которых в момент превращения превалирует животная сущность, духовная организация дракона настолько тесно связана с человеческой сущностью, что размножаются они только в человеческой форме.

Сын дракона рождается человеком, неся в себе гены драконьей сущности. В каком поколении его потомков проявится потом драконья сущность, анализу не поддается. Есть мнение, что причины тому чисто метафизические. То есть, дракон рождается в мире, когда появляется необходимость восстановления мирового магического и энергетического баланса.

Драконы весьма любвеобильны.

Но произвести на свет потомство дракон может только с истинной парой. Одной единственной девушкой, найти которую он стремится найти всю жизнь. А найдя, полностью сосредоточивается на ней. Отсюда выражение - дракон и его сокровище.

Далее с многочисленными комментариями приводилось генеалогическое древо Зэйна, исследованное, начиная с Гелсарта и до пятого колена. Увы, Солгару так и не удалось даже предположительно

вычислить, кто из его предков мог являться носителем древнего гена драконьей сущности. И потому он пришел к выводу, что драконы время от времени появляются в мире не просто так, а исключительно по воле Божьей.

Однако теперь Солгара волновало другое. Согласно всем изученным источникам, у драконов всегда рождались только сыновья. Но ведь у Зэйна с Гестой родилась дочь.

Дочь дракона?

Единственный случай во всей мировой истории!

С трепетом вывел он на чистом листе нового тома первую запись:

«О дочерях драконов или новейшие легенды».

Но это уже другая история :)